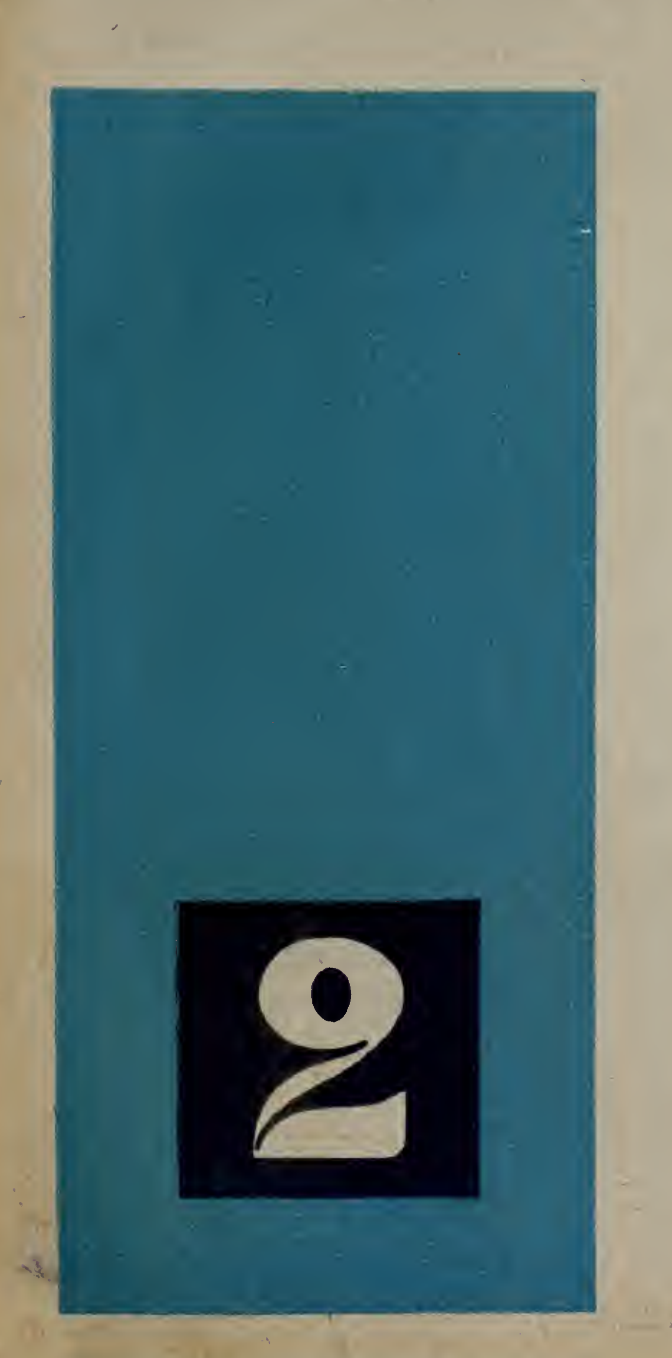
УТВЕРЖДЕНИЯ

AFFIRMATIONS. REVUE TRIMESTRIELLE

ОБЛОЖКА В. Н. НИКОЛЬСКОГО.

УТВЕРЖДЕНИЯ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ТЕЧЕНИЙ

№ 2

АВГУСТ 1931

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

К искреннему сожалению Редакции в настоящем номере, за недостатком места, не смогли быть напечатаны предназначенные для «Утверждений» статьи следующих авторов: Николай А. Реймерс — **Свобода и равенство;** Владислав Иванов — **Сегодня;** Владимир Жуков — **Тревожный сигнал;** А. Д. Хилков — **В сумраках тумана;** Н. А. Тургенева — **Ритм истории;** В. Н. Сперанский — **После юбилея** (о Достоевском).

Наш журнал существует исключительно на трудовые ежемесячные взносы сотрудников и друзей; такой способ создания издательского фонда дает много нравственного удовлетворения — но за то лишает пока Редколлегию возможности печатать полностью весь поступающий матерьял, как-бы ценен он ни был.

ОТ РЕДАКЦИИ

Наш журнал задуман, как попытка подготовить объединение пореволюционной молодежи и той части эмиграции, которая в тяжком опыте обрела новое сознание.

Первому номеру были предпосланы основные утверждения нашего содружества: в свете этих утверждений должно воспринимать каждую статью и настоящей книги.

Шорам партийной догматики противопоставляя свободное искание новых, синтетических форм — мы широко раскрываем двери представителям всех творческих течений российской мысли: религиозной, историософской, политической.

Мы веруем в славные судьбы России, преображенной изнутри новым религиозным светом и строющей — не для себя одной — свой честный, трудовой дом. Взрывая коммунистическое насильничество уже одним утверждением христианской правды в социальном ее раскрытии — никогда не примиримся мы с возвратом к эксплоатации человека человеком. Вино старое Российской Исторической Идеи хотим мы влить в мехи новые.

Мы чутко вслушиваемся во все, что звучит из России; о ней наша мысль, наша скорбь и в ней наша вера. Все, чем болеет она, чем озаряется — найдет свой отсвет на наших страницах.

1 августа 1931.
Париж.

ОСНОВНОЙ ВОПРОС НАШЕЙ ЭПОХИ

(ВТОРОЕ ПИСЬМО К ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ МОЛОДЕЖИ)

Большая часть эмигрантских направлений и группировок считают основным вопросом нашего времени вопрос о власти, т. е. вопрос о свержении власти большевиков и замены ее другой властью. Тем самым абсолютное преобладание получает вопрос политический. Вопрос этот решают разно, одни видят выход в восстановлении монархии, в форме самодержавной или конституционной, другие в учредительном собрании и демократической республике, третьи в той или иной форме фашизма и в новой диктатуре. Такая направленность воли искажает социальные перспективы и мешает сознать задачи нашей эпохи. Пора уже начать ставить все вопросы по существу, т. е. перестать определяться по преимуществу отрицательными аффектами и эмоциями. В эпохи великих исторических кризисов и потрясений вопрос о формах власти, т. е. вопрос чисто политический, лишь на поверхности может представляться самым главным и основным вопросом. В действительности ставится неизмеримо более глубокий и основной вопрос человеческого существования, судеб человеческого общества. Традиционные монархические и демократические формы власти потрясены до самых своих первооснов. И популярность фашизма, тяга к диктатуре в современной Европе есть лишь выражение этой потрясенности и разложения всех политических форм, есть лишь симптом и кризис. Бонапартизм и цезаризм есть выражение конца политической эпохи и означает угасание политического пафоса. Это есть упадочная политическая форма, играющая огромную роль в истории. Монархия и демократия — классичны, но эта классичность меньше всего свойственна нашей эпохе. Мы живем в эпоху, когда вопрос духовный делается ос-

новым вопросом, вопросом жизни или смерти и с ним неразрывно связан вопрос социальный, вопрос о творчестве новой жизни. Духовность в нашу эпоху неизбежно делается социальной, имеет свою социальную проэкцию и социальность неизбежно должна быть духовной, духовно обоснованной, внутренно одухотворенной. Мы вступаем в универсалистическую эпоху и невозможно рассматривать русский вопрос изолированно и провинциально, вне мирового вопроса. Русский вопрос есть мировой вопрос. Нельзя говорить о русском призвании, о русской миссии, — вне мировой перспективы.

Если рассматривать коммунизм и капитализм как действительные антитезы, что я считаю ошибочным, то во всяком случае нужно признать, что оба эти явления носят мировой, интернациональный характер. Сосуществование двух интернационалов и вызывает экономическое заболевание мира.

Поскольку русская эмиграция есть провинциальное явление, она не стоит на высоте происходящих в мире событий. Она в большинстве случаев не понимает мирового размаха и мирового значения русской революции. Это иногда лучше понимают иностранцы. Национализм, который все терзает современную Европу и грозит ей гибелью, есть наследие предшествующей, кончающейся, умирающей эпохи. В новую эпоху, которую мы призваны созидать, национальные призванья будут осуществляться по иному, не в форме замкнутых и эгоцентрических национальных государств. А потому и вопрос о власти ставится совсем иначе и предполагает совсем иную социальную структуру, чем та, которая господствовала в буржуазно-капиталистических обществах.

Основной вопрос нашей эпохи есть вопрос социальный, духовно-социальный, вопрос о «хлебе», понимая под этим некий великий символ, об организации труда и хозяйства. Первый вопрос есть, конечно, вопрос духовный, о духовной жизни человека и общества людей. Самый вопрос о труде, от которого зависит жизнь экономическая, есть вопрос духовный и сейчас он становится духовным более, чем когда-либо. Человеческие общества дисциплинировали и организовали труд по рабски, по крепостнически, по капиталистически, т. е. в форме нового рабства, бесстыдно прикрывая его принципом свободы труда, в

действительности принуждая людей, лишенных орудий производства и собственности, к тяжким формам труда под страхом голодной смерти. Наконец пытаются дисциплинировать и организовать труд коммунистически и создают новые формы крепостного права, превращая государство в самого жестокого владельца крепостных. Вся проблема в том, как дисциплинировать и организовать труд так, чтобы он был действительно свободен, чтобы он не был рабским и крепостным трудом, хотя бы в прикрытых формах капиталистических или коммунистических. Но это и делает проблему труда духовной и религиозной. До сих пор труд не был свободным, свободными были лишь высшие формы творчества. Но общество человеческое должно стать трудовым обществом, должно стать иерархической системой труда, взятого не только в его количестве, но и в его качестве. Труд со стороны субъективной, — духовно, — есть аскеза и социальное служение, со стороны же объективной, социально он есть ценность, которая подлежит охране и защите общества и государства. Рабочий, социальный вопрос лишь с технической стороны есть вопрос экономический, правовой, — принципиально-же это есть вопрос историософический. Вопрос же историософический в христианском сознании неизбежно превращается в вопрос эсхатологический, вопрос о конечных судьбах истории и страшном суде над обществами и цивилизациями. В этом смысл революций, как апокалипсиса внутри истории.

В русских эмигрантских группах есть какая-то нечувствительность к религиозной значительности так наз. «социального вопроса», вероятно вследствие реакции против коммунизма. Но это есть недостаток сознательности. Русская эмиграция, конечно, представляет собой господствующие классы старой России. В этом нравственная фальш ее восстаний против советской России, которая все таки, по преимуществу, рабоче-крестьянская. Но это соотношение несколько изменяется потому, что значительная часть эмигрантской молодежи превратилась в рабочих. По экономическому положению своему это пролетарии и интересы их пролетарские. Поэтому они не должны были-бы быть равнодушны к социальному вопросу и к интересам труда. Если русская эмигрантская рабочая молодежь часто остается безразличной к социальной проблеме, то исключительно потому, что

смотрит на свое положение, как на личное несчастье, а не как на социальное явление, и ждет улучшения своего положения не от улучшения положения трудящихся, а от возвращения себе утерянного положения господствующих классов. Думаю впрочем, что эти настроения идут на убыль и возрастают настроения более здоровые и реальные.

Необходимо установить правильную иерархию, знать, что есть первое, что второе и что третье. И вот первое есть, конечно, духовное, второе есть экономическое и лишь третье есть политическое. Политическое должно играть служебную роль относительно подлинно-реальных духовных и хозяйственно-экономических процессов. Нам более всего необходим духовный проявитель, которым мы могли бы отличать реальное от призрачного, действительную жизнь от паразитарных наростов. В политике всегда было очень много призрачного, вампирически высасывавшего сок народной жизни. И сейчас это чувствуется более, чем когда-либо. Мы живем в эпоху разоблачения реальностей. Призрачность политики можно особенно хорошо наблюдать во Франции. Лишь очень незначительная часть политики имеет отношение к реальной жизни народа. Процессы происходящие в современной Европе, как раз доказывают, что политическая власть очень мало может сделать для социального реформирования общества. Франция — демократическая республика и страна свободы, но она есть самая консервативная страна Европы, в ней необычайно трудно провести самую незначительную социальную реформу. Это вместе с тем говорит о границах понятия свободы в социальной жизни. Свобода есть высшая ценность. В жизни духа, откуда свобода и истекает, она кристалически ясна, она ясна еще в субъективных правах личности, в праве свободы совести, свободы мысли, свободы творчества, но в жизни социально-экономической она становится двусмысленной и может переходить в свою противоположность. Чисто формально-политическое утверждение свободы, свободы либерального миросозерцания может приводить к реальному экономическому рабству, к лишению людей права на жизнь и на труд, на достойное человеческое существование. Угнетение рабочих классов всегда проходило под лозунгом формальной свободы. Поэтому необходимо перейти от формального понимания свободы к

реальному пониманию свободы, от защиты чисто формальных прав гражданина, связанных с политическим обществом, — к защите реальных прав человека, связанных с обществом духовным, и реальных прав производителей, связанных с обществом экономическим.

Экономика есть более реальная жизнь, чем политика, и политика реальная есть лишь орудие экономики, как сама экономика есть лишь орудие осуществления целей духовной жизни. И экономика, как и политика, может создавать фикции и фантазмы, когда она становится совершенно автономной и не хочет подчиняться никаким религиозным и нравственным началам. Создание фикций и фантазмов есть специфическая болезнь капитализма. В фантасмагорическом мире капитализма сама частная собственность, которой этот мир так дорожит, превращается в фантазм. Человек сам не знает, чем он владеет, он владеет цифрами бухгалтерских книг банков, т. е. в сущности фикциями. Человек, владеющий коровою, владеет большей реальностью. Но христианство прежде всего дорожит реальностями и требует определенного отношения к реальностям, оно не выносит фикций. Христианское возрождение потребует возвращения к реальностям. А это будет значить прежде всего восстановление истинной иерархии ценностей. Первые ценности — ценности духовной жизни и духовной культуры. Потом следуют — ценности хозяйственно-экономические, как реального базиса жизни, — и потом лишь политические, наиболее формальные и оправданные лишь, как средство и орудие.

Духовное оздоровление человеческих обществ, без которого они дальше не могут существовать (русская катастрофа есть напоминание об этом для всего мира, в этом ее символический смысл), требует прежде всего преодоления христианского дуализма, христианской двойной бухгалтерии, согласно которой для личной жизни утверждались начала христианские, а для жизни социальной — начала антихристианские. Мир социально перестраивается и нужно по христиански определить свое отношение к происходящему, вложить свою христианскую волю и христианское творчество. В этом мы будем верны лучшим традициям русской мысли.

Николай Бердяев.

В ЗАЩИТУ СВОБОДЫ

В Советской России, в Италии, в Германии, во всей Европе, а потому и в эмиграции, появился после войны некий молодой человек: низколобый (признак фанатизма), тяжелочелюстный (признак решимости), горячеглазый, и, главное, исполненный лютой ненависти к свободе. Молодой человек этот — не большой мыслитель. На вопрос о сущности свободы он внятного ответа дать никогда-бы не смог. Все же образ ненавистной ему свободы стоит у него перед глазами вполне отчетливо: по его мнению свобода — это некий коллективный Степан Трофимович Верховенский, либеральная фраза, благородная поза, безволие, безличие, бессилие, т.-е. (!) демократия и парламентаризм. Послевоенный молодой человек зачарован идеей сильной личности. Слово «диктатура» звучит для него, как имя любимой.

Молодой человек этот марширует и под коммунистическими и под националистическими знаменами. Но под какими бы знаменами он ни маршировал — он представляет собою одинаково серьезную угрозу для культуры. Причем страшен он вовсе не тем, что он готов на борьбу до последней капли крови, готов на смерть и на убийство, а тем, что с ним невозможно разговаривать. Постоянно противоставляя в своих энергичных рассуждениях гранитную истину, которую нужно защищать всеми средствами, — слякотной свободе, он неизменно обнаруживает, что в истинности своей истины он в сущности заинтересован так же мало, как и в свободе. Это отнюдь не удивительно, ибо истина от свободы неотделима: «познайте истину и истина освободит вас».

Помню, как после одного реферата такого весьма «действенно» настроенного нового молодого человека, я пристал к нему с рядом затрудняющих вопросов. Попав в тупик, он вдруг озлился, весь действенно ощерился и запальчиво за-

явил: «весьма вероятно, что вы правы, я и сам так иногда думаю, — но от вашей правды скучно моей крови и поэтому я остаюсь при своей лжи. Только на ней можно строить будущее, только она и есть потому та правда, которую нужно защищать не только силою, но и насилием».

Дальше говорить было не о чем. С редкою отчетливостью вырвалась в словах моего собеседника затаенная мысль всех «волевых свободоненавистников»: презрение к истине. На вопрос — «что есть истина» ответить не только трудно, но быть может и невозможно. Из этой невозможности не следует однако вывод, что надо перестать его ставить; скорее наоборот: в непостижимости истины как раз и таится веление все новых усилий к ее постижению. Или иначе: истина есть, прежде всего, — **стремление к истине.**

Положение это остается в известном смысле верным даже и в том случае, если исходить, как исходят мои размышления, из признания абсолютности христианства. Как средневековая теократия, так и Русская Империя исходили, как известно, из этого признания и все-же христианская истина была ими не столько раскрыта, сколько предана. Причину этого предательства надо искать в том, что они истину христианства лишь утверждали как данность, но не раскрывали, как заданность. В особенности в России было утрачено ощущение того, что истина может оставаться живой только в форме постоянного обновления путей к ней. Истина, не ощущающая себя путем к высшей истине, неизбежно перестает быть живою истиной, истиною жизни; она коснеет и вырождается в отвлеченное доктринерство, моралистическое фарисейство и внешнее насильничество.

Если такая опасность существует даже по отношению к абсолютной истине христианства, то ясно, что она еще в гораздо большей степени должна угрожать там, где люди служат лишь относительным истинам: государству, родине, справедливости, социальному преображению мира.

**
*

Пореволюционные свободоненавистники, считающие себя защитниками истины, представляются мне людьми внутренне разрушенными этою опасностью. В их ненависти к свободе по-

тому и слышится презрение к истине, что они не чувствуют, что истина есть прежде всего **стремление** к истине, что жизнь в истине невозможна без постоянного сомнения в истинности своей жизни. Тот факт, что пореволюционные защитники истины вне свободы не знают этой духовной тревоги, не имеющей, конечно, ничего общего со скепсисом, является лучшим доказательством их корыстно-прагматического отношения к истине, доказательством того, что они не столько стремятся служить истине, сколько озабочены тем, как бы истину заставить служить себе.

Такое корыстное отношение к истине неизбежно подменяет объективную истину субъективной выдумкой. Попытка же объективизации такой выдумки, т.-е. действенного распространения ее за пределы собственного «я», неизбежно превращает эту субъективную выдумку в объективную ложь. Объективная-же ложь свободой не защитима: она защитима только насилием. Столь свойственное некоторым представителям пореволюционного пафоса отрицание свободы является, таким образом, прямым обнаружением того, что этот пафос не столько устремлен к освобождающей истине, сколько к теоретическому обоснованию и оправданию своей воли к власти.

Будем однако справедливы. Столь распространенное ныне свободоненавистничество до известной степени понятно и молодой человек, утверждающий в качестве высшей ценности жизни волнение своей крови отнюдь не чудовище, а всего только сын своего времени. Понять смысл свободы, ощутить вкус к свободе, — в наше время бесконечно трудно. Людей, исполненных подлинного свободолюбия очень мало; думаю, что они насчитываются единицами.

С этим положением не согласятся, конечно, все те, что считают себя призванными защитниками европейской культуры, не согласятся демократы всех толков и оттенков, недоразуменно считающие себя убежденными свободолюбами на том, недостаточном, основании, что они всегда были за все свободы, начиная от свободы мнения и кончая свободою исповеданий. «Свободы» демократия всегда защищала. И все же необходимо признать, что демократические защитники свобод в связи со всем своим духовным строем, сы-

грали роковую роль в развитии господствующего ныне свободоненавистничества. Их неоспоримая историческая вина заключается в том, что, отдав громадные душевные силы на защиту свобод, — они погасили в себе жажду свободы, что политическая борьба за свободу мнения и собрания убила в них духовную жажду освобождающей истины.

Недавно, на закрытом собрании социал-демократического учительского союза, видный депутат рейхстага говорил о культурной политике национал-социалистов и о трудностях борьбы с тягою молодежи к этой партии. Основная причина этой трудности усматривалась оратором в том, что идеал свободы никого больше не увлекает, ибо все свободы в республике в сущности осуществлены.

Совершенно с другого конца мы подходим к той-же теме: к отрыву в современном сознании идеи свободы от идеи истины. Социал-демократическому оратору не пришло даже и в голову, что весьма важное осуществление политических свобод есть только первый шаг к борьбе за свободу, т.-е. к борьбе за **освобождающую народную душу истину.**

Таково объективное обстояние вещей. Оно говорит о том, что защита свободы должна вестись сейчас на два фронта. Защищать свободу необходимо от тех, кто отрицает свободу во имя истины, понимая под истиной свою кровь и от тех, кто отрицает истину во имя свободы, понимая под свободой — свое мнение. Утверждать же сейчас необходимо некую двуединую духовную реальность: истину-свободу, т.-е. истину, которая скорее откажется от осуществления себя, чем решится на путь **внутреннего** насилия, и свободу, которая знает, что она реальна лишь как форма нисхождения истины в конкретную жизнь.

Такова общая метафизически-психологическая постановка вопроса. В применении к политике она требует однако уточнения и съужения. На путях такого уточнения необходимо ясное сознание факта, что по совокупности тех исторических условий, в которых мучается сейчас Европа, фашизм является гораздо более реальным и страшным врагом свободы, чем равнодушное к духовным исканиям демократическое свободолюбие. Если это верно, то неизбежен вывод, что и те поре-

волюционные деятели, что чувствуют в себе внутреннее отталкивание от духовного облика «старорежимного демократа», — должны защищать принцип демократии.

Почему же однако демократизм (беру этот термин, как и термин «фашизм», широко и условно) менее враждебен свободе (подлинной свободе, т.-е. свободе-истине), чем фашизм и каковы условия той русской действительности, которые повелительно требуют от нас сознательного подчеркивания этой большей близости?

Думается, что для открытого и не лукавящего взгляда на мир, — дело обстоит весьма просто. Как бы отрицательно не относиться к позитивистически-релятивистическому миросозерцанию современной демократии, как бы страстно не хотеть его перерождения и духовного углубления, нельзя все-же не видеть того, что демократическое свободолюбие не есть отрицание свободы, а есть некий весьма существенный путь к ней, **не видящий только своей последней цели:** — освобождающей истины. Не надо смешивать двух вещей: психологии современной демократии и политического смысла демократического принципа. Величайшая истина этого принципа заключается в том, что он, **как таковой, беззащитен перед истиной.** История развития либерально-капиталистического мира доказала, правда, что на путях демократических свобод возможно развитие социального рабства, но из этого не следует, что на тех-же путях не осуществима и реальная свобода. Если за Бога будет большинство, то за Него будут и позитивистические демократы. Это очень важно.

Иначе обстоит дело при фашизме (коммунизме, национал-социализме). Фашизм прекрасно понимает, что **свобода** — гораздо больше, чем свободы; что **свобода** возможна только, как освобождение через истину. Формально даже и большевицкий фашизм мыслит свободу совершенно так же, как и Евангелие от Иоанна: «познайте истину и истина освободит вас». Но в том то и дело, что переходя от слов к делу, фашизм (коммунизм) обнаруживает одну черту, дискредитирующую весь его исповеднический пафос. Черта эта — духовное малодушие, неверие, что истина освободит. Даже больше — уверенность, что освободит не истина, а диктатура, террор, че-ка.

Доказывать фашистам всех толков, что такое недоверие к освобождающим силам истины равносильно неверию в самое истину — бесцельно; им этого не понять. Людям-же, внутренне знающим двуединую реальность истины-свободы, видно, что малодушное неверие в освобождающую силу истины есть лишь следствие того, что за истину принимается ложь. Отсюда следует, что принцип демократизма постольку-же ближе к подлинному свободоверию, поскольку полуистина ближе к истине, чем лжеистина; поскольку путь к свободе — **бо́льшая** свобода, чем предательство свободы.

Я хорошо знаю, что против высказываемых мною мыслей часто выдвигается (с ссылкою на апостола Павла) известное соображением о том, что лучше быть горячим защитником лжи, чем прохладным сторонником полу-истины, что враг истины ближе к ней, чем ее праздный соглядатай. Соображение это верно, но верно только при очень осторожном обращении с ним. Малейшая неосторожность — и его сложная, но соблазнительная правда превращается в грубую и развращающую ложь. Верно то, что богоборчество — явление духовно более глубокое, чем религиозный индифферентизм. Но богоборчество одно, а идоловерчество нечто совсем иное. Возводить всех фашистов, национал-социалистов и коммунистов в сан богоборцев — совершенно не к чему. Они вовсе не богоборцы (для борьбы с Богом необходима вера в Него, которой у них нет), а всего только идолопоклонники, ставящие превыше истины обожествляемые ими государство, произвол господствующего слоя, пролетариат или третий интернационал.

Если современный демократизм и, в особенности, демократический социализм — представляют собою очень бледную вечернюю зарю христианского учения об абсолютном значении человеческой личности, то в идолопоклончестве большевизма и фашизма кроваво разгорается утренняя заря подлинного сатанизма. Я живо чувствую, как трудно пореволюционному, духотворческому свободолюбию голосовать за христианского выродка, отрицающего своих предков, — за демократического мещанина, но все-же настаиваю на том, что голосовать за чорта нельзя, преступно. Преступно даже и в предположении, что, злостный поработитель свободы, он мог-бы скорее

мещанина принести миру реальную свободу. Преступно потому, что мы, люди, вообще не смеем смотреть на творимое у нас на глазах зло с высоты исторического сознания. История бесспорно учит тому, что добро часто осуществляет себя через зло, — но из этого отнюдь не следует, что мы имеем право рукоплескать злу, как творцу и зиждителю добра. В сфере личной жизни эта нравственная аксиома всем ясна. Из того бесспорного факта, что многие приходили к правде своей жизни на путях страдания и покаяния, — ни один нравственно-вменяемый человек не сделает вывода о допустимости преступления в качестве кратчайшего пути к истине. В политической-же сфере такие выводы часто защищаются вполне здравомыслящими людьми.

В прошлом году, как раз во время крутого подъема национал-социалистической волны, я беседовал с видным немецким нео-демократом и свободоверцем. Целый вечер он доказывал мне, что единственно-правильная тактика нового, пореволюционного демократизма, должна сводиться к разжиганию борьбы между национал-социалистами и коммунистами, так как воскресение реальной свободы, свободы-истины, возможно только на путях предельного унижения бессильной демократии, защищающей свободу мнения, но опасающейся, как-бы человечество не доискалось до освобождающей истины. Я знаю, что мой вопрос парадоксален (парадоксален потому, что мы не привыкли к нравственной постановке политических вопросов), но я все-же спрашиваю: чем такая дальнозоркая политика отличается от предложения зарезать собственную жену, дабы на путях преступления и покаяния притти к конкретной истине, к вере в Бога? Неужели не ясно, что если осилившее тебя преступление и может обернуться ростом души, то задуманное в приглядку на душевную прибыль преступление, никакой прибыли дать не может?

Совершенно также обстоит дело и в политике. Духоверческое и духоносное свободолюбие не может идти рука об руку с идолопоклонничеством и свободоненавистничеством на том основании, что настоящая свобода не стекло, а булат, который только крепнет под ударами фашистско-коммунистиче-

ского молота. Все подобные рассуждения легкомысленны и лживы; все — от лукавого.

Честное свободолюбие должно защищать те формы и те степени свободы, которые имеются налицо. Как-бы недостаточна, не духовна и формальна ни была по своему внутреннему настроению современная демократия, перед лицом сталинского свободоненавистничества она все-же является носительницей и защитницей свободы. Эту элементарную истину обязаны понимать, чувствовать и защищать прежде всего мы, русские люди. Обязаны потому, что не можем сомневаться в том, что на вопрос о сущности свободы большинство замученных советских граждан, которых язык не повернется упрекнуть в мещанстве, совершенно инстинктивно ответят: свобода — это свобода мнения и собрания, это правовая огражденность своего дома и своего дела от безответственного административного произвола, это право жить своею жизнью, и главное, — **умирать своею смертью.**

Все эти свободы демократия, как ни как, не только защищает, но и реализует. Всем новым свободолюбам, нападающим сейчас на формально-демократический пафос свобод, надлежит об этом не только помнить, но и сознательно учитывать это в своем политическом строительстве. Свое мнение, свое слово, свой дом, свой труд, **своя смерть** — все это первозданные реальности жизни, вне которых невозможно никакое социально-политическое искание освобождающей истины. Справедливому уху нельзя, неприлично этого не слышать и не понимать.

***

Этою защитою демократического принципа я отнюдь не хочу однако сказать, что защищать свободу всего только и значит защищать этот принцип. Весь мой подход к вопросу говорит о том, что мой тезис много сложнее. С чисто теоретической точки зрения мною ведь уже было признано, что свободолюбивый демократизм, не понимающий, что реальная свобода может быть основана лишь на **долге** истины, а не на **праве** мнения, так же враждебен свободе, как и свободоненавистнический фашизм, чувствующий связь свободы и истины, но не от-

личающий дыхания истины от волнения своей крови. Но так дело обстоит только в теории, для которой не существует проблемы, определяющей всякое практическое делание, **проблемы наименьшего зла,** проблемы наименьшей лжи.

Построяя идею свободы, я ни в какой мере и степени не обязан вводить в нее теоретически неприемлемые для меня элементы формально-демократического, либерально-позитивистического понимания свободы. Но в том-то и дело, что такая свобода всестороннего отграничения истины от заблуждений — на практике не дана. Если я, как практический деятель, останусь с глазу на глаз с истиной, т.-е останусь в блистательном одиночестве, то я никакого практического дела осуществить, конечно, не смогу. Практика истины должна неизбежно считаться с проблемою наименьшего зла. В теории возможен любой синтез любых моментов истины. На практике же это невозможно. Практическое созидание жизни творится не мечтами о невозможных объединениях, а точностями ежеминутно свершаемых решений. Мудрость практического делания связана прежде всего с верностью выбора союзников. Выбор же определяется тем, что предложено к выбору. Основные данности современной политической жизни суть — демократия и фашизм (коммунизм). Борьба за подлинную, пореволюционную, духоверческую свободу не может потому не исходить из выбора между этими данностями. Так как демократия, как было выше указано, есть **наименьшее зло,** то она и должна быть избрана в качестве **исходной позиции** для борьбы за подлинную свободу, за освобождающую истину. В процессе этой, в смысле социально-политической территории точно определенной и тем самым политически односмысленной, борьбы, не только возможен, но и необходим, конечно, учет той относительной правды, которой исполнен идеократический пафос анти-демократических настроений современности. Задача нового, творческого демократизма в том прежде всего и состоит, чтобы устроить на почве демократии, т.-е. на почве подлинного и реального народоправства, правду идеократического духоустремления. Главная задача пореволюционного свободолюбия отнюдь не состоит, как то многим кажется, в борьбе с демократией.

Вопрос свободы не был бы всесторонне поставлен, — а за-

дача этой статьи не столько в разрешении этого вопроса, сколько в его правильной постановке, — если бы я, хотя-бы вкратце, не коснулся столь больного ныне вопроса о диктатуре.

Мне представляется аксиомой то положение, что все великое и подлинное достигается как в жизни отдельных людей, так и в жизни народов, на путях сознательного и волевого самоограничения. И я не вижу основания ставить демократию вне сферы действия этого общего нравственного закона. Не подлежит никакому сомнению, что и в жизни демократии могут наступить положения, когда иначе, как через волевое и сознательное самоограничение, ей своей идеи не спасти. Формою такого самоограничения может являться и диктатура. Если в Германии все еще не возобладали коммунистические и национал-социалистические диктатурщики, то это не в последнюю очередь объясняется готовностью Гинденбурга, Брауна и Брюннинга защищать республику и демократию решительно всеми средствами, — хотя-бы и средствами диктатуры. Русское Временное правительство не нашло в себе в свое время нравственного пафоса такого сурового ограничения своей демократической воли и своего демократически-правового сознания, — и это сыграло роковую роль в развитии русской революции.

Из сказанного следует, что насколько для демократии недопустимо насильническое **насаждение** своих идей — настолько-же для нее обязательна защита их силою от тех элементов, что стремятся к их насильственному низвержению. На время, в порядке волевого и сознательного самоограничения, провозглашаемая и твердо, в демократических руках покоящаяся, диктатура — есть по существу не диктатура, а демократия. Оспаривать эту очевидную истину могут только доктринеры отживающего демократизма.

Все сказанное может быть сведено к следующим положениям:

1. Понятия свободы и истины нерасторжимы: только истина освобождает, только свобода ведет к истине. «Истина», стремящаяся к самоосуществлению через насилие — всегда ложь; «свобода», не устремленная к истине — произвол.

2. Равнодушное к освобождающей истине демократическое свободолюбие теоретически столь же чуждо духовно-ре-

альной свободе, как фашизм (коммунизм), отрицающий свободу на путях осуществления истины.

3. Политически дело обстоит иначе: политически демократия не враг свободы, а скорее — слепой союзник. Настоящий-же враг фашизм (коммунизм).

4. Борьба за свободу должна вестись на территории политической демократии, но должна быть направлена на психологическое усвоение и устроение той истины, которою держатся идеократические настроения анти-демократического фашизма.

5. Диктатура не всегда противоположна демократии, — она мыслима, как форма самоограничения демократии, как форма, направленная не на ликвидацию свободы, а наоборот, на ее спасение.

Федор Степун.

ОТ РЕДАКЦИИ. Искренность и óбразность статьи Ф. А. Степуна настолько подкупают, что трудно подойти к ней критически. Однако, спокойно взвесив силу его утверждений, — нам кажется, что облики «демократии» и «фашизма» в ней несколько стилизованы. Этот последний, несмотря на свою примитивность и провинциальность, — все-таки является одной из первых попыток Запада найти выход из тупика, в который оказалась загнанной социальная проблема; взятое фашизмом направление не может не быть признано в известном смысле пореволюционным. С другой стороны, всемерно утверждая идею свободы (основоположную идею христианства) — мы не склонны обязательно связывать ее с «демократическими» формами государственного устройства, даже если эти формы признавать только «исходными». Исходить придется не из них — а из советской действительности.

Горячо приветствуя появление на наших страницах как всегда блестящей статьи Ф. А. Степуна — мы расчитываем, что она вызовет интересный обмен мнений в следующих номерах журнала.

В ПОИСКАХ НОВОЙ РОССИИ

Из всех проблем, стоящих перед «зарубежной Россией» — главной, единственно-серьезной, является (или, по крайней мере, должна была-бы явиться) проблема: что она и чем она должна быть в отношении России коренной.

На этот вопрос с большой легкостью дают свои ответы политики. Но их ответы, по необходимости разнообразные, — часто субъективны. Некоторое приближение к объективному ответу возможно, однако, на почве осложненья пространственного подхода к проблеме (Россия коренная и «Россия зарубежная») — временным, на почве представленья о трех Россиях — старой, дореволюционной, которой уже не знают многие представители молодого поколения эмиграции; современной, революционной, которую сколько нибудь ясно представляют себе лишь немногие из ее состава, — и России новой, послереволюционной, которую никому не дано знать, но схематическое провидение которой всетаки возможно. Ибо когда мы говорим о России прошлой, настоящей и будущей, то мы не просто присоединяем к понятию России три времени, а берем три стадии закономерно развивающегося процесса — революционного.

Революции по видимости хаотичны и действительно таковыми являются в своем течении, но закономерны в происхождении и исходе. Революции происходят тогда, когда в развитии разных сторон общественной жизни (религиозной, моральной, правовой, политической, экономической, социальной, технической и т. д.) утрачивается согласованность, которая является залогом покоя или спокойного развития. Русская революция, как многие другие, произошла на почве отставанья **политического** строя от развития хозяйства и общественного самосознания новых, приходивших на историческую арену, социальных групп. Но отставанье не непременно должно быть дано в области политики: в современной европейско-американской цивили-

заціи есть симптом застоя **экономических** форм, сравнительно с развитием техники и многих сторон духовной культуры.

Но революции закономерны в своих исходах. Синтез того жизненного, что было в дореволюционном строе с тем жизнеспособным, — ибо исторически обоснованным — что принесла революция, реализация того, к чему стремилась страна еще до катастрофы, — но отметенье того, что произвольно выдвинулось на поверхность за пластический период революции— вот картина, которую всегда являет послереволюционный строй. Эта историчность в исходе революций не всегда сознается современниками. Новая Франция казалась подлинно новой, в революции сотворенной, французам двадцатых и тридцатых годов 19-го века. Но пришел Токвиль и непреложно уяснил, что эта Франция основными чертами продолжает Францию дореволюционную, точнее, осуществляет те потребности, которые стучались в двери еще до революции, но тогда не были услышаны.

Кончится русская революция, станет действительностью новая Россия, и русский Токвиль покажет изумленным современникам, что эта Россия не так нова, как кажется. Ибо если будет новая Россия, то она будет органическим синтезом между Россией старой и Россией наших дней.

С этой оговоркой возможно даже несколько более конкретное предвиденье новой России. В ней имеют наибольшие шансы осуществиться те тенденции в развитии старой России, которые в этой России подвергались задержке. Иногда такие тенденции, хотя и в искаженном виде, просвечивают уже в период революции. Таковы напр. тенденции к культурной демократизации и к индустриализации. Иногда положение оказывается более сложным: революция в своем развитии выдвигает поочередно разные тенденции, относящиеся к одной и той-же жизненной сфере; так можно полагать, что в области аграрных отношений последовательные стадии революции дают прообразы грядущего закрепления мелкой частной земельной собственности (аграрный строй 1922 - 1928 гг.) и интенсивного развития сельско-хозяйственной кооперации (коллективизация, в которой идея кооперации подвергнута сильнейшему искажению). Но могут в будущей России проступить и такие тенденции старой, которые в революционный период оказались на вид сорванны-

ми (тенденция к восхождению православной культуры); отдельные тенденции могут, конечно, и окончательно заглохнуть.

Степень вероятности осуществления таких частных предвидений, конечно, много меньше, нежели в отношении к общему облику новой России. Какова бы ни была она в своих конкретных очертаниях, новая Россия не будет ни восстановлением старой России, ни закреплением революционной. Антиисторично и потому нереально мыслят как те, кто считает возможной реставрацию, так и те, кто полагает окончательно данным то, что есть сейчас.

К этой новой России, в известных отношениях продолжающей старую, но в других ее отрицающей — и должна стремиться эмиграция, которая, конечно, обязана оставаться верной хранительницей всего того ценного, что было въ исторической России; но она должна понимать, что это традиционное, историческое, приложится к новой России только в своеобразном преломлении, так сказать, не в той форме, в какой оно было в России до революции, а в той, в какой оно уже в ней стремилось.

Новая Россия может перейти из области мечты в область фактов только после того, как будет создан и созреет новый идеал, — согласно вышесказанному, отвечающий определенной схеме. Но в условиях небывалого в истории культурных народов деспотизма, новые идеалы могут складываться только в порядке молекулярных процессов. Этому духовно-творческому процессу, имеющему предварить чаемое преображение родины, и должна и потому может способствовать в условиях свободы пребывающая эмиграция. От того, поймет ли она свое призвание, — зависит вообще, сыграет-ли она какую-либо роль в становлении новой России. Этой роли не будет, если она по прежнему будет смотреть на себя преимущественно, как на арьергард старой России: всякий арьергардный бой, даже удачный, кончается сдачей позиций. Эта роль откроется перед ней только в том случае, если она сумеет выделить из себя идеологический авангард новой России.

Н. С. Тимашев.

РОССИЙСКОЕ МЕССИАНСКОЕ ПРИЗВАНИЕ

Существуют укоренившиеся нелепости. К числу таковых принадлежит безграмотное и бессмысленное смешение понятий «мЕссианизм» и «мИссианизм». Те, что совершают это смешение, полагают, что всякая «миссия» народа есть его мессианское призвание, а отрицание мессианства за каким-либо народом — есть отрицание какой-бы то ни было его исторической миссии.

Нелепость эта настолько укоренилась, что прежде, чем говорить о русском мессианском призвании, каждый вынужден напомнить, что Мессия и миссия — не одно и то-же, так-же, например, как не одно и то-же социализм и социология. Миссия какого-бы то ни было народа есть его историческое призвание, которое ему надлежит осуществить. И можно смело утверждать, что у каждого исторического народа есть своя миссия. Что, конечно, не значит, что каждый исторический народ есть народ мессианский.

Не только чисто мирская, земная миссия Рима не имела в себе признаков его, римского, мессианства — но и величайшая миссия Эллады, — более того, — богословски-умозрительная миссия Византии, — также была лишена всякого мессианства.

Мессианство определяет собой пересечение двух планов — божественного и тварного, момент воплощения божественного начала в тварном мире. Израиль, воплотивший Христа, Богочеловека, а пред этим всей своей историей подготовивший это воплощение — именно только по этому был мессианским народом. Ни закон, ни пророки, ни псалмы Давида, ни мудрость Соломона — не определяют его мессианство, — а определяет завет с Богом о «семени жены, которое сотрет главу змия», — определяет ожидание чаемого Избавителя, Который есть Сын Божий и Сын Человеческий. Богочеловек — вот плод израильского мессианизма. Ни ведение и лицезрение Бога, ни ведение

человеческой тварной природы порознь — не дают никаких оснований для утверждения мессианского призвания. Эти начала должны быть сопряжены, должно быть некоторое подлинное воплощение божественного начала в тварном мире, чтобы говорить о мессианстве.

Казалось-бы, что такое определение мессианства и исключение из этого понятия всех других, ближе подходящих к понятию «миссианства», совершенно уничтожает всякую возможность говорить о мессианстве какого-бы то ни было народа, кроме израильского. В самом деле, Христос был воплощен, Богочеловек явился в мире, — о каком еще воплощении может быть речь?

Но это возражение носит очень поверхностный характер. Воплощение Христа исторически неповторимое явление, — но вместе с тем воплощенный Христос всем своим богочеловеческим образом был, есть и будет как-бы некоторое задание человечеству, которое оно обязано стремиться воплотить в себе.

Воплощение Христа Богочеловека предопределило идею Богочеловечества. Как Сын Божий воплотился в человеке Иисусе и явился нам единым Богочеловеком, так и во всем человечестве должно явиться воплощенное Божество, должно быть явлено Богочеловечество.

Очень часто историософические построения христианских историков абсолютно теряют всякую руководящую нить с момента воплощения Христа. В самом деле, если не утверждать новых и обширнейших задач, — религиозных главным образом, — вставших перед человечеством с момента воплощения Христа, — то вообще история новой эры теряет всякий смысл, а является некоторой случайной цепью событий, долженствующих заполнить время до Страшного Суда.

Несомненно, что такое толкование имеет какой-то существеный внутренний порок, который может быть уничтожен только внимательным учетом всех заданий, оставленных Христом человечеству. И пусть их бесконечное множество, пусть христианские народы каждый своеобразно и по своему раскрывают их значение, — но среди этого множества есть одно задание, которое определяется главным образом Богочеловечеством Христа, воплощенным Божеством Его, — и только оно и

может носить наименование мессианского задания какого-либо народа.

Итак, прежде чем искать, какой народ и в какой мере удовлетворяет этому определению, необходимо утвердить следующие положения:

1. Понятие мессианизма отнюдь не совпадает с понятием миссии какого либо народа.

2. Мессианизм есть понятие чисто религиозное и говорит всегда о некотором воплощении божественного начала в тварном мире, о некотором пересечении двух планов бытия.

3. Мессианизмом не исчерпываются все задания, данные Христом миру. Помимо него могут быть самые разнообразные религиозные призвания.

4. Мессианским призванием может быть облечен народ, как живая волющая личность, — и отнюдь не может быть облечено какое-бы то ни было механическое понятие, как государство, класс и т. д. Этим определяется абсолютная невозможность мессианского самосознания там, где народ является лишь определением к основному понятию государства. Римское понимание народа и мессианство — понятия взаимно исключающие друг друга.

Только усвоив эти основные определения можно пытаться обосновать мессианское задание и призвание русского народа. И основным показателем в этой области является русская мысль.

Попытаемся найти руководящую линию русской мысли, центральное ее вдохновение, то, чем она отличается от мыслей и творчества иных народов. И попробуем, как гипотезу, определяющую это центральное звучание, взять русскую своеобразную и неожиданную идею Третьего Рима.

После многовекового богословского напряжения Византии, после тончайших догматических споров, после гениального творчества отцов церкви, — Православие, взрощенное на русской почве, оказалось вне этих византийских традиций. Оно в области догматики оказалось бесплодным. Оно дало только одну само-

стоятельную мысль. Идею Москвы — Третьего Рима — «а четвертому не бывать».

И наша литературная традиция до известной степени заклеймила это русское богословское убожество, определив идею Третьего Рима, как элементарную религиозную публицистику, имеющую целью возвеличить московскую государственность, придать ей аттрибуты известной религиозной избранности.

Правильна-ли эта оценка? И убога-ли и по существу идея Третьего Рима, вылившаяся действительно в наивные и детские формы?

Идея Третьего Рима предполагает, во первых, некоторую причастность человеческих дел, человеческого тварного творчества, — к божественному замыслу о мире. Третий Рим, в мыслях старца Филофея, Дмитрия Герасимова и других — это есть человечество, организованное так, как это угодно Богу. Бог, сотворив человека, не отошел от него и не остался только некоторым первоисточником его существования, Он не только творец, но и Промыслитель, — и в промысле Его существует некий идеальный план мироздания, который и воплощается в Третьем Риме. Значит, с другой стороны, человек есть сотрудник Бога, воплотитель Его замыслов, сотворец.

Если мы разберемся в этом построении, так объясненном, то увидим в нем основное стремление к воплощению божественной идеи, божественного Слова о мире. Подлинное осуществление Третьего Рима есть основное и существенное пересечение двух планов бытия, есть момент, воплощающий божественное задание в сотворенном мире. Третий Рим в идее своей — это вовсе не хорошо организованное человечество, — это бесконечно более, чем человечество,—это Богочеловечество.

И пусть в формах своих идея Третьего Рима элементарна и наивна. Ведь и не мудрено ей быть элементарной и наивной, — она идея совершенно новая, не связанная ни с какой византийской традицией, определяющая собой еще слабое звучание чисто-русской мысли. И звучание это с самого начала говорит о жажде воплощенного Богочеловечества, о чисто мессианской жажде воплощения.

Возьмем даже такое толкование идеи старца Филофея, лишь как гипотезу, которая еще должна быть подтверждена даль-

нейшими путями русской мысли. Возьмем ее как некий ключ к уразумению основного пафоса других русских мыслителей. И, минуя несамостоятельный и пустынный XVIII век, обратимся ко временам расцвета русского самосознания — XIX веку, веку, по истине классическому для развития русской мысли.

Славянофилы, Хомяков... Нет необходимости вдаваться в очень подробный анализ его учения, чтобы сразу заметить, до какой степени пафос его тождествен с пафосом старца Филофея. От самого внешнего и матерьяльного строя жизни, от земельного устройства и сельского самоуправления — и до последних глубин человеческого духа — строит он единую пирамиду, в которой самые нижние ее ступени соответствуют общему божественному заданию, проэцируются во всех проявлениях тварной жизни. Концепция Хомякова — это та-же концепция Третьего Рима.

И не случайно в области чистого богословия он разрабатывает тему о Церкви. Эта тема сама по себе говорит о встрече Бога и человека, о воплощении Божественного начала в творении. Тема о Церкви есть тема о воплощении, воплощение-же всегда предполагает предварительное мессианское чаяние его и определяет мессианскую призванность тех, кто к этому воплощению стремится. В этом смысле Хомяковское учение все мессианистично.

Далее, нет сомнения, что под знаком жажды воплощения сложилась вся философия Соловьева. Всеединство, возглавляемое Богом и осуществляющее божественный замысел, Богочеловечество в становлении, — вот чем является человеческая история для Соловьева. Для него в области историософии совершенно не существовало пустоты и какого-то смыслового пробела в христианском периоде истории. Дохристианское человечество искало путей к воплощению Богочеловека. Христианское человечество ищет пути к воплощению Богочеловечества. И тут нет сомнения в том, что мысль Соловьева максимально мессианистическая мысль. Она звучит в этом отношении в унисон с мыслью Филофея, она выявляет основной пафос русского мессианского чаяния.

Не трудно показать, что у Достоевского звучат все теже Филофеевские мысли. Народ-богоносец в идее своей есть

прототип народа-богочеловека, есть попытка воплотить Богочеловечество. И русская идея, преломляемая сознанием Достоевского, только лишний раз подтверждает нам, какого она корня; она насквозь мессианистическая идея, связывающая Божественное и земное, воплощающая это Божественное в мире сотворенном.

Бегло и неполно перечисляя все проявления этой русской жажды воплощения, необходимо остановиться и на более позднем направлении русской мысли — на русском символизме. Теория эстетико-поэтическая оказывается имеет основное значение свое не в тех поэтических построениях, которые нам дали Белый, В. Иванов и др., и которые может быть сейчас и устарели, а все в том-же основном мироощущении, которое заставляло творцов русского символизма искать в малых символах отражение единого Божественного символа, которое связывало мир человеческого творчества с замыслом творчества Божественного. В другом разрезе, на другую тему, они говорили о той-же жажде воплощения, они воспринимали Третий Рим человеческих творческих усилий как вечно становящийся малый символ единого и божественного символа, — Небесного Иерусалима.

Воистину, — Третий Рим символичен, — и праобразом его является Небесный Иерусалим. Он есть жажда земного воплощения небесного града.

Тут будет уместно упомянуть еще о явлении, по первому впечатлению как бы противоположном,—о русском нигилизме. Русский нигилизм, с религиозным пафосом отрицающий божественное начало и обожествляющий человеческое. Русский нигилизм, берущий из слитного двуединства Богочеловечества лишь его половину, — человеческую? Казалось-бы, в какой степени может он находиться все в том-же особенном русле русской мессианской мысли? А между тем это несомненно так, и именно этим определяется воистину религиозный его пафос.

Дело в том, что на пути раскрытия какой-бы то ни было религиозной истины всегда встают еретические искажения ее; русский нигилизм есть классическая ересь по отношению к русскому мессианизму. Иначе он не может быть понят. Он взял часть истины русского мессианства, — утверждающего подлин-

ный религиозный смысл в сотворенном мире, и, отказавшись от мира божественного, — придал тварному миру божественное значение. Как все ереси, он имеет частичную правду, но, как и все ереси, отрицая полноту истины, он и свою настоящую истину делает ложной.

Но как бы то ни было, самый факт существования его является лишним доказательством правильности подхода к основной русской идее.

Она есть идея религиозная по преимуществу. Она есть идея, жаждущая осмыслить религиозно тварное существование. Более того, — в тварном существовании она ищет раскрыть и воплотить божественный замысел о мире. По силе и жажде в о п л о щ е н и я русская идея есть воистину — идея мессианская. И в осуществлении своем она должна воплотить Третий Рим, являющийся подлинным и неискаженым символом Града Небесного.

Только религиозно и возможно толкование идеи мессианства. И вместе с тем это религиозное толкование по самой сущности воплощения — должно проэцироваться на все стороны жизни.

Е. Скобцова.

ОТРАЖЕНИЯ

ОТВЕРЖДЕНИЯ.

Года полтора тому назад я писал: « советосвергательство не в советодательстве, но в утверждении конкретной вещности жизни» («Дни»). Но конкретизация есть отвердение (или даже отверждение) — да будет твердь — хаоса. Пока утверждения не отвердились в свершения — дух все еще витает над бездной и даже еще неизвестно дух ли он? И чем он, собственно, разнствует от духа отрицанья, духа сомненья? Толцыте словесную воду в ступе и отвердится — исповедуют иные. Напротив, я считаю, что пора неких сгущений безплотностей давно пришла (если еще она не безнадежно — в смысле невозвратимости — прошла...). Компрометирующие оцепенения духа уже наводят на подозрения — не отлетел ли он? Если нет, пора сознанию проникать в бытие, затвердевая в вещные формы. Итак: не отрицания, не утверждения, но проницания и отверждения, т. е. творческая кинетика. Без нее нет этики. Долой «долой», да воссияют «за»; но не забудем, что и вычитание и сложение суть прежде всего действия и что именно в **чудносности** лакмусовая бумажка духа, восходящего утверждениями по ступеням отрицаний; если «да» кивают на небо, то и качания «нет» расширяют земной горизонт... Отсюда даже минус я предпочту нулю: отвращенность — уже некая обращенность. Увы, даже социально-творческая греховность лучше святого паралича... И раз задача исполинская замешкалась, не так уж плохо, пока что, вершить хоть малые дела, нанизывая не только на перо, кривду всюду, где бы она — географически — не повстречалась.

НЕВИДИМКИ СЛОВ.

Слова, как звезды, меркнут, гаснут, разлетаются в прах в апокалипсических катастрофах и в них же вспыхивают новым огнем... Но если заблудились мы средь слов увядших, слов

— оболочек с давно истлевшими сердцевинами — не пора ли реставрировать их смысл? Обрести снова то, откуда всякое общество стало есть и чем оно живет: общий язык. Но человечество не только раздробилось на языки. И в пределах того же языка, в сущности, ряд непримиримых психологических диалектов. Сытые, голодные, алчные, жалостливые, здешние, потусторонние—как понять им друг друга без переводчика? Как договориться о хотя бы насущнейших словах — праве, правде, чести, справедливости? О ней в особенности; анестэзирующая магия этого слова такова, что становится рычагом, с которым можно перевернуть современность. На червячка справедливости не только ловится мелкая революционная рыбешка, но под ее, справедливости, наркозом, можно и у целого народа вырвать зубы мудрости — буде таковые имеются... Социальная боль (а всякая боль есть донесение о частичной смерти), плюс идея (даже ложная) неизмеримо чудотворнее, чем просто боль — на этом берегу — безнадежная и стало быть, сугубо-бессмысленная... В белых — и уже былых — «идеях» это пробел витальный и фатальный; они биты — а бито всегда угасание жизни — верой, в самой себе черпающей силу; а нужно ли силе оправдание? Творческий эффект — судья мотивов. Но в справедливости — реванш идеи: понятие меры, пропорций — математическая сверх-идея, из паутин которой соткан мир. Ибо «из невидимого произошло видимое». Нужно отвердить растаявшее слово; оно снова будет в начале.

НА ВЕСАХ РЕАЛЬНОСТЕЙ.

Косой луч утреннего солнца, проникший сквозь ставню, освещает миллионы взвешенных в воздухе пылинок. Плавая в нем, они горят, шевелятся и мерцают, как звездные миры, заслоняя то, что за ними, возникая, за границами луча, из ничего и уходя в ничто. Вне луча, там где кончается узрение этой сверкающей пыли, начинается ясность: снова видны реальности стен и предметов. Прозрачность куплена ценою какой то слепоты. Есть мера прозрения, перейти которую практически нелепо и в социальной жизни. Здесь нужно видеть много и зорко; и однако же где то остановиться... Быть может именно эту черту и перешли большевики. Увидеть тайну — значит снова ослепнуть

от ее смертоносных лучей. «Que nous veulent les lois du juste et de l'injuste?» (Бодлэр). Задуматься о божественной несправедливости — значит понять божественную всеблагость, милующую и бактерию и могильного червя. «Кто может сказать: ты поступаешь несправедливо? Вседержитель! Мы не постигаем Его. Он велик силою, судом и полнотою правосудия». Он **никого** «не угнетает», «ловя добычу львице и насыщая молодых львов», «давая ворону корм, когда птенцы его кричат к Богу». По ту сторону — нет зла, а только процесс, в котором всегда второй радующийся, с неизменностью онтологического сальдо. Есть глубины здесь воистину непостижимые. Невообразимые расстояния — невообразимая справедливость... Но неравенство сил в ней нивеллируется равенством прав на взаимопожирание. Все равны в смерти, но равны и в праве отстаивать свой пай неравного цветения в кроваво-круговой поруке жизни. Do, ut des — и все живы. Разорвется эта цепь отказом (дух отрицания!) от захвата или защиты (моего, которое всегда двулико чьим то злом) — и все мертвы. Ибо вымирание поедаемых есть смерть и поедающих. Разве не съедает человек за свою жизнь целое зоологическое кладбище? Но раз оправдано поедание, оправдана и боль и насилие. Толстой так и понял — гностически — христианство, как узрение в иллюзии зла божественной воли (велик Аллах!), как самоубийственную жалость. Этот декаданс мощи—Святого Крепкого—непротивляющейся, и поднял Ницше на утверждение чуемого им неохристианства будущего. Непостижимость — основное качество Божие; постижение уже развенчивает Его. Затыкание же тайны Диаволом, ничего кроме дурной безконечности и расщепляющего сознания дуализма, не вносит. Но прорыв в эту четырехмерную зону смертелен. «Премудрость не обретается на земле живых» (Iов). «Мудр лишь постигший то темное, тайное, что тихо и безвозвратно отрывает его от всего мира». (Гете). На умирании нельзя построить примата жизни. Признать, быть может и соблазнительное философски, право смерти, значит отнять у права и справедливости самую их душу. Ибо если человек и перерос антропоморфного Бога, ему никогда не перерасти антропоморфной справедливости. А она не хочет знать, что жизнь спасается вредительством, чтоб не превратиться в бедствие; что конкуренция со смертью

— создают динамическое равновесие в мире; что не будь смерти, мириады икринок одной трески заполонили бы в несколько поколений все мировое пространство, до отдаленных звезд; что сама жизнь — некое количество тонн, с шестнадцатью нулями, плазмы — свершает таинственную миссию образования земной коры, разрыхления в почву горных пород (даже самые твердые границы не могут противостоять жизни), образуя исполинские могилы «органогенных» гор и материков; что — слава те Господи... — каждые 30 лет умирает все наличное население земли, два миллиарда; что в огромных числах растворяется без остатка личность, как тающая пушинка снега в несущейся в вечность метели... Морально - ледниковый период, надвигающийся на мир, этический нюдизм, пытающийся загореть на ином, трансцендентном, солнце и есть срыв в дочеловеческую звериную этику. Будем, как стадо — просто, как мычание.

О ДУХЕ НИЩИХ.

Известно, что собаки не выносят нищих, обло и озорно на них лая. Не несут ли нищие («духом» — классовая отсебятина переводчиков) с собой ауры страдания, духа небытия, темных лучей неблагополучия? Ведь нищий — поссорившийся с вещами, отвергнутый ими, отжатый в стихию безвещности, в неделимую общность воздуха и пространства. Сшедшему с вещетворческого ума нужен уже — пошатывающемуся в этом мире — посох, да эта нищая сума... За них, за этот поплавок «моего» и цепляется нищий в океане «чужого». Но чужое — всегда чуждое. Его завистливо желают, но никогда не жалеют. Блаженно-юродивые психические токи, сливаясь в облако удушья, нависают над всеми одурманивающе-угнетающей пеленой. Ядовитые газы миллиарда жизней (т. е. половины населения земли), не участвующих в потреблении товарных благ, вычеркнутых из целей производственного процесса, взорвут как нибудь нашу уединившуюся культуру. «Никто же да рыдает убожества, явився бо общее царство». За что? Бог (персидское бага, санскритское бхага) всегда богатство, т. е. божественность творческой мощи, полномочие от бога; творчески-убогий только числится у бога в ревизских мертвых душах: не в родстве, а в рабстве... Эту тайну справедливости ревниво охраняют не

жрецы, а нищие. «Обезьянам», говорит обезьянолог проф. Келер, «нужны две вещи: развлечения и иллюзия свободы»... И — логики — человекообразным. «Все ваше; ваше значит общее; общее значит наше, вашего мозга, ваших вождей». И вот «освинение мечты» в свальный грех собственности: — коммуно-капитализм — «общее — значит ничье».

ТРАЭКТОРИЯ, ЦЕЛЮЩАЯ В НЕБО.

В опыте с разрезанным червем не только голова отращивает хвост, но и хвост — голову. Безмозглое создает «мозглое». Мозг создается невидимым сверх-мозгом. Эта тайна гениально целесообразна, т. е. предвидяща; ее то и зовут символическим знаком, начертание букв которого безразлично. Полнолуние сознания, освобождение экрана, регенерация мозга гильотинированного Адама, погруженного в тьму — задача органически-творческая. Творчество мозга, в котором сгущена вся история человечества, который есть мир существ-клеток — творится борьбой неравенств-понятий и браком их, рождающим идеи. Цветы познания и рождаются на бороздах мозга: мы пахари этих целин. На них я расцветает в Я. Обезьяны не без изъяна: они без я; и все обезъяненные суть обезглавленные. Эволюция и есть обретение своего я («я снова я»); радость творчества и есть радость эволюции, претворения хама в homo: чело (лик, а не морду) веков (эонов, времени). Этим ликом мы придаем мысль ликующей в нас вечности. Но, эти «хомо» все еще, как марсиане, блуждающие среди селенитов... Как часто хочется воскликнуть: вот и хорошо, что эта «неповторимая личность» не повторится. Но увы, повторится ее лицевой угол и скифий зрак... Имение горе сердца и есть всматривание в путь восхождения к встрече с божественной и, значит, нисходящей тайной. Возлюбить тайну свою больше самого себя — значит понять свое расширение в ней, неизмеримо большей; целить высоко и, стало быть, далеко. Путь мировой жизни — в глубокой связи с выходом из уравнительности космического холода в автономные, разновеликие очаги горений, ибо жизнь и есть горение, пламя. Только труп входит в общее температурное царство с эмпирией. Первые ступени жизни (растения, амфибии, рыбы) еще вяло следуют температуре, в которую погружены; но позво-

ночные и птицы вырвались уже из этой уравнительной справедливости, утверждая свои огни — яко кадила пред Тобою — свечечки в мраке не жизни. Жизнь это неравенствование, разнствование в чине горения. Горе не горящим! Даже сперматозоиды, с своим изумительным стремлением к цели — человек в любви только повторяет их — неравны, неся в себе не только неравную материю, но и разные заряды — потенции всей психики предков. Даже фагоциты неравны — эти мистические в нас государства в государстве и целеустремительные жизни; в крови, этом мире величественно-стройном, как Нотр Дам, разыгрываются неведомые или только смутно ощущаемые нами битвы; история человека и есть история его крови. Сами клетки наши, неся разные заряды электричества, без которого умирают (как атомы, выделившие энергию), утверждают человека (точнее треть его, состоящего на две трети из воды) в союзе неравенств; меняясь до семи раз целиком, до последней клетки, сам человек только семь последовательных неравных реальностей. В сущности он всего лишь воспоминание о самом себе и предчувствие себя... Идея человечности не может быть построеена вне осознания миссии человека в человечестве, как пути к сверхчеловеку, вне религиозного ощущения сверх- разумного задания судьбы нашей. Автотелично - аггрегатное псевдо-материалистическое (ибо клевещущее и на материю, таящую в себе потенцию скованного разума) лоно сознания — лишь обессмысливание, окретинивание мира, отставшее от знания; это идея-труп, борода, ростущая на покойнике: по инерции. Мысль о мире — урне, хранящей смесь, прах, пепел и родила постулат равенства людей, который только непонятое христианство, с его идеей таланта и суда, карающего извращение жизни. Уравнительно-избирательная урна и есть, в сущности общий котел, в котором вываривается мозг на равных правах с мускулами в некий столярный клей, где вязнут идеалы. Идея органического долга творчества, кстати, несравнимо разрушительнее и для реставрационного декаданса, покушающегося контрабандно провести под иерархичностью социальный паразитизм. Именно она и диктует повелительную необходимость отбора творческих слоев народных. В этом смысле в ней сливается библейский вопль с подлинно-революционным кличем.

КЛЮЧ СВОДА.

Кмеры не знали идеи свода; оттого тиары Ангкора так хрупки. Красота, постренная наложением, не связанная сжатием, оказалась неживучей. В маленьком чуде свода, где взаимодавление, а стало быть и взаимосжатие, создают как бы органическую, взаимоврастающую, монолитную связь («друг друга да обымем»), а отсюда и противостояние нагрузке (крест жизни) — дана, в сущности, вся социальная идея. Только своды и переживут не только прах своих стен, но и народы их строившие (Колизей); величие руин, борющихся с вечностью, как Иаков с Богом, — в дерзании их на бессмертие. Но свод держится ключем в **вершине,** имея сердце свое горе, краеугольным камнем распределителем трех сил (Бог, человек, вещь). Покушение на это сердце разваливает весь свод. Тут сразу целый сноп идей: и творчества, и распределения — справедливости, и непреложности кары... Вещий смысл библейской мысли о «камне краеугольном, испытанном», (т. е. о «правде, поставленной весами»), «отвергнутом строителями, но становящимся главою угла», о пелене, застилающей глаза людей, так взволновал Христа, что он даже **заплакал:** «о, если б ты признал, хотя бы в этот день, который тебе остался, залоги твоего мира, но они скрыты от твоих глаз... придут дни и не оставят камня на камне, потому что ты совсем не знал времени нашествия»... Неизбежность падения связана здесь именно с посягательством на высший замысел: ключ свода — принцип справедливости — некасаем и карающ, он — табу... И тут то «элита» тогдашняя и решила схватить и убить Христа, «но убоялась народа», «ибо поняла, что про них» **(захватчиков чужого творчества)** «он сказал эту притчу» (т. е. о виноградарях, убивших сына **насадившего).** И вот, «отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его». Связующее людей начало отлично от них; оно не четыре (бренно) — а треугольно (мистически — нерушимо); будучи обращено к земле только одной точкой, своими боковыми, вертикальными площадями, оно связует, но лишь верхней, горизонтальной, так сказать, небесной — противостоит падению, утверждая общество в веках. Пытаться перевернуть (справа или слева) этот камень углом вверх, можно только мысля кверх ногами; такая отмычка свода — только его взлом.

О ПРИРОДЕ ТОНИЧЕСКИХ ИЛЛЮЗИЙ.

Есть болезни, которые лечить опасно. Иные спасают от худшей; иногда — смерти. Подчас лучше не лечить пьяницу. А толстяка похудение вгонит в гроб. Бывает, приходится изобрести болезнь. Она охотно поступает на службу к здоровью. Так, сифилис парализуется малярией. Но самые процессы жизни нынче так мучительны, что нужны наркотики, чтоб притупить ее ноющую боль. Когда реагирование испепеляет, остается одеревянеть, притупить нерв жизни, не доводить до сознания рапорт о неладах с природой, подпоить этого угрюмого почтальона, чтоб он смотрел веселее. Спасительные яды, отравляя и делая достойными отравленной стихии, восстановляют равновесие с извращенной жизнью, причащают к тайнам примирения со злом. Так, под наркозом новых иллюзий, мы переносим горечь таяния старых...

Разве даже эта голубизна моря не иллюзия, отражающая синеву неба? А синева неба не обман атмосферы? А настоящее, черное небо не иллюзия ли, закрывающая нам то, что глазу не дано преодолеть? Все иллюзии, поэтому и важно среди них избрать — тонические. Ведь из них и соткана вся наша жизнь. Мы алчные зрители этих светотеней и сами страстно создаем их. В нас эти отражения рождаются, живут и вянут. Ужасно хоронить их... Долго еще потом гниют в нас трупы грез. Ибо все они частицы нашего я, которое непрерывно, незримо умирает. Когда жестокий ветер реальностей сдувает миражи, разрывая паутину иллюзий, которую мы плетем, чтобы поймать в нее забвение, счастлив, заготовивший себе их впрок, чтоб не остаться одному лицом к лицу с потухшим экраном жизни. Но и в пустыне одиночества, зажмурив глаза, мы тщимся вспомнить сны; а завтра кидаемся в объятия новых видений. Снова блестят глаза и сверкают звезды — надолго ли?

Но если жизнь цепь иллюзий, в этом иллюзорном, как фильм, мире, то мудр ставящий себе наиболее прочные. Прятать голову под крылья иллюзий — однодневок, значит ежедневно разрушаться с рухнувшей мечтою. Обман возвышения и топчется именно за то, что оно не было достаточно честным, никло к земле, хватаясь за тлен, беря, но не давая. Но там,

где властное предвидение новой ступени, творческой цели — ибо человек есть восходяще-раскрывающийся в ней — там, на крыльях одухотворяющих иллюзий, мы претворяем обман их в подлинное возвышение. Наша вера в Россию, которая «откроется», обезболивает тьмы низких истин, которые уже открылись... Завтрашний праздник свидания двигает горами будней, навалившихся страшной, неуклонно тяжелеющей могильной плитой...

Я. Меньшиков

АЗИЯ и ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

ИСТОКИ.

Настоящую статью следует рассматривать как некое введение в более обширный по размерам труд, который, разбитый на несколько статей, намечен для последующих книжек «Утверждений». Тем не менее статья эта (как и все последующие) дана как самостоятельное целое. Затронутая в ней проблема Азия — Европа по существу своему не есть проблема ни политическая ни, тем более, экономическая. Она заключается в противостоянии двух взаимно друг друга исключающих миросозерцаний, в антиномии двух начал — духовного и материального, метафизики и рационализма. Она, прежде всего, — проблема духа.

Подпавшая под власть материализма Европа с эпохи Возрождения может считаться ушедшей из великой арийской семьи. Тем не менее есть данные, все более и более убедительные, предполагать, что Европа сохранила где-то в подсознании какие-то частицы арийско-азийского духовного наследия и потому антиномия между Азией — Европой теперь уже не кажется столь безнадежной.

В деле окончательного ее преодоления европейскому сознанию мешает то неправильное понятие, которое имеют европейские массы о духовном облике Азии и потому в намеченном ряде статей я постараюсь выявить этот облик.

В первой части настоящей статьи я счел необходимым дать те предпосылки чисто метафизического характера, без которых невозможно постигнуть общечеловеческое значение равнодействующей азийских культур. Во второй же ее части, не желая нарушать постоянными историческими справками ход развития следующих статей, я локализировал весь тот исторический материал, который, увы, необходим, чтобы проследить этапы синтетического развития азийских культур.

Последующие статьи будут посвящены выявлению духовного облика Индуизма и Иранизма в их главных выражениях —

в Браманизме и Буддизме с одной стороны, и Маздеизме-Суфизме и Бабизме — с другой. В статье заключительной я постараюсь поставить проблему мирового синтеза и указать те пути, которые по моему мнению ведут к его достижению.

Попытки построений в области философии истории почти всегда совпадают с катастрофическими моментами в историческом бытии того или иного народа, а иногда и целого культурного мира. Может быть именно поэтому такие попытки всегда отличались некоторой односторонностью. Переживаемое «историческое» кажется очевидцам эпохи признаком необычности путей народа или культурного целого, которого коснулся кризис.

Пророки-пессимисты, ощущая катастрофичность переживаемых событий, скорбят главным образом об утерянном. Пафос пророков-оптимистов устремляется в будущее, в предвосхищение наступающей эры.

В результате каждому минусу несомненно соответствует плюс — эры разрушения сменяются эрами созидания, все «пророки» в итоге правы относительно и все неправы абсолютно.

При внимательном и беспристрастном изучении внутреннего метафизического смысла событий становится ясным, почему нельзя строить философию истории на анализе исключительно катастрофиеских моментов, т.-е., как ошибочно принято думать, моментов «эсхатологических». Такие попытки могут иметь смысл лишь в порядке выяснения «психологии» данного исторического момента. Такая тенденция покоится на недоразумении, в силу которого эсхатология признается чем то абсолютным. По существу понятие «эсхатологии» относительно и индивидуально, оно основывается на дуализме сознания некоторой, правда не большой, части человечества, притом не только на вытекающей из этого дуализма необходимости включить все понятия в рамки двух или трех измерений, но и на беспомощности перед идеей бесконечности. Ведь логически каждый данный момент может быть рассматриваем как эсхатологический, т.-е. как рубеж отделяющий выявленное известное прошлое от невыявленного неизвестного будущего. Повторяемость этих моментов есть жизненный ритм, волна. Но с другой стороны та же волна представляет из себя синтез, результат метафизического сопряжения

и взаимодействия двух начал духа и материи. В выявлении законов этого взаимодействия кроется основной смысл историософии.

Семитское сознание и затем отчасти сознание христианское (в западной своей форме) покоятся на принципе дуализма.*) Дуализм этот сказывается как в идее трансцендентности Божества, так и в вытекающей из нее идее творения. Сознание арийское в противоположность семитическому, по существу своему монистично, оно основано на идее «не-двойственности». Когда сторонники дуализма, часто с искренним желанием договориться, предлагают пересмотреть основные концепции метафизики и откинуть идею одновременной имманентности и трансцендентности Абсолютного Начала, то они забывают, что эта идея не есть выдумка метафизиков и философов, передавших нам основы древней арийской мудрости, а истина, основанная на внутреннем онтологическом опыте. Те из философов или мистиков, которые произвели опыт метафизической реализации — как например, Плотин, Эл-газали или Блаженный Августин, убедились в органической обоснованности этой идеи.

Имманентность ничем не проникаемого и неделимого Абсолюта, который сам во все проникает и во всем проявляется, может быть доказана и физически на примере эфира, который проникает во все тела и с ними, не смешиваясь, сосуществует. Основываясь именно на онтологическом характере идеи имманентности можно предположить, что и идея творения и идея проявления изначального были адекватными и что смысл первой, превратившейся в демиургическое действие, был лишь искажен семитической мыслию. Повидимому, радикальный дуализм появился впервые тогда, когда идея метафизического небытия, т.-е. неправильного состояния Абсолюта, стала истолковываться семитами, в силу их тенденции к антропоморфизму, как то «ничто» из которого были сотворены мир видимый и мир невидимый. При такой точке зрения мир невидимый — дух — необходи-

*) Термин «дуализм» и «монизм», употребленные здесь в чисто метафизическом смысле, не следует смешивать с такими же терминами, установившимися в космологической литературе для религиозно-моральных установок в вопросе об участии темной силы в создании видимого мира. Это тем более существенно, что в упомянутом вопросе, наоборот, солнечным (арийским) религиям свойственен дуализм, а лунным (семитским) религиям — монизм.

мо должен войти в конфликт с миром видимым — материей. Эта последняя рассматривается уже не как сосуществующая с духом в Божественной Сущности, т. е. абсолюте, не как необходимое духу сопротивление, лишь благодаря которому дух может проявляться в форме жизненного ритма, а как враждебное духу начало, зло. Антиномия материи и духа—добра и зла—настолько радикальна, что разрешиться она может только катастрофой, т.-е. полным уничтожением одного из двух начал. При такой системе не может быть абсолютно никаких данных ни метафизического, ни логического порядка, утверждать, что именно то, а не другое начало должно взять верх. Ощущая порочность такого построения, дуалистическое сознание само вводит элемент веры, т. е. элемент характера эмоционального, наделяя светлое начало, неизвестно откуда взявшейся, силой, благодаря которой именно добро, т.е. дух, должно победить. Когда элемент веры ослабевает, то страх перед катастрофой в дуалистическом сознании оказывается настолько силен, ощущается настолько болезненно, что некоторые более слабые элементы обращаются к помощи Сатаны, представляемого, опять таки в силу антропоморфизма, как реальная личность, занимаются колдовством и магией в страстном желании физического бессмертия, физической неуязвимости.

Сознание арийское, наиболее ярким представителем которого является сознание индийское, проникнутое идеей гармонического единства духа и материи, не ощущает страха перед неизвестным будущим. Для него не катастрофа является концом мирового исторического процесса, а закономерное завершение его в метафизическом абсолюте.. «Историческое» и «метафизическое» им не противополагаются, ибо «метафизическое» есть начало и завершение «исторического».

Арийский монизм и семитический дуализм, встретившись на арене мировой истории, фатально должны были войти в конфликт. В плане материальном этот конфликт выразился в исторической антитезе: Азия - Европа — Духовное и Материальное начало. Если верить в единство всего мироздания, то задача примирения этих двух начал не может казаться безнадежной. Разрешение кроется в гармоническом соединении всех культур и народов в едином синтезе — в осуществлении того, к чему со-

знательно или бессознательно стремился, столь отличный от западного, и единственный имеющий право на это наименование, азийский Гуманизм.

Чтобы проследить это течение и понять его смысл и задачи, надо раз навсегда проникнуться мыслью, что наша концепция истории чрезвычайно одностороння. Мне уже приходилось не раз отмечать, что кривая мировой истории в понятии большинства историков почему-то начинается в средиземном мире и затем проходит через Европу лишь случайно захватывая в своих колебаниях те частицы Азии, которые явились на протяжении веков объектом европейского воздействия. Так история Индии, — как эпизод истории походов Александра Македонского, история Ирана, Турана, монгольских нашествий — рассматривается под тем же, несколько странным, углом зрения.

Если бы История была просто хронологическим чередованием фактов, то и тогда такая концепция была бы неправильной. Тем более она нелепа если, став на правильную точку зрения, рассматривать «историческое» как результат действия Духа на Материю, как метафизическую реализацию. Только при такой концепции история становится действительно мировой, из истории народов она превращается в историю их культур и затем в историю стремления этих культур к всемирному синтезу.

На пути к этому мировому синтезу какие-то вехи были поставлены всеми имеющими хоть какой-нибудь самостоятельный культурный облик народами. Но несомненно, что главные этапы совпадают с историей взаимодействия культур мирового масштаба, в основе которых лежит религия метафизического порядка, обладающая потенциальной возможностью в своем высшем проявлении стать универсальной, т. е. Религией вообще.

Таких культур или культурных семей было и сохранилось по моему убеждению три — Индийская, Иранская и Христианская. Оне же являются единственными культурами-источниками, в отличие от тех цивилизаций, которые были лишь культурными проводниками.

На протяжении веков сперва Индуизм, затем культуры

Ирана и, наконец, Христианство были тем светочем, к которому стремились народы меньшего культурного уровня. Тот факт, что ни одна из этих культур не получила решающего значения, не вытеснила других, — чрезвычайно показателен. Это — своеобразное предостережение свыше тем, которые слишком склонны к самоутверждению и прозелитизму.

Выявлять и возвеличивать на этих страницах культурную роль христианства, я думаю, не имеет особого интереса. Мне хотелось бы в предпринятом мною ряде статей лишь отметить то, что, к сожалению, в российской среде известно лишь ограниченному кругу востоковедов, а именно — роль, сыгранную индийским гуманизмом и гуманизмом иранским в деле достижения мировой культурной гармонии.

Нет в области исторических изысканий загадки более мучительной и более безнадежной, чем установление хотя бы приблизительной даты происхождения индийской культуры. По мнению ученых заря индийской культуры имела место от 3000 до 4000 лет до Р. Х. Любители же «мудрости эзотерической» настаивают на том, что первый цикл Рамы начался чуть ли не 40.000 лет тому назад. [1])

По существу хронологические данные в проблеме, которая именно в силу своей чрезвычайной давности отходит в область метафизики, не имеют большого значения. С другой стороны, несмотря на сбивчивость и часто противоречивость дат, можно по сохранившимся памятникам искусства и письменности, по неисчислимым преданиям и мифам, которыми так богата Индия, установить общую линию развития индуизма.

Для этого во первых, необходимо определить само понятие индуизма. Целый ряд ученых видел в нем нагромождение всевозможных легенд и суеверий, ничем не связанных и даже часто противоречивых И действительно содержание, вкладываемое в это понятие, несколько раз менялось с течением веков. Китай и Япония, Тибет и Индокитай, т.-е. страны, которые либо воспитались на базе индуизма, либо приобщились к нему, составили себе о нем каждая свое индивидуальное представление,

---

1) St Yves d'Alveidre. La mission de l'Inde.

одновременно и сходное и различное с тем, что индуизм является на самом деле. Не меньше разнообразия встречается и в толковании смысла индуизма и в самой Индии. Одно значение оно имело в Ведический период, другое в Браманский и, наконец, третье в период Буддизма. Вишнуит (Vishnuite) и Шиваит (Çivaite), Жайн (Jaïn) и Шакта (Çakte), каждый видит в индуизме окончательное и вполне адекватное выражение своих собственных верований.

И тем не менее, несмотря на кажущийся хаос, на постоянную изменчивость своих форм, индуизм остался незыблемым и неизменяемым в отношении своей сущности, в отношении своих основных принципов.

Когда пять тысяч лет тому назад Иранцы, родственные тем, которые населяли плоскогорье Средней Азии, спустились в долину Синдху и в Пенджаб — слово индуизм имело по всей вероятности лишь географическое значение. Персы и позднейшие завоеватели называли индусами жителей долины Синдху. Позднее индусы заселили долину Ганга, где культура арийская, носителями которой они являлись, встретила культуру Дравидов и отчасти ее в себя включила. С этой момента индуизм уже приобрел духовный облик и географическое значение этого слова уступило место значению культурному. Культурное единство быстро распространилось на большую часть полуострова; аборигены с одной стороны, контингенты иностранных нашествий, с другой, приобщили к индуизму и стали «детьми одной Матери». [1])

Таковы были истоки индийской культуры. Индийским арийцам, носителям того суммума верований, знаний и традиций, которые медленно во тьме времен скопила и выработала арийская семья, пришлось охранять свою культуру от покушений других рас менее культурных. История Индии раннего Ведического периода есть история нечеловеческих усилий, которые арийцы приложили, чтобы сохранить неприкосновенной ту культуру, за сохранность которой они чувствовали себя морально ответственными перед ушедшими и последующими поколениями. И величие Индии сказалось именно в том, что в борьбе за свое

---

1) Kûrma Pûrana.

духовное существование индусы никогда не пытались разрешить проблему уничтожением покоренных племен. Они искали и нашли ту формулу содружества, духовной кооперации, благодаря которой имъ удалось обеспечить не только сохранение индуизма, но и распространение его через посредство Буддизма далеко за пределы Индостана.

В IV-ом веке до Р. Х. начинается величайшая эпоха мировой истории. Накопленные веками в Индии духовные силы широко разливаются по поверхности вселенной. Началом и как-бы толчком к этому мировому движению явилось рождение в городе Kapilâvastu принца Siddhartha из племени Çâkya. Ученые не мало гадали над значением этого странного для Индии имени и старались найти связь между ним и словом Çâka, которым арийцы ведического периода именовали совокупность скифских племен, кочевавших на границах Индии. Объяснение это, впрочем ничем не доказуемое, показалось чрезвычайно заманчивым, ибо тогда можно было, основываясь на Туранском происхождении Будды, дать удовлетворительное объяснение тому сказочному успеху, который Буддизм имел в Тибете и во всей Средней Азии. Но вопрос этнического происхождения Будды по существу второстепенен. Центральным является тот факт, что Будда родился в рыцарской касте — Kshattrias. Следовательно его призвание, с точки зрения ортодоксального браманизма — военное. Его dharma то же, которому Krishnâ научает Arjunâ в первых стихах Bhagâvatgîta. И потому многие старались увидеть в Буддизме бунт военной касты против духовной монополии браманов. В подтверждение этой теории приводят аналогичные с судьбой Çâkya Mûni случаи: Ajâtasatru — ража Kâsi (Бенарес) блестяще выдерживал спор на метафизические темы с самыми учеными браманами. Mahavira основатель религии Jaïna, современник и самый опасный соперник Будды, также происходил из касты Kshattrias. Мне кажется, что парадокс рождения Будды именно в военной касте объясним как символ и предзнаменование той исключительно действенной роли, которая была предназначена основанной им религии. Nirvâna и собравшийся затем в 460 г. до Р. Х. первый собор Râjagriha, установивший текст буддийской Библии —

Tripitaka — есть тот самый исторический момент, когда Индия переходит из стадии духовно-созидательной в стадию духовно миссианскую. Момент этот совпадает с тем огромным духовным напряжением, которое наблюдается тогда во всей культурной вселенной: в Греции создаются первые философские школы с которыми связаны имена Фалеса, Зенона и Гераклита. В Иране «Царь Царей» Кир основывает мировую державу, которая покрывает собою всю западную часть азиатского материка от Памира вплоть до Египетского моря, Камбиз к ней впоследствии присоединяет Египет, а сатрапы Дария основываются в Gandhâva на берегу Sindhu. Вскоре Александру Македонскому удается соединить в оригинальном синкретизме культуру эллинскую с рядом древних культур Малой Азии, Ирана, Египта и даже отчасти Индии. Установленный временный контакт с Индией однако не прерывается. Два века после Nirvâna, Açoka, внук Chandragupva (Sandracottos) одного из сподвижников Александра Македонского, основывает на базе буддийской морали одну из изумительнейших империй в истории. С Açoka весь внешний облик Буддизма меняется. Из метафизической теории Буддизм обращается в государственную религию, в способ распространения индийской культуры. С Açoka начинается и развивается политика религиозных миссий; монахи-послы разносят далеко за пределы Индии «Доброе Слово». Буддийская мысль проникает в Сирию и Грецию, а через Иранское плоскогорье в Туркестан и Китай. Пески Гоби пересекаются вдоль и поперек караванами купцов и миссионеров, пустыня играетъ роль Средиземного моря, она поистине не превращается в азийское «Mare Nostrum».

Создавшиеся на границе Индии, Ирана и Турана греческие государства являются местом взаимопроникновения всех культур мира. Правитель Бактрианы Менандр вызывает на диспут одного из светил буддийской церкви Nagânesa. После блестящего спора он убеждается в превосходстве индийской мудрости над греческим рационализмом и, обращенный в буддизм под именем Milinda, делается одним из ревностнейших апостолов новой религии.

Во II веке по Р. Х., теснимые надвигающимися гуннами, скифские племена Çasas и Jue-tshi, покоряют греческие

пограничные с Индией государства и основывают в пределах между Гангом и Желтой Рекой новую Индо-Скифскую державу. Изгнав греков, скифы тем не менее сохраняют их культуру, которую они синтезируют с элементами иранской и индийской культур.

К этому времени распространение Буддизма достигает размеров чрезвычайных — история Буддизма этого периода есть по существу отрывок мировой истории. Буддизм проникает в Египет и наконец Палестину, где ожидается пришествие Мессии. Один из Индо-Скифских царей — Гаспар (Gondopharis), руководимый звездой, является в числе трех волхов поклониться родившемуся в Вифлееме Младенцу, и этим как-бы устанавливает духовную связь и преемственность между индуизмом и зарождающимся Христианством.

В отличие от Индии веками, в уединении, накоплявшей духовные сокровища и лишь с появлением Буддизма вышедшей открыто на мировую арену, Ирану с самых древних времен пришлось играть активную историческую роль. Современный Иран находится вне мировых путей, как культурных, так и торговых. Но в древности и вплоть до XVII в. вкл. Иран служил звеном, соединяющим Азию с Европой. Волны миграционных движений перекатывались через хребет его гор. Организованные армии пересекали его плоскогорья. Иран долго был местом, где встречались и пересекались культурные и торговые пути тогдашней вселенной.

Но роль Ирана не была только передаточной. Арийский гений здесь, как и в Индии, создал оригинальную, самостоятельную культуру, родственную индийской и отчасти под ее влиянием развившуюся. Книга Вед и Авеста говорят почти что одним и тем же языком. Индийский культ и иранский родственны по форме и тождественны по сущности. Есть даже основание предполагать историческую связь между духовным движением, породившим в Индии Буддизм и тем культурным сдвигом, который привел Иран к Маздеизму и мировой державе Ахеменидов. Но сказать, когда именно произошли те народные движения, которые перенесли из Средней Азии на Индийский полуостров и на Иранское плоскогорье те арийские племена, которым суждено

было на протяжении веков сохранять арийскую культуру, почти невозможно. Есть данные предполагать, что эти движения, по крайней мере в своей стихийной форме, закончились в Индии между XXX и XXV в., а в Иране между XX и XV в. до Р. Х. Повторяю, что с точки зрения культурно-метафизической — точная хронология не имеет значения.

Как бы то ни было арийско-иранские народы, разделенные на множество племен, из которых главные персы и мидяне, пользуясь той благоприятной для них политической коньюнктурой, которая создалась в силу борьбы египтян с семитами, быстро подчиняют себе этих последних. С этого момента они как море разливаются во все стороны и скоро образовывают державу, равной которой по размерам еще не знала история. При трех последовательных династиях, из элементов, которые она почерпнула в Индии, Египте, индуизированном Китае и овосточенной Византии, Персия выковала себе свою оригинальную культуру, отличавшуюся, как и индуизм, необыкновенной живучестью. Эта культура в основе своей арийская. Сквозь кажущийся дуализм Зороастризма в ней ясно виден основной характер индуизма — «пантеистический монизм» или, по выражению Макса Мюллера, «катенотеизм». Монистическая идея пронизывает всю историю персидской культуры. Шиизм есть первый протест арийского духа против насилия семитического дуализма. Суфизм и позже Бабизм еще более радикальны, они восстали даже против той доли компромисса, которая кроется в оффициальном шиизме.

До Ирана идея справедливой государственности (оставляем Индию в стороне) особенно ярко выразилась в структуре Египта. Египет первый распространил свой «милостивый протекторат» над соседними присоединенными им народностями, в отличие от семитов, для которых систематическое уничтожение было единственным способом обращаться с побежденными. Но расширение египетской территории всегда было вызываемо географической или экономической необходимостью. Персидская-же держава была основана планомерно, по гениальному замыслу величайшего из царей — Кира, который первый решил осуществить «мировой синтез», основанный на базе справедливости,

веротерпимости и мира. Его наследники восприняли эту идею и претворяли ее в жизнь. Поэтому совершенно ошибочно предполагать, что греки, борясь с персидской державой, защищали Культуру от варварского нашествия; они по существу защищали лишь принцип индивидуализма от идеи вселенскости, которую несли с собой в Грецию персидские армии.

Слава Греции — Александр Македонский — духовный сын Ирана. По примеру Царя Царей он задумал основать мировую державу, похожую на империю Ахеменидов. Но то, что Кир создал, двигаясь с Востока на Запад, Александр повторил в обратном порядке с Запада на Восток и Сильвэн Лэви по этому поводу справедливо замечает, что «история Александра Македонского есть лишь эллинистический эпизод истории Персии».

Созданная Ираном религия получила широкое распространение и сыграла большую роль в религиозном развитии тогдашнего культурного мира. Персидская армия, вместе с новой концепцией империализма, несла с собой в мир основы чистой. высшей религии, про которую Ренан сказал, что она была «наименее языческой из всех языческих религий». «Исполненный мудрости» в глазах греческих мыслителей и историков, облик Царя Царей Кира пленяет воображение Израиля, который готов видеть в нем посланного Иеговы, личность апокалипсическую — нечто вроде языческого Мессии.

Авеста — лишь позднейшее выражение старинного культа основанного на одних с Ведизмом метафизических принципах. Как Ishwâra в Ahura-Mayda (Ормузд) — есть Абсолютная Сущность и одновременно дух всеблагой и всеобъемлющий,—боги, т.-е. остальные проявления Божественного Начала, суть лишь его эманации, но включая их в себя он тем самым отнюдь не умаляет их самостоятельного существования. Как и Ishwâra он не поддается изображению, он не антропоморфичен. Идеал «dharma», которому в Индии Bhagavatgita дала окончательное оформление, находит себе адекватное выражение в Зендской формуле: «houmatem, houktem, huarestem», т.-е. «благая мысль — благое действие — благое слово». Каково бы ни было социальное положение человека, он должен выполнять свое назначение в чистоте сердца и мысли.

Принцип материи «Ahriman» онтологически не противо-

полагается Ормузду, как «всеобъемлющему духу». Как и «Prakriti» он является для духа «обособленного» тем необходимым элементом сопротивления, при воздействии на который получается синтетическое целое, жизненная волна.

В гармоническом сопряжении этих двух начал раскрывается тайна истории, ее финализм, столь отличный от эсхатологии, основанной на семитическом дуализме.

III век после Р. Х. одна из интереснейших эпох в истории Ирана. К этому времени духовное сотрудничество Ирана и Индии достигает своего апогея. Помещенная между тремя главными культурными центрами вселенной — Индией, Византией и Китаем — Империя Сассанидов служит местом встречи и взаимопроникновения всех великих религий. Результаты такого взаимодействия налицо. Культ Митры — вышедший из Буддизма и оформленный в Иране — проникает обратно в Буддизм в лице Bodhisattwa Maitreya, а затем оттуда в Христианство. Секта гностиков, появившаяся на Иранской земле, провозглашает спасение посредством «гнозы», санскритским эквивалентом которой является Prajnâ-Pâramita. В этот период духовной взвихренности, когда Римская Империя, обеспокоенная развитием Христианства и культа Митры, прилагает последние усилия задушить опасные для себя религии, когда Сассаниды пытаются снова восстановить в его первоначальной форме ортодоксальный Маздеизм, иранец Мани создает ослепительную комбинацию из элементов Буддизма, Зороастризма и Христианства. Через Манихейство в лоно православных святых, под именем Царевича Иосафа, проникает сам Будда. Но веками намечаемому и уже почти что достигнутому синтезу культов и культур на этот раз еще не суждено было свершиться. Туранское море, до тех пор сдерживаемое горными цепями, хлынуло на Иранское плоскогорье и затопило его. И долго еще Туранские отряды скакали-бы по степям Средней Азии, сметая на своем пути народы и государства, если бы не явился в 622 г. после Р. Х. на арену мировой истории Ислам.

Таковы были пролегомены азийского стремления к всемирному синтезу. В таинственном процессе осмоса культур че-

рез посредство Греции участвовал и Западный мир. Запад — белый лист — tabula rasa — на котором Греция первая начертала свои письмена. Запад воспринял эллинскую культуру тем более легко, что не мог противопоставить ее напору ничего своего, самостоятельного. Восток эллинизировался очень поверхностно — эллинская культура оставила следы лишь по побережьям Малой Азии и затем зачахла за стенами построенных греками городов.

Индия не эллинизировалась вовсе. Греческие династии Maurya и Penjab'a быстро забыли о своем эллинском происхождении. Внук Sandrakottos'a, как я уже указывал, одна из виднейших фигур индийского Буддизма.

И потому за кажущимся процессом эллинизации Востока кроется другой, менее зримый и более действенный процесс — азиатизации Эллады. Восточная мысль впитывается в мысль греческую и на временное политическое порабощение Западом, Азия отвечает духовным порабощением эллинизма. Иранский бог Митра царит в Риме, который быстро уступает место Византии, т. е. державе чисто азийского стиля.

Эллада же, как таковая, сыграв свою роль передаточной среды, через которую осуществились как осмос азийских культур, так и сопряженное их действие на западный мир, исчезает на много веков с культурного горизонта как Азии так и Европы, дабы затем воскреснуть, но уже как фикция, в эпоху так называемого «Возрождения».

До эпохи Возрождения, как не различны были по своему метафизическому облику католический Запад и вся совокупность религий, создавшая единство азийского мира, Запад и Восток находятся в тесном общении. В области науки, экономики, литературы и философии европейская цивилизация развивается параллельно азийским культурам. В области религиозной также наблюдается параллелизм: и Азия и схоластическая Европа живут в одном общем устремлении к небу — в одной мистике спасения. Через арабов сперва, а крестоносцев затем, индийская метафизика (нео-платонизм) и иранский суфизм проникают в Европу и пламя азийской мысли освещает весь схоластический период средневековья.

В 15-ом веке Европа вдруг обрела античных богов, они вселились в фантазию поэтов и мрамор дворцов. И они принесли с собой новый чарующий мир идей, фантазий и форм. В известном, довольно узком, почти-что даже исключительно эстетическом смысле, произошло действительно возрождение. Европейцы, увы, приняли эту эпоху за возрождение с «большой буквы» и начали от нее летосчисление новой религиозной и интеллектуальной эры. С этого момента можно считать разрыв между Европой и Азией окончательным. Реформация, идеи натурализма и материального прогресса, — еще больше углубили пропасть, усилили создавшуюся дисгармонию. Восстановление нарушенной мировой гармонии — задача завтрашнего дня. Но дабы ее выполнить, дабы восстановить в общечеловеческом синтезе культуры Азии и Европы — нам надо перебороть гордыню, откинуть предубеждения, отказаться от частного и преходящего ради абсолютного и вечного; надо, наконец, проникнуться православностью основной азийской мысли, что дух и материя абсолютное и относительное, целое и часть — только различные выражения одной и той же. единой Истины.

Всеволод Никольский.

ВЧЕРА. СЕГОДНЯ. ЗАВТРА

Ставя перед собой трудную задачу дать в краткой объективной форме политическую оценку современного исторического момента, просим читателя помочь нам и произвести над собой небольшое психологическое усилие — отказаться на время чтения этой статьи от своих политических воззрений, не заглушая в себе, однако, русского национального чувства.

Мы будем здесь исходить лишь из идеи России, как великой нации, и идеи примата духовного начала в жизни человечества.

Кроме того, нам надо отказаться также от всебощего убеждения в катастрофизме настоящего положения России. Право, так ли безнадежно трагично положение пленника, вырывающегося из плена? В самом деле, не было ли дореволюционное состояние России тем культурно-бытовым пленом, который стеснял самостоятельное естественное развитие русского национального духа, направляя его по чуждому пути западно-европейской цивилизации? Не являются ли настоящие исторические события тем трудным, мучительным началом освобождения России, которое провидели Достоевский и Пушкин, великие печальники — певцы русской духовной свободы?

Сначала рассмотрим спокойно современную коммунистическую действительность.

Коммунизмом охвачена только одна страна — Россия, а между тем в основе своей коммунизм интернационален и приложим, согласно его собственной доктрине, лишь ко всему мировому хозяйству в целом. Русские коммунисты надеялись, что мир преобразуется в коммунистическом духе под влиянием российской революции. Действительно, в Венгрии, Саксонии, Баварии были попытки коммунистического государственного устройства, под серьезной угрозой находились и вся Германия и Италия, но в конечном итоге надежды большевиков не оправдались.

Тогда решили усилить активную агитацию и пропаганду,

развернув деятельность во всем мире. Внутри России на это время, в целях облегчения жизни населения, впредь до ожидавшейся мировой революции, была объявлена НЭП. Но время проходило, умер Ленин, НЭП развивалась, грозя захлеснуть «командные высоты», а революция все не шла. Постепенно преемники Ленина пришли к заключению, что мировую революцию необходимо ускорить, для чего надо создать те же условия, в каких она произошла в России, т. е. новый военный погром, который должен потрясти заболоченный мир, но разгромлена на этот раз должна уже быть не Сов. Россия, а Западная Европа. Таким образом, перед большевиками стала альтернатива — или продолжать осуществлять свои политические идеалы и воевать, или не воевать, что для них стало равносильно вопросу о сдаче своих партийных позиций под напором экономических условий. Положительному разрешению этого вопроса, т. е. быть и воевать, содействовала сама Зап. Европа, во-первых — признав де-юрэ Сов. Россию и восстановив с ней экономические отношения, во-вторых — разбившись после войны на два лагеря: с одной, более сильной стороны — на победителей, с другой, более слабой — на побежденных и обиженных при дележе военных трофеев. Таким образом, Зап. Европа открыла большевикам щель, чрез которую им и удалось вылезти на мировую арену. Наконец, третьим обстоятельством, оказавшимся на руку большевикам, явился, теоретически большевиками давно предвиденный, мировой экономический кризис.

Придя к решению интенсифицировать революционный процесс, большевики понимали, что Красная Армия совершенно неподготовлена для ведения войны в большом масштабе, что разгромленная революцией промышленность также совершенно не приспособлена к техническому снабжению современной большой армии и, наконец, что введенная НЭП на началах хозяйственного расчета не в состоянии быстро организовать промышленность в нужном масштабе. Понадобилась новая экономическая ломка и коренная переработка плана реорганизации промышленности.

Для оправдания перед общественным мнением перемены экономической политики были пущены в оборот: идея угрозы иностранной интервенции — и теория «социализма в одной стра-

не», в корне противоречащая основным положениям коммунизма. Эта последняя теория предусматривает такую организацию национального хозяйства, которая превратила бы СССР в хозяйственно- самодовлеющее государство. Между тем, если бы большевики серьезно заботились о таком устройстве народного хозяйства в национальных интересах, то им прежде всего надо было бы оберегать, а не подрывать жизненные силы страны, для чего в первую очередь нужно было бы наладить легкую промышленность для производства предметов широкого потребления, имея в виду удовлетворить нужды населения и тем самым стимулировать активность крестьянства в развитии сельского хозяйства. Не зачем было бы так форсировать экспорт и импорт, как это делает советское правительство.

Проводящийся в настоящее время в жизнь знаменитый пятилетний план индустриализации предусматривает как раз обратные насущным потребностям населения мероприятия — развитие горнодобывающей, металлообрабатывающей, электротехнической и химической отраслей промышленности. По существу план этот является планом милитаризации промышленности, предназначенной обслуживать военные потребности армии, как в предвоенный период ее технического комплектования, так, разумеется, и во время войны. Сведения эти в настоящее время даже не являются секретными, поскольку они обошли как русскую эмигрантскую, так и иностранную печать. Та же политика военизации проводится и в сельском хозяйстве, (коллективизация деревни во всероссийском масштабе), по образцу аракчеевских военных поселений.

В результате такой диспропорции в строительстве промышленности по отношению к нуждам населения, внутренний потребительский рынок потерял всякое значение в глазах совласти, т. к. не может же русский крестьянин покупать автомобиль, когда ему нужно колесо или ось для телеги. Необходимость же приобретения за границей технического оборудования для вновь проэктируемых гигантских промышленных предприятий вынудила правительство обратиться к форсированному экспорту русского сырья, следствием чего явились внутреннее бестоварье и нужда. Тем не менее, несмотря на все стоящие перед большевиками трудности, они настойчиво идут по пути осуществления пла-

на. У нас часто дебатируется вопрос — осуществим ли советский план индустриализации и если осуществим, то в какой мере. Надо признаться, что вопрос этот вообще имеет мало оснований, ибо раз план находится уже в стадии осуществления, то значит он осуществим. Что же касается степени его возможного выполнения, то поскольку инициатива находится в руках самих большевиков, являющихся хозяевами положения, то и этот вопрос не имеет решающего значения, ибо если за 5 лет они выполнят только 60 - 80% плана, то остальную часть они могут выполнить на шестом и седьмом году, включив в уже проэктирующуюся новую «пятилетку».

Даже и иностранные специалисты не оспаривают теперь возможности осуществления плана в техническом отношении, беря лишь под сомнение его экономическую целесообразность. Но это объясняется тем, что иностранные экономисты, проникнутые духом законов политической экономии, выработанных условиями мирного капиталистического развития, никак не могут усвоить, что советская экономика этим законам не подчиняется. С точки зрения чистой экономики они, конечно, правы, да и советские экономисты не лыком шиты, чтобы этого не понимать. Но экономические соображения большевиков скорей подходят к условиям военного времени, когда та или иная операция рассматривается не под углом коммерческой целесообразности, а с точки зрения интересов обороны. Та же самая картина наблюдается и в руководстве финансами, где советский рубль не является средством расчета, как бы следовало в нормальном государственном хозяйстве, а играет роль лишь статистической единицы «социалистического» учета производства и фиктивного расчета за труд с населением. Именно в целях поддержания курса рубля, как учетной единицы, большевики и относятся с такой педантичностью к выполнению «промфинплана». Правда, в случае его невыполнения, ничего особенного не произошло бы; пришлось бы только произвести заново переучет производства по другой системе, что в процессе организации работ, конечно, крайне нежелательно.

Здесь может стать вопрос — долго ли будет продолжаться такая экономическая независимость. Но в условиях неисчерпаемости источников российских природных богатств и дисципли-

нированности терроризированного населения и этот вопрос на ближайшие годы не является актуальным. О каком-либо организованном сопротивлении в государственном масштабе вообще не может быть речи, для подавления же местных возбуждений в распоряжении правительства имеются неограниченные средства. К тому же через год - два, с сокращением необходимости экспорта продуктов, снабжение населения может улучшиться.

Правда, и у советского правительства есть «ахиллесова пята» — зависимость от ежегодной урожайности, поскольку Россия и прежде, и теперь является страной земледельческой и продукция земледелия (в частности зерновые хлеба) составляет одну из основных статей экспорта. В случае неурожая экспорт зерна, конечно, стал бы невозможен и даже выручка от экспорта нефти, леса и пр. должна была бы пойти на закупку за границей предметов продовольствия для населения. За отсутствием средств приостановился бы и импорт технического оборудования для промышленности впредь до нового урожая, но производство внутренних строительных работ могло-бы итти тем же темпом; понадобилась бы только некоторая перегруппировка работ. Чрезвычайно при этом пострадало бы конечно несчастное российское население, т. к. большевики еще больше урезали бы и без того скромное пайковое снабжение продовольствием.

Таким образом, в худшем случае промышленный план мог бы испытать лишь некоторое временное снижение темпов выполнения, населению-же грозили бы новые страдания.

В политических кругах Европы и Америки существуют разные проекты борьбы с так называемым советским «демпингом» и вообще с угрозой экономического влияния СССР на международную экономику. Все эти проекты не могут дать каких-либо положительных результатов, т. к. всякое стеснение советского экспорта повлекло бы сокращение советского импорта, что в свою очередь, стало бы невыгодным советским контрагентам, особенно в условиях мирового экономического кризиса (когда каждый советский заказ является подарком для иностранной промышленности и куском хлеба для армий безработных). Свидетельством тому является все больше расширяющийся кредит для советских заказов, доходящий в некоторых случаях до 3-х

лет. Вообще, поскольку однажды Европа стала на путь признания СССР и восстановления с ним торговых отношений, ей с этого пути не сойти. Советские политики достаточно ловки, чтобы не дать себя объехать.

Перейдем теперь к рассмотрению послевоенного положения Зап. Европы. За последние годы мысли культурного общества часто останавливаются над мучительным вопросом о кризисе демократии. **Идея** демократии, как формы общественного устройства на началах справедливости и полной свободы личности в гармоническом обществе, в котором человеческое достоинство не попиралось бы материальным превосходством одних людей над другими, эта идея, сама по себе, неизбывна и бессмертна. Но беда современной демократии в том, что она сама связала себя с капиталистическо - индивидуалистическими формами экономического устройства государства. Этот мезальянс получил благословение христианской церкви для чего потребовалось соответствующее толкование догматических основ христианской религии, толкование по существу глубоко анти-христианское. В результате медленно, но верно развивался кризис не только демократии, но и христианства, кризис всей современной «морали».

Иллюстрацией этого кризиса могут служить недавние испанские события, где по натуре глубоко религиозный испанский народ предал огню и погромам свои храмы и монастыри. И как разителен контраст в отношении к религиозным памятникам между русским и испанским народом, тем более, что эти два народа по своему культурному и религиозному уровню очень близки. Но церковь испанская погрязла в материальных заботах о своих светских привилегиях и о церковных имуществах, в отстаивании эгоизма богатых, она замкнулась в схоластическом кругу от проникновения в нее народного духа, и в вихре революционных событий от нее отшатнулся народ.

До революции это духовное разложение угрожало и русской церкви; заплывший жиром русский быт и светская власть давили ее. Но когда с русским народом случилась катастрофа, церковь русская нашла себя, она разделила с народом его горе и вместе с ним понесла тяжелый крест, подкрепляя духовные силы народа. И народ русский отплатил ей сторицей — он не

только простил ей старые грехи, не только не тронул сам ни одного храма, но повсеместно наполняет их для горячей молитвы и в мрачном молчании затаивает глубокую обиду против безбожной власти. Он верит, он знает, что придет время, когда закрытые, поруганные храмы вновь откроются.

И в этом духовном единении с народом, в истинно христианском смирении, достойном восхищения, русская церковь не только не жалуется, но находит в себе силы отказаться от моральной помощи извне и отрицать перед всем миром гонения власти на себя, оберегая этим спокойствие духа и интересы верующего народа.

Что же удивляться равнодушию современной «морали», что же удивляться деморализации современных нравов и быта! Правда, и в России далеко не все благополучно в отношении нравов, но разве распропагандированный и отравленный с юных лет ядом неверия теперешний комсомол может считаться главным представителем русского национального духа и разве мысль сознательной части комсомола не бродит в потемках и не ищет иногда выхода из нравственного тупика?

Конечно, моральное разложение европейского общества могло бы углубляться и дальше, не вызывая чувствительного кризиса современной демократии, если бы не предала экономика, переживающая общепризнанный мировой кризис, вызвавший во всем мире потрясения не только узко-экономического, но и социально-политического характера.

Причины этого кризиса чрезвычайно сложны и глубоки. Здесь надо отдать справедливость большевикам, теоретически задолго предвидевшим его развитие, что они сумели лучше разобраться в послевоенной конъюнктуре, чем западные экономисты, заговорившие о кризисе лишь когда разразилась катастрофа. Среди этих причин мировая война 1914 г. является тем нарывом, который вызвал кризис всего мирового организма. Главнейшие из них — перманентная промышленная революция, обусловленная колоссальным техническим прогрессом и повышением производительности труда, благодаря системе стандартизации промышленных изделий и рационализации процессов производства; громадное увеличение и расширение промышленных предприятий и сельско-хозяйственных культурных угодий;

вызванных к жизни ненормальным повышением спроса и цен во время войны, а также послевоенными денежной инфляцией и спекуляцией, обогатившими предпринимателей за казенный счет; эти колоссальные развитие и прогресс производства совпали с таким же значительным сокращением мирового рынка, вызванным революционными событиями в крупнейших странах (Китай, Индия, государства Южной Америки и, наконец, Россия), в результате чего громадное число потребителей выпали из международного оборота и нет никакой надежды на их возвращение в ближайшее время, т. к. раззоренный непрекращающейся гражданской войной Китай долгие годы не сможет восстановить своей прежней платежеспособности, а в Индии чрезвычайно сильны националистические тенденции, благоприятствующие развитию местной промышленности.

Таким образом промышленный прогресс, столкнувшись с резким сокращением рыночной емкости, поставил мировую промышленность перед угрозой финансового крушения. Ряд биржевых крахов подтвердил конкретность такой угрозы и она императивно вызвала вопрос о свертывании производства, каковое и происходит за последние годы.

В результате появилась 25-миллионная армия безработных и сильное сокращение предпринимательских доходов, что в свою очередь понизило покупательную способность населения и вызвало новую безработицу, новое сокращение доходов и т. д.

Тем не менее экономисты, быть может из желания успокоить общественное мнение, быть может — из соображений защиты интересов какой-либо данной экономической области, — признают теперешний кризис лишь временным, преходящим явлением. Выход из создавшегося положения стараются найти в искусственном повышении цен, путем задержки выпуска товаров со складов на рынок, в перераспределении банковских золотых запасов и валюты, в снижении таможенных пошлин, в обычной в таких случаях организации общественных работ и, наконец, в сокращении и регулировании промышленного и сельскохозяйственного производства в международном договорном порядке. По этой идее экспорт продуктов должен быть заранее регламентирован в каждой экономической области для каждой страны особыми международными конвенциями и договоривши-

еся страны не смеют перейти указанных для них лимитов. Так должны регулироваться экспорт хлеба, нефти, угля, стали, азотистых веществ, сахара, а может быть и... горчицы и перца!

И этот абсурд преподносится цивилизованному миру в XX веке! Мало того, за отсутствием сбыта колоссальные партии товаров, которые могли бы прокормить сотни тысяч голодных безработных, сжигаются и топятся в море.

Тенденция промышленного мира сводится к тому, чтобы обязательно загнать рост производства в такие колодки, в которых предложение товара не превышало бы хорошо оплачиваемый спрос на него, и тем поддержать цены на уровне, который обеспечивал бы предпринимателям высокий доход с капитала.

Вот здесь то и кроются органические противоречия капиталистического строя, при котором потребитель заинтересован в безостановочном увеличении количества доступных жизненных благ и максимальном снижении цен вплоть до совершенного уничтожения предпринимательского процента на оборотный капитал, а предприниматель, наоборот, заинтересован в его максимальном росте, хотя бы ценой понижения жизненного уровня народных масс.

Как досадно, что наша пресса, крича о малейшей неудаче большевиков в осуществлении плана индустриализации, в то же время замалчивает о прорывах на мировом экономическом фронте. Воистину, бытие определяет сознание эмиграции, и как много надо людям над собой поработать, чтобы наше сознание определяло бытие!

Сопоставляя эти два кризиса, которые мы здесь в общем аспекте рассмотрели, — кризис советский и капиталистический, — невольно приходишь к логическому выводу, что, как ни тяжела советская бытовая действительность рядом с кажущимся благополучием на Западе, но у СССР больше объективных условий, обезпечивающих развитие его политики.

Переходя к политическому положению Зап. Европы после войны, мы видим, как уже было указано выше, что оно определяется естественным результатом войны — разделением стран на два лагеря: победителей и побежденных. К последним относятся и все недовольные и обиженные страны при дележе во-

енных территориальных трофеев, причем победителям свойственны, как всегда, пацифистские тенденции, обусловленные желанием сохранения установленного выгодного им статус-кво, побежденным же, наоборот, приходится бороться с горькими результатами поражения. Таким образом, сама политическая обстановка предопределяет для СССР роль верховного арбитра и нет сомнений, что когда СССР сочтет себя достаточно сильным, он эту роль выполнит с честью; можно даже предположить запоздалое осуществление давнишней славянофильской мечты об объединении славянских народов в единое государственное целое, — увы, на коммунистических началах.

Другой вопрос — это когда большевики приступят к осуществлению своей основной задачи — устройству мировой революции через новую мировую войну. Такая война уже имеет свою литературу и надо признать, что ужасы, в ней изображенные, имеют вполне реальный характер. Можно предположить, что война эта при современном техническом прогрессе уже не будет иметь фронтовой характер, а будет вестись противниками в глубоком тылу друг у друга с целью уничтожения военных и продовольственных складов, фабрик, заводов, городов, путей сообщения — до полного материального взаимного истощения, но без обычного финала, т. е без подразделения на победителей и побежденных. Географические и климатические условия России позволяют все же надеяться, что население ее пострадает меньше других, даже при условии технического превосходства противника.

Но в такой обстановке коммунистическая власть, погромом рожденная, лишенная орудия физического принуждения, весьма возможно что придет, под грохот учиненного ею нового погрома, — к историческому моменту своей ликвидации, т. к. ни советская власть, ни какая другая, среди военных потрясений не будет иметь в глазах населения никакого авторитета. Тогда, быть может, действительно осуществится лозунг, брошенный большевиками в начале революции — «власть на местах» — в форме выбранных самим населением общинных управ, которые затем и примут на себя как выполнение административных функций, так и организацию эксплоатации средств производства и природных богатств данной общины. И пройдет, вероятно, не мало

времени после войны, прежде чем народ пошлет своих представителей на Всенародный собор, которому будет предстоять задача организации страны на новых социальных началах.

Эта схема возможных будущих событий здесь кратко изложена, главным образом, чтобы предупредить какие-либо реставрационные предположения и показать беспочвенность всех програмных проектов форм правления. Когда Россия поднимется из коммунистической пропасти к национальному возрождению, этот крестный путь поведет к каким-то новым формам социального уклада и во всяком случае уже не к буржуазному государству, т. к. возвращение к разбитому буржуазному корыту могло бы произойти лишь в результате поражения СССР в неминуемой борьбе с Западом.

Вот почему глубоко ошибочны все те политические концепции, которые предусматривают раздельное существование двух политических идей: России «советской» и России «национальной». Россия — едина, и она неотделима в данное время от большевизма, как в дореволюционную эпоху была неотделима от самодержавия. В свое время революционная борьба против самодержавия, в роде таких актов, как убийство Императора Александра II, приводила к внутренней реакции и к ослаблению внешней мощи России.

Вот почему в настоящее время всякое действие, всякая пропаганда, имеющая целью повредить интересам современной России, является деянием антинациональным, пораженческим.

Нам, русским, необходимо теперь же решить с кем мы — с Россией или с ее будущими врагами, ибо не в страстной борьбе против неизбежности надвигающихся ужасных событий, а в своевременном предотвращении ошибок и паники во время этих событий — долг подлинных патриотов.

Не будем-же растравлять святых ран нашей родины — а отдадим ей все силы на путях осуществления великой миссии ей предуказанной. Преодолев коммунизм, — она выведет человечество из морального и матерьяльного тупика в новые, новым светом осиянные просторы.

А. Холодилов

ОБ АНТИТЕЗИСЕ

Для многих до сих пор еще не стало ясно, что капиталистический строй столь-же мало приемлем для христианина, сколь и коммунистический. Из обширной переписки с молодыми читателями нашего журнала выяснилось, что некоторые еще находятся во власти упрощенной схемы: «мы — против коммунизма; капитализм — главный враг коммунизма: значит — мы с капитализмом союзники». Другие отстали еще больше и рассуждают еще примитивнее: если будет война какой-либо иностранной державы с СССР возьму винтовку и пойду с иностранцами «против большевиков». Видимо не отдают себе отчета, что фактически пойдут отвоевывать «Одессу для Бухареста и Киев для Варшавы». Это последнее обстоятельство побудило нас дать во второй книжке «Утверждений» несколько статей, под разными углами зрения затрагивающих проблему интервенции. Вопросу-же о сравнительной оценке капитализма и коммунизма в свете христианского сознания посвящена настоящая заметка. Пусть не ищут в ней «нового слова» — она преследует гораздо более скромные задачи: по возможности правильно **поставить** вопрос и тем содействовать скорейшему нахождению путей к его разрешению. Она, кроме того, написана для **молодежи,** той молодежи, которая сравнительно мало знакома с литературой проблемы — и требует в своих письмах возможно более **популярного изложения** разрабатываемых тем.

Применять диалектический метод при изучении борьбы капитализма с коммунизмом, рассматривать их как тезис и антитезис — можно только в плане **экономическом;** в этом плане и должен быть найден пореволюционный **синтезис проблемы.**

Но это — дело экономистов. С христианской-же точки зрения оценивая оба эти явления — трудно, мне кажется, признать их тезисом и антитезисом: правильнее всего их счесть за две стадии развития одного и того-же процесса, два аспекта одной и той-же матерьялистической сущности.

Если уж подходить к истории во всеоружии гегелевской триады — то, казалось бы, правильнее принять за тезис схоластически-догматическое **средневековье,** за антитезис — период **панматериалистический** (ныне, видимо, завершающий свой путь) — и искать синтезис в новом, свободном **социальном** раскрытии христианства. Конечно, и «сакральный» период средневековья. и нынешний ультра-матерьялистический — во времени не соприкасались; между ними — значительная прослойка; это объясняется тем, что на кривой исторической температуры они являются лишь кульминационными точками; дуга-же этой «кривой» прочерчивается сравнительно плавно, оставляя между максимумом подъема и максимумом падения достаточно значительные «переходные пространства». Принимая такую условную схему — надо ясно отдать себе отчет, что и искомый нами синтез не реализуется в ближайшем-же будущем; разрешение намеченной задачи этим, конечно, не отодвигается куда-то вглубь истории—но реализация синтеза (Бердяевского **нового** средневековья) становится все же проблемой еще не завтрашнего дня.

В задачу настоящей заметки входит, как выше было сказано, исключительно рассмотрение и оценка с пореволюционной точки зрения элементов **антитезиса:** современного панматериалистического периода в обоих — капиталистической и коммунистической — формах его проявления. Этот период прежде всего характеризуется (преимущественно в странах европейской цивилизации) **вырождением культуры.** Вспомним забытое значение слов: «культура» — от **культа;** основа и источник культуры — религия; она — путь утверждения **духовных** ценностей. Цивилизация есть «гражданизация» жизни — передвижение центра тяжести в план матерьяльной организации.

Выродившаяся культура, именуемая цивилизацией, — вся основана на примате матерьяльного над духовным, интересов над идеями, частного над общим. Критической фазой развития

первого этапа матерьялистической болезни и является т. н. **капитализм.**

Какова его идеология? Его цели? Его средства?

Никакой идеи у капиталистического мира **нет.** Сладенькие идейки, когда-то считавшиеся «высокими» — сейчас звучат циничною ложью: в этом мире предельный разрыв между словом и делом. Как от веры осталась ныне одна догматика — так от идеалов 18-го века остались лишь сентиментальные, фальшивые слова; жизнь эгоистична, безжалостна, груба. Ее убогий «идеал» — работать возможно меньше, зарабатывать возможно больше; в пределе — не работать вовсе. Но так как кто-то за кого-то все-таки должен работать — то достижение «идеала» одним сводится просто к переложению ноши на плечи других, т.-е. покупается **эксплоатацией,** прибавочным трудом других.

В капиталистическом мире нейтральная буржуазная «мораль» лишь механически регистрирует успехи одних и гибель других в **узаконенной** борьбе каждого против каждого и каждого против всех; иногда даже всех против всех — рабочих против предпринимателей, предприятия против предприятия, государства против государства.

Невольно возникает мысль: и **это** — социальный уклад тех народов, которые принято именовать «христианскими»? И этот строй нередко берут под свою защиту христианские церкви?

Ведь нынешний «цивилизованный мир», еще по слову Уайльда, «знает цену всему, но не видит ни в чем **ценности»;** все ныне расценивается исключительно по своей способности к «капитализации»: на дружбе можно заработать, если у друга есть связи; ум ценится, как «комбинационная» способность в деловой сфере; честность давно признана выгодной в «некоторых случаях» коммерческой тактикой. Авторитетен лишь богатый, ибо богатство — абсолютный критерий всех достоинств. Разве можно в подобной обстановке говорить о взаимопомощи, взаимо - поддержке? Представители «экономической эпохи», если и пробуют иногда создавать коллективы (например, паевые товарищества) — то лишь для того, чтобы стать сильнее в борьбе с противниками, для более быстрого уничтожения более слабых — ибо не столько в создании «полезностей» (пусть даже матерьяльных)

— сколь в раззорении конкуррента, в подрыве результатов его творческого усилия — основной пафос по природе своей глубоко «отрицательной» капиталистической стихии. Паразитическая **биржа** недаром всегда помещается в «храмообразных» зданиях— под знаком поклонения ей проходит целая эпоха. Вся эта обстановка естественно порождает резкую противопоставленность каждого индивидуума — всем остальным, приводя к исчезновению всякого духа действительной солидарности, к крайнему **индивидуализму** — самому характерному явлению капиталистического мира. Этот эгоистический индивидуализм обладает свойством в итоге своего развития совершенно лишать человека **индивидуальности**; чем в сущности отличается современный средний француз от среднего немца? Те-же интересы, тот-же кругозор. Капитализм с успехом начинает процесс **нивеллировки** человечества (уже не говоря про стандартизацию одежды, предметов домашнего обихода, даже жил-строительства)—созидая первые ступени лестницы, прямо ведущей к коммунистической «обезличке». А рядом с этим произносятся с подобающим пиэтетом слова о человеческой личности — «единой и неповторимой».

Как-же всетаки с таким социальным укладом до сих пор могло мириться христианское сознание? Может-ли оно терпеть, не обличать, не подымать даже вопроса о предельной греховности всего этого строя жизни?

Ведь извлечение матерьяльной пользы — цель «экономического человека», ею определяются все «человеческие» взаимоотношния; эта матерьяльная польза символизируется в **деньгах** — наиболее безличной форме капиталистического права собственности. В далеком прошлом собственность могла еще быть в некоторых случаях оправдана: между творцом ценности и его творением возникала некая цепь духовного взаимодействия. Но при капиталистическом строе нет больше никакой внутренней связи между собственником и собственностью: контрольный пакет, акция, денежный знак, чек — лишь «теоретические» ценности, даже скорее всего просто некии фикции. Ведь и деньги не реальные — это фантазмы, это **собственность цифр** в бухгалтерских книгах. **Такое** право собственности уже начинает терять под собой всякую моральную почву: капитализм сам

рубит сук, на котором еще держится. Деньги становятся неким «векселем на удовлетворение всех желаний» — и в капиталистическом мире растет одна, общая всем, мечта: разбогатеть, как можно скорее, все равно, в сущности, какими средствами, — все для богатства, все через богатство... Начинает бушевать стихия накопления — переходящая в манию накопления ради накопления. Капиталист все больше и больше становится рабом своего имущества; материя окончательно порабощает дух; рабочий — уже раб машины: не «человек выбирает себе орудие» — к орудию подбирают человека. Материя становится богом в капиталистическом царстве...

Может-ли с таким строем мириться христианская совесть?

«Свобода, равенство, братство» — вот показной фронтон капиталистического мира; если-б эти слова хоть в какой бы то ни было степени претворялись в жизнь — еще можно было бы простить, что они являются пошленькой пародией на христианские заветы. Но даже и на этом девизе буржуазного мира можно проверить наличие того трагического разрыва между словом и делом, который характеризует современный капиталистический строй; его лживость настолько цинично обнажена — что сама придает борющейся с капитализмом коммунистической неправде некое право апеллировать к чувствам правды и справедливости.

Скандальные результаты обследования американских тюрем комиссией Уикершэма обнаружили перед лицом всего мира, что в самой капиталистической из капиталистических стран жесточайшие **пытки** являются **обычным** средством для получения «добровольного признания». Детей «наказывали плетьми, сажали в ледяную воду». Не лучше поступали со взрослыми — «одному арестованному лили воду через ноздри, пока он не согласился признать на суде все, что требовала полиция»; «некоторых арестованных подвешивали головой вниз к потолку и затем пускали в камеру слезоточивый газ» (буржуазная газета «Последние Новости», №№ 3761 и 3794).

В этой области коммунизм только достраивает заложенное капитализмом здание. То, что в буржуазном мире делается оффициозно — в коммунистическом свершается оффициально. Разница не качественная — а количественная.

Капитализм сам вынашивает и взращивает в себе микроб той болезни, которой суждено унести его в могилу — и имя этой болезни: коммунизм.

Современный промышленник в своей работе настолько обусловлен всей экономической конъюнктурой, что он уже не в состоянии руководить **своим** производством, приспособлять его к емкости рынка. Он должен производить не останавливаясь — и все время усиливая темп производства; задержка часто равносильна потере всего состояния. В таких условиях и возникает та «анархия (вернее: панархия) производства», которая неминуемо ведет к кризисам, крахам и банкротствам капиталистов, уносящих с собой в пучину раззорения сотни, а иногда и тысячи мелких буржуа, поместивших деньги в акции или прельстившихся высоким спекулятивным процентом. В критические моменты капитализм начинает **тосковать по организации;** отсюда — современные беседы о необходимости внесения **планового** начала, о «капиталистических пятилетках»; в этом смысле коммунизм есть только **следующая стадия развития капитализма** (госкапитализм) — или, по выражению Б. П. Вышеславцева, — «капитал-коммунизм», — завершительный этап все той-же единой матерьялистической болезни.

Мне думается, что Капинтерн, несмотря на все усилия, не сможет долго противостоять Коминтерну: капитализму присущ органический порок взаимо-зависти и взаимо-ненависти; это не только ослабляет его сопротивляемость — но и делает победу над ним коммунизма, построенного на **общности** зависти и **общности** ненависти совершенно **неизбежной.**

Капитализм всеми мерами сам увеличивает кадры своих врагов: он возносит только немногих — и топчет в грязь и нищету огромное большинство тех самых, трудом коих вознесены первые; он создает быт, при котором рядовой человек должен надрываться ¾ своего жизненного пути на работе, убивать молодость и радость жизни — чтобы к 60-ти годам (да и то не всегда) инвалид, внутренно-опустошенный, мог начать «пользоваться благами» того существования, которое ему самому давно успело опротиветь. Капитализм, афишируя наглое богатство, всюду сеет зависть, алчность, мстительность, воспитывает грубость, безжа-

лостность и жестокость — т. е. те самые чувства и силы, которые им самим двигают и владеют — притом взращивает их **против себя.** «Quis vult perdere — dementat». И Бог с ним: не наше дело спасать такой порядок.

И еще раз спрошу; могут-ли христиане благословлять капитализм? Могут-ли мириться с ним? Могут-ли солидаризироваться с капитализмом в его борьбе с коммунизмом? Ежели мне скажут, что капитализм есть всетаки зло **меньшее** — отвечу другим вопросом: могут ли христиане утверждать новый догмат — «благословение наименьшего **зла**»?

Однако все эти вопросы относятся к первой половине проблемы и требуют дополнения другим вопросом: а не должно ли в таком случае христианское сознание солидаризироваться с коммунизмом в его борьбе против капитализма?

Ответ может быть дан без всякого колебания: конечно, **нет.** Но нельзя все-же при этом не указать, что и духовенство и миряне несут большую долю ответственности за само **возникновение** коммунизма: капитализм должен был быть взорван и преодолен организованным **христианством.** Но христианство это в новых условиях «растерялось» (выражение Н. А. Бердяева) — и за осуществление социальной справедливости, за дело, христианами не сделанное — взялся «сатана»: матерьялистический коммунизм. Теперь для христианства проблема преодоления капитализма не имеет уже актуального значения, задача должна быть поставлена шире и глубже: христиане должны преодолеть **всю болезнь целиком,** обе ее стадии.

Для всякого, сколько-нибудь внимательного, наблюдателя должно быть ясно, насколько коммунистический матерьялизм является лишь логическим «продолжением» капиталистического, насколько они внутренно связаны и взаимообусловлены. В коммунизме только острее, окончательнее торжествует стихия отрицания — уже потому хотя-бы, что в отрицаемую сферу включается и сам капитализм.

Прежде, чем говорить о коммунизме — отмечу, что он еще нигде в законченном виде себя не показал. В России он находится лишь в первоначальной стадии развития, а китайский опыт, имевший место много веков назад, ничего общего с современными коммунистическими теориями не имеет. Но о **духе** марк-

систского матерьялистического коммунизма, о взятом им направлении, о его истоках и по его истокам — мы судить о нем можем. И поскольку коммунизм уже успел обнаружить в жизни свое лицо — мы видим у него тот-же, даже еще более ярко-выраженный, разрыв между словом и делом. На фронтоне здания — освобождение труда, международная солидарность, раскрепощение угнетенных, установление справедливого социального уклада. А на практике? На практике 99% пролетариев из числа считающих себя коммунистами именуют себя таковыми лишь потому, что или потеряли надежду стать или стремятся стать (менее наивные)... «буржуями». Зависть — вот психологический момент зарождения современного действенного коммунизма; зависть, алчность и мстительность — т. е. дальнейшее развитие все тех-же стихий, которые определяют собой моральный облик капиталистического мира. Это все то-же «меньше работать — больше зарабатывать», в пределе — ничего не делать. Паразитизм — вот тот «идеал», к которому стремится средний «экономический человек» — в обоих своих вариантах, коммунистическом и капиталистическом.

Выше было сказано, что капиталистический индивидуализм нивеллирует людей? И что коммунизм отрицает этот индивидуализм? Да, конечно; но в коммунистическом коллективе человеческая личность растворяется уже **бесследно.**

Капитализм обожествляет технику, машину? А коммунизм? Он идет в этом направлении еще дальше: машина — бог, идеал совершенства. Недавно можно было прочесть в одной из советских газет письмо комсомольца, приводившееся, как **образец:** автор радостно сообщал, что он «наконец-то» чувствует себя совсем... машиной! В коммунистическом мире уже окончательно не машина служит человеку, а человек машине.

У капитализма нет настоящей идеологии? Она лжива, оторвана от жизни? Коммунизм, конечно, отрицает буржуазную идеологию. Но он отрицает и всякую идеологию **вообще,** считая простой «надстройкой» над экономическими интересами.

Капитализм — стихия эгоизма? Верно. Но он — стихия «эгоизма одиночек». В коммунизме-же утверждается тот-же эгоизм — но соответственно амплифицированный: эгоизм **класса.** Капитализм мстителен? Конкурент не прощает конкуренту? Да,

но в коммунистическом мире мстительность целого **класса** идет еще дальше: класс, бывший угнетенным — сам хочет угнетать других (не равенство, а **диктатура** пролетариата). Сие объясняется, конечно, самыми альтруистическими соображениями: диктатура де нужна для **общего** блага. Но эта идеология мало убедительна, ежели она исходит от людей, **всякую** вообще идеологию провозглашающих гримом, долженствующим прикрыть эксплоататорские вожделения (напр. жизнь города за счет деревни). В капиталистическом мире человеческая личность перестает быть «образом и подобием Божиим»? Надо-ли говорить, чем она становится в мире коммунистическом? В обоих этапах матерьялистического цикла наличествует только «экономический человек» — фабрикуемый «сериями», как штампованные жестяные пепельницы. Дух вытравливается окончательно; ежели в капитализме — всем укладом жизни, то в коммунизме, кроме того, часто методами значительно менее гуманитарными — но и более действительными.

Борьба — жизненная **практика** капитализма? Да. Но коммунизм вводит идею борьбы в свое **мировоззрение**, как некое всеопределяющее начало: вся история человечества для коммуниста есть лишь история борьбы классов и экономических интересов.

В капиталистическом мире царствует эксплоатация? Да. А коммунистическое государство не будет рабочего эксплоатировать, не эксплоатирует уже сейчас? А разве человеку легче, если эксплоатирует его государство, а не частник? Скажут — государство — для общего блага. Но ведь государство руководится людьми, а люди могут ошибаться. Особенно при определении общего блага...

Думается, после всего вышесказанного трудно даже повторить ранее заданный вопрос: не должно-ли христианское сознание солидаризироваться с коммунизмом в его борьбе против капитализма.

Христиане не только не могут становиться на сторону одного или другого в борьбе капитализма с коммунизмом — они должны четко и определенно занять позицию **против** того и против другого — притом не ограничиваясь, конечно,

только одной «отрицательной» позицией, а давая свое, утвердительное разрешение социальной проблемы.

Однако обе стадии матерьялистического цикла всетаки кое в чем отличны друг от друга. И в этой отличности уже просвечивает приближение синтетической эры.

Капитализм безразличен к религии — он арелигиозен («лаичен») по преимуществу; коммунизм-же активно анти-религиозен, выходя уже тем самым из **сферы равнодушия**; он бессознательно строит некую «новую религию» (не только религию антирелигиозности) — ибо воспринимается адептами главным образом не «разумом», как политические теории в капиталистическом мире — а **верою:** верою в «евангелие» Маркса и Энгельса, в «пророка» Ленина, в «рай» осуществленного социализма, в праведность единой и единственной религии (коммунистической), в обеспечение ею спасения «избранных». В противовес капитализму, «религия безбожничества» выводит всю религиозную проблему в совершенно иное измерение, в план столкновения **двух противопоставленных вер:** веры в Бога Живого — и веры в бога-экономику. Родившись из отрицания, будучи воплощенным отрицанием — коммунизм естественно противостоит всякой положительной религии, насыщенной утверждениями — каковой религией по преимуществу и является христианство.

Коммунистическая доктрина утверждает, что она **заканчивает** собой процесс развития форм человеческого общежития — (пресловутое сальто-**мортале** в «царство свободы»). Насколько капитализм по природе своей «бесцелен» или; вернее, «многоцелен» (бесконечное количество отдельных людей, стремящихся обогатиться) — настолько коммунизм целеустремлен и психологически **конечен:** его цель—«рай на земле», окончательное и счастливое разрешение всех вопросов раз и навсегда. Для коммунизма в некий определенный момент **история останавливается***).

В этом ощущении своей «конечности», «завершительности» — коммунизм и прав и не прав; он бесспорно завершает собой

---

*) Интересно будет как-нибудь проследить метафизические истоки этого примитивного эсхатологизма.

матерьялистический цикл; но ведь матерьялистический цикл сам не-пределен, не-конечен в человеческой истории: он только антитезис средневекового периода царства религиозной схоластики. В коммунизме, являющемся в одном разрезе «обратной стороной капиталистической медали» заложена еще и другая « обратность»: эта «обратность» — некий **негатив** христианского социального уклада, некая «обратная» духовность — во всяком случае, **переходность** к духовности. И в этом смысле коммунизм есть несомненно шаг вперед по сравнению с капитализмом. Пусть коммунизм ставит ряд вопросов навыворот — он их уже ставит, тем самым вопреки себе подготовляя выход процесса в иной план, духовно-насыщенный. Надо только ясно отдать себе отчет, что в коммунизме, как **негативе** фотографическом, мы видим лишь «обратную расцветку» социального уклада христианского; все, что в негативе кажется светлым и прозрачным — в действительности темно и беспросветно — и наоборот, темным закрашено все светлое и солнечное. Но если во всяком негативе **расцветка** ложная — то **контуры** правильны: вся **проблематика** Революции для нас приемлема (мы это уже заявляли в первом номере журнала) — резко отрицаются нами лишь те **«решения** проблем, что вытекают из уже отжившей, ставшей тем самым в известном смысле **реакционной,** коммунистической догматики». На то негатив и **«негативен»,** отрицателен — чтобы подготовлять создание **позитива,** «утвердительного» отпечатка, положительного изображения. Не раз уже приходилось говорить о коммунизме, как негативе **соборности,** об интернационализме, как негативе **вселенскости...**

Всякий негатив есть не цель, но средство; коммунистический этап — лишь средство, использованное историей для подготовки **преддверия** нашей исторической миссии, правда, пока еще лишь в **теневой** ее части.

Мы верим: лучи солнца Российской Идеи, преодолев сопротивление темного коммунистического негатива, запечатлеют на экране грядущего образ **преображенный.**

Юрий Ширинский Шихматов

МОНАСТЫРИ ГОРЯТ...

Казалось бы, этой стране было дано Провидением все, чтобы процветать.

Освященное веками церковное устройство, благородный, талантливый народ, популярный монарх, неучастие в мировой войне, радостная, ласковая природа.

И, тем не менее, подошли какие-то сроки, дошли до точки кипения страсти, и мы видим популярного монарха — в изгнании, церковные святыни — в огне, а добродушный, благородный народ — в пароксизме неистовства.

Друзьям организации, национальной дисциплины и иерархии ценностей нет никаких причин радоваться тому, что произошло на родине дон-Кихота. Но революция в Испании — совершенно новый фактор в жизни западно-европейских народов, который внес еще одну остротревожную ноту в мировую дисгармонию.

Несмотря на географическую отдаленность, в исторических судьбах нашей родины и Испании много сходного.

Подобно России, Испания перенесла иго восточных завоеваний, так же горела на кострах веры, спасалась в монастырях, изгоняла армии Наполеона, коснела в невежестве и суевериях, из церквей бросалась в клубы анархистов, и пела и плясала, чтобы свалиться где попало от усталости и заснуть сном Потока-Богатыря.

И так же, как и в России, высший класс Испании, влюбленный в свою мечту, оторвался от нации и жил жизнью тепличных растений, — эгоистический, легкомысленный и безжалостный.

Но аналогия идет еще дальше. И в Испании, благодаря «успехам» капитализма, народился класс крупной буржуазии, мечтавшей о захвате власти, и городской интеллигенции — мелких журналистов, адвокатов, врачей и артиллерийских по-

ручиков — плохих военных, но зато неисправимых друзей буржуазной республики.

А испанскому народу — неграмотному на те-же 85 процентов, был нужен не демократический строй, а коренное переустройство социального уклада.

Король, стесненный придворной камарильей и ограниченный мертвыми традициями, этого не рассмотрел. Он наивно полагал, что в век Ленина многомиллионным, темпераментным народом можно управлять сидя за рулем автомобиля и распределяя досуги между партией в гольф в Сен-Себастьяно и поездкой инкогнито в Париж. А чтобы «бремя власти предков» не мешало ему жить, он передал ее военному генерал-губернатору; не ему было понять, что время генеральских диктатур миновало безвозвратно.

Но он все же не был так наивен, этот король-рыцарь, как можно было ожидать! Последнее десятилетие его правления, судя по опубликованным данным, ознаменовалось широкой раздачей концессий иностранцам и переводом громадных денежных богатств в заграничные банки. Говорят, что на состояние Альфонса 13-го в английских, голландских и иных кредитных учреждениях мог бы прожить не один десяток королей в изгнании. И это — при наличии в Испании масс безработных, бездомных и беспризорных.

Вместе с монархом и аристократией, ответственность за испанскую трагедию, несомненно, несет также и католическая церковь. Так же, как и православная церковь в России до революции, она бюрократизировалась; она погрязла в любостяжании и угодничестве пред власть имущими и защищала богатых от бедных.

Для народа, вечно ищущего Бога, это еще большее разочарование, чем своекорыстный монарх. Если в церквах лгут — их надо сжечь, как жгла еще три века тому назад инквизиция врагов веры! И испанские монастыри запылали. Конечно, не без провокации и участия агентов Коминтерна.

Наместник ап. Петра, при виде гибели церковной утвари, картин и облачений в Испании (гибнущие души «малых сих» Пия XI интересовали меньше!) в недавно изданной энциклике

тщетно взывает к благоразумию богатых; но поздно! Неужели нужен гром религиозной и социальной революции, чтобы глава церкви наконец перекрестился?

Еще несколько лет тому назад буржуазные страусы, при виде страшного лика коммунизма на востоке, зарывали головы в золотой песок и говорили:

— Ах, это так далеко! Это в варварской России...

Но вот теперь горизонт запылал с противоположной стороны. Становится так горячо, что глупым птицам приходится голову поднять и осмотреться. Скоро голову будет не во что прятать, потому что золотой песок развеет приближающийся ураган.

Если в Европе еще сохранились подлинные идеалисты, подлинные «рыцари Св. Грааля», для которых стены собора Парижской Богоматери, мастерство Рафаэля, симфонии Бетховена, театр Шекспира, горение Достоевского, — словом лик Господа в Его отражении на земле человеком, — выше твердого настроения на нью-иоркской бирже, такие «последние идеалисты» должны сделать из событий на Пиренейском полуострове соответствующие выводы.

Они должны восстановить попранную справедливость, — христианскую правду, грубо и сатинински жестоко попираемую материализмом.

Они должны иметь мужество сказать, что гнет и ужас умирающего капитализма ничуть не лучше гнета и безумия коммунизма, который победоносно шествует по пылающему, в огне ненависти и неправды, миру.

И Россия, и Испания, и Германия, и многие, многие другие страны, в которых в противоположность первым трем внешне еще благополучно, мучительно ищут животворящего синтеза из гибельной антитезы: капитализм — коммунизм.

Однако, «рыцари Св. Грааля» еще бродят во тьме. Они запутались в лесу небоскребов, антенн и фабричных труб, — ведомые самозванными авторитетами. У них нет мужества сказать, что так больше жить нельзя. Эту неблагодарную роль должны исполнить мы, представители по-революционных течений российской мысли.

Но и не одну только эту «отрицательную» истину должны мы провозгласить. Мы должны еще выносить в душе то Новое Слово, которое не только выведет Россию на новые пути — но избавит и другие народы от грядущего хаоса. Ибо до тех пор, пока Россия не нашла и не открыла миру **третьего пути,** — другой дороги, кроме коммунистической, Европе, повидимому, не дано.

А пока, в Испании — этом излюбленном детище дряхлеющего Ватикана —

монастыри горят...

Георгий Немирович-Данченко.

28 мая 1931 г.

ВАТИКАН И КВИРИНАЛ

Одно время могло казаться, что в борьбе между католицизмом и фашизмом наступило некоторое затишье. Однако, несмотря на первоначальные попытки обеих сторон смягчить назревший конфликт — борьба в действительности не прекращается.

В опубликованной 4-го июля «Оссерваторе Романо» энциклике, Папа Пий XI говорит о фашистских гонениях на союзы католической молодежи и студенческие объединения, состоящие под общим руководством «Центра Католического Действия». Папа протестует против «попытки монополизировать молодежь... в целях полного и исключительного господства одной партии, единого режима, на основе единой идеологии, явно сводящейся к подлинной и своеобразной языческой **статолатрии** (культу государства), находящейся в полном противоречии как с естественным правом, так и сверхестественными правами церкви»... «Несовместимо с католической доктриной претендовать на то, чтобы церковь и Папа ограничивались внешними религиозными обрядами и чтобы воспитание в целом принадлежало государству».

Латеранский договор явился первой, после событий 1870 г., попыткой нормировать жизнь церкви и отграничить ее социальные функции от государства; последние события лишний раз указывают на то, насколько сложна и, быть может, даже неразрешима эта проблема.

Моральное влияние католицизма в Италии всегда было велико. Фашизм пошел на соглашение с Ватиканом имея ввиду опереться на двухтысячелетний престиж и огромный авторитет церкви; кроме того, союз с главой мирового католичества выводил фашизм из его чисто-итальянского «провинциализма» и выдвигал его на роль некоего «всеевропейского» (если не всечеловеческого) фактора. Святой Престол благосклонно принял

руку примирения, протянутую ему государством, расчитывая при поддержке фашистской власти еще более упрочить свое влияние в стране. Казалось, правительство широко пошло навстречу церкви: восстановление преподавания Закона Божия в государственных учебных заведениях, привлечение духовенства к участию в национальных торжествах, закон о наказуемости кощунства и оскорбления церковной иерархии, введение института капелланов в войсках, наконец, объявление католичества господствующей религией Италии — все внешне говорило за прочность примирения и сотрудничества церкви с государством.

Но гармония эта была только внешней, призрачной, в глубине-же оставалась бездна противоречий, возникающих из различного понимания социальной роли церкви. Для фашизма миссия католической церкви должна была ограничиваться национальным культом, не больше. Католицизм должен быть религией прежде всего итальянской. Такова римская традиция. Он должен содействовать новому расцвету латинского универсализма. Но Ватикан не мог отказаться от своей традиционной миссии христианского универсализма, далеко выходящего за пределы всякой национальной религии. Таким образом создалась обстановка перманентного конфликта этих двух универсализмов: — теократии церкви и государственного абсолютизма.

В этом противоположении сил явлена одна из многих перипетий борьбы двух аспектов власти за преобладание в обществе. Идеологическая сущность конфликта исключает возможность каких бы то ни было существенных компромиссов. После разгрома враждебных политических партий, фашизм фатально подошел к важнейшему вопросу — к религии. Еще не претендуя, подобно большевизму, на полноту религиозного учения, итальянский синдикализм неизбежно закрепляет за собой идеологическое воспитание молодежи, справедливо видя только в ней залог своей жизненности. То, что недавно еще казалось возможным только в СССР, поход на церковь, становится реальностью в Италии; это еще раз подтверждает идеологическое родство всех диктатур. Борьба Ватикана со Священно-Римской Империей закончилась в пользу первого; католическая церковь выросла в могучий международный механизм, Империи по-

гибли, — Ватикан существует. Однако сейчас борьба ведется в другой мировой обстановке и с другими силами, — поэтому не легко предвидеть ее конечные результаты.

Чрезвычайная сложность создавшейся в Италии обстановки усугубляется присутствием «некоей третьей силы». После разгрома партий и организаций, враждебных фашизму, так называемые «антифашисты» утратили всякую почву для «легальной борьбы» с режимом. Только католическая церковь сохранила свои общественные организации, группирующиеся вокруг Центра Католического Действия. Мало по малу «антифашистская оппозиция» осуществила свою глубокую инфильтрацию в недра церковных объединений, продолжая там вести политическую работу преимущественно среди молодежи. Покуда эта деятельность не выходила наружу, фашистская власть сохраняла некоторую свободу за католическими общественными организациями, но в последнее время «третья сила», подготовив достаточно почву для своего влияния, перешла к более активной оппозиции, пользуясь целой сетью существующих церковных союзов. В ответ на эту новую тактику фашисты ответили репрессиями, вызвавшими в свою очередь протесты Ватикана и т. д. В результате сферы равно чуждые и католицизму и фашизму способствуют обострению конфликта, стремясь использовать католическую общественность, как средство борьбы с фашистским строем. Конечно, в высшей степени переплетенные нити политических влияний не позволяют дать более конкретных определений реальных факторов итальянских событий; однако политический кризис, пережитый Италией в 1921-22 годах достаточно наглядно показал бессилие католической партии бороться с марксистской опасностью; нет данных предполагать, что церковная общественность способна создать нечто независимое в области социальной — не имея своей самостоятельной государственной идеологии, она неизбежно подпадет под влияние организованных сил «антифашизма».

Учитывая эти обстоятельства и невозможность использовать Ватикан в государственных целях, фашизм был вынужден еще более резко изменить свою политику по отношению к церкви.

Фашистская директория опубликовала 14-го июля свою

декларацию — ответ на последнюю энциклику; этот документ гласит:

«Фашистская Директория горячо протестует против заявления недавней папской энциклики, согласно которой присяга Черных Рубашек приносится за хлеб, карьеру и жизнь. Черные Рубашки доказали, что они способны жертвовать хлебом, карьерой и даже жизнью, когда это нужно для родины и фашистской революции. Это обвинение кроет в себе острое оскорбление, которым хотят унизить их жизнь и без того отягощенную жертвами. Фашистская партия не является партией подобной другим, прошлым и настоящим, но организацией боевой, имеющей воинские цели, совершившей революцию и являющейся носительницей высокого долга ее защиты против кого-бы то ни было.

Директория фашистской партии, опираясь на факты, с негодованием отклоняет утверждения, содержащиеся в последнем призыве к иностранной партии Ватикана, согласно которому франк-масоны проникли в первые ряды партии. Поведение партии в этом вопросе было и есть вполне определенное: — общеизвестно, что священник Стурцо эмигрировал в Лондон и что великий мастер масонства находится в тюрьме на островах. Директория Фашизма стоит на страже, дабы воспрепятствовать остаткам демо-масонов и либералов, какими бы-то ни было путями, снова взять в свои руки какое-бы то ни было движение, хотя бы и вне рамок режима находящегося.

Но, подтвердим это, Директория Фашизма констатирует неслыханный союз, фатально заключенный между Ватиканом и масонством, связанными в настоящее время общей враждебностью к фашистскому Государству».

Подобная декларация свидетельствует о напряженности фашистско-католических взаимоотношений; при создавшейся обстановке трудно ожидать примирения между церковью и государством в Италии. И если первые эксцессы, отчасти, были вызваны желанием фашистской партии подчеркнуть свою идеологическую независимость от католичества, без намерения нарушить условия латеранского конкордата, то дальнейшие события показали нежелание Ватикана придать забвению, в сущности незначительные, инциденты.

Борьба эта указывает на жизненную несовместимость двух абсолютных идеологических авторитетов в едином человеческом обществе. Государство, не опирающееся на определенную религиозно-социальную доктрину, — беспомощно в своей борьбе с церковью. Но и церковь не в состоянии обеспечить все социальные функции государственной жизни. Опыты чистых теократий были большей частью неудачны и сравнительно не долговременны (парагвайские редукции иезуитов). Потерпев неудачу в своей попытке использовать католицизм, как национальную религию, фашизм логически придет к необходимости противопоставить влиянию Ватикана некую своеобразную религиозно-социальную идеологию, за неимением которой он не сможет выполнить взятую им на себя роль национальной религии; католическая церковь подчеркивает со своей стороны свой традиционный универсализм и новые трения между Ватиканом и Квириналом несомненно будут способствовать упрочению международного престижа первого. Папа «пленник в Риме» всегда будет пользоваться большим духовным авторитетом, чем Папа — «первосвященник Италии».

Идеократическое общество, озаренное внутренним религиозным светом, повидимому, призвано заменить «аполитическую внешнюю церковь» и «арелигиозное государство». Только Идеоправство сможет совместить в одном организме все религиозно-социальные функции общественной жизни. Будущее принадлежит Христианству, но не какому-либо отдельному вероисповеданию, а Христианству новому, раскрытому в плане социальном, совмещающему в себе всю стройную иерархию духовных ценностей человеческой культуры, способному одухотворить общественную жизнь, озарить лучем света Высших Миров страждущее человечество и дать ему верный общий путь к социальному **преображению.**

Н. Ладов

ИСКАНИЕ НОВОГО МИРОСОЗЕРЦАНИЯ

(НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ ТЕЧЕНИЯ В СССР)

В нашем распоряжении имеется обширный материал, состоящий из различных рукописных «изданий» подпольной внутри-российской литературы, в которых отразилась пореволюционная мысль авторов на нашей родине за последние годы. Конечно, даже и этот обширный матерьял весьма случаен и не отражает ни полноты общественного мнения, ни его динамики. Тем не менее он должен быть интересен хотя бы уже потому, что рукописи эти **из России** и что принадлежат они авторам не объединенным какой-либо общей партийной платформой. Кроме того они весьма характерны для представителей **новой** некоммунистической молодежи, как по настроению, так и по охвату проблем, составляющих предмет утверждений. Имеющийся материал принадлежит целому ряду авторов и по своей религиозно-общественной установке может быть подразделен на три основные части: 1) высказывания т. н. «церковников», то-есть отражающие мнение церковно-православной интеллигенции; 2) положения различных мистических внецерковных сект и группировок и 3) утверждения, пытающиеся обосновать церковное сознание по новому и иначе, чем церковники. Социальные доктрины первой группы едва ли представляют какой-либо интерес для нашего читателя, ибо высказывания церковников почти вовсе не отражают пореволюционности в смысле переоценки многих положений до-революционной официальной церкви. Церковнические произведения отличаются все той же отвлеченностью мысли, которая была свойственна им во все времена. Так и нынешние авторы пишут часто о вполне актуальных вещах, как если бы никакой революции вовсе и не было. И несмотря на то, что революция переживается ими очень сознательно, как искупление греха, каких-либо выводов отсюда,

в социальном плане почти не видно. Церковническая мысль, мудрая и зоркая во всем, что касается души человека, больна все тем же неразличением добра и зла в социальной жизни. Вот почему здесь представлены выдержки из трудов только «нео-церковников» и «вне-церковников». При этом недостаток места позволяет остановиться лишь на утверждениях «нео-церковников», а положения «вне-церковников», тоже однако стоящих на основах христианства, будут даны в одной из следующих книжек нашего журнала.

Что касается авторов научно-позитивного сознания и в частности материалистов, то среди них в еще большей степени господствует до-революционное настроение; к тому же в творческом отношении их общественная мысль ныне весьма бесплодна.

Правда, представленные здесь утверждения тоже не отличаются большою конкретностью и внешне также как будто не исходят из дореволюционности и революционности, как из тезиса и антитезиса, но при более внимательном отношении к их внутренним предпосылкам — их синтетическая по-революционность становится, по моему мнению, несомненной. Впрочем, предоставляю судить об этом самому читателю.

Имеющиеся в нашем распоряжении матерьялы, из коих сделаны выдержки, весьма разнообразны: это переписанные на машинке журналы, рукописи отдельных авторов, целые архивы, наконец, записи курсов, лекций и докладов, читанных в подпольных семинарах и т. д. В данной книжке приведены голые тезисы, принадлежащие представителям двух религиозно-общественных течений «нео-церковнического» направления или, как они сами себя называют, направления «народно-церковнического», отгораживаясь от оффициального, «господского» православия. Первые представляют собою сводку нескольких докладов на различные темы о русской культуре, с которыми в 1927 году один молодой человек выступал на одном из московских тайных семинаров. Миросозерцание автора этих тезисов сложилось под сильным влиянием первых сочинений Н. А. Бердяева и целый ряд тезисов представляют собою, кажется, едва-ли не дословные цитаты из книг «Смысл творчества», «Новое религиозно-общественное сознание», «Судьба России» и других

произведений того-же автора. Отсутствие под рукой этих сочинений не позволяет мне исправить небрежность переписчика, нигде не поставившего ковычек, — небрежность кстати простительную, ибо условия для подпольной кружковой работы в СССР очень не благоприятствуют традиционным университетским методам семинарской работы.

Второе течение представлено здесь в форме чрезвычайно сжатой компиляции ряда рукописных трудов различных авторов, объединенных на почве единого миросозерцания и составляющих как бы цельное учение о **синакратии.** Учение это имеет не только философское, но и религиозное обоснование, распространяясь кроме того на проблемы права, экономики и реальной политики. До некоторой степени учение это является достоянием **организованного** коллектива, ибо оно весьма популярно в одной из наиболее распространенных в СССР тайных организаций орденского типа, известной под именем **Братства Светлого Города.** Тем не менее учение о синакратии, представленное здесь (имеется под тем же названием еще другое учение, о котором в следующий раз) не есть какая либо **партийная** догма, облеченная в партийную программу и охраняемая каким-либо руководящим авторитетным органом при помощи т. н. партийной дисциплины. Насколько мне известно, учение это связано с названной организацией лишь постольку, поскольку все авторы книг о различных проблемах синакратии принадлежат к кругу «странников» «Братства Светлого Города», а главное. еще и потому, что дух «Братства» и его религиозные устремления целиком проникают собою всю социальную доктрину о синакратии.

Некоторые отдельные утверждения, здесь приводимые, могут эмигрантского читателя шокировать, другие — возмутить. Трудно отсюда понять многое, там происходящее; но изучать — необходимо.

Наш журнал не считает себя в праве применять какую-либо форму «цензуры» к документам, идущим из России: от применения такой меры матерьял только потерял бы значительную долю своей ценности и интереса.

М. Артемьев

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

1. Наше историческое сознание переживает духовный переворот, характеризующийся, как переход от социологического миропонимания к мироощущению космическому.

«Социологическое мироощущение означает социальную ориентацию жизни подчиняющую себе все другие оценки. Все ценности ставятся в социальную перспективу и человеческая общественность выделяется из жизни космической, из мирового целого, и ощущается, как целое замкнутое и самодовлеющее. Будущее мира определяется лишь силами, лежащими на самой поверхности ограниченного куска земли».

«Космическое мироощущение верит, что человек космическое существо, а не обыватель поверхностной общественности на поверхности земли, что он находится в общении с миром глубины и с миром высоты.

Зло общественное связано со злом космическим. Космическая общественность вступает в единение с мировым целым, с мировыми энергиями».

«Космическое мироощущение приводит к сознанию бытия, как сложному взаимодействию разных ступеней мировой иерархии индивидуальностей, от личности — къ Богу».

2. Переход к космическому мироощущению знаменует собою переход от частного взгляда на жизнь к взгляду историческому.

«Частная точка зрения есть точка зрения личной или семейной жизни, блага и счастья людей или их страдания и несчастия. Благо человека, отсутствие страдания — выше ценности человека, выше чести и достоинства человека. Это исключительное внимание к судьбе отдельного человека оказывается призрачным, так как оно разлагает человека, отвергает реальность души человека, всегда связанной с бесконечной

глубиной бытия мирового. Частное мироощущение антирелигиозно по своей природе».

«Историческая точка зрения есть точка зрения сверхличная, мировая точка зрения ценности национальности, исторических задач, исторической судьбы народов, всего человечества. Историческое, мировое — раскрывает личность, дает движение. Исторический человек, национальный, принадлежащий к тому или иному типу культуры, есть конкретный человек, а не отвлеченная машина, подсчитывающая свои блага и несчастья».

«Историческое чувство в человеке принимает форму глубоко индивидуальных инстинктов, индивидуальной любви к своей национальности, к национальному типу культуры, к конкретным историческим задачам. Оно свойственно более углубленному, более религиозному сознанию».

3. Историческая точка зрения приводит к Шпенглеровской концепции мира как истории, понимаемого и созерцаемого в виде противоположности миру, как природе.

«Помимо необходимой связи причины и действия (логика пространства) в жизни есть еще органическая необходимость судьбы (логика времени)». «История есть образ, посредством которого человек стремится понять живое бытие мира в отношении к своей собственной жизни и тем самым сообщить ему более глубокую действительность». «Культуры суть организмы. История культур — их биографии».

4. Весь мировой путь бытия есть сложное взаимодействие разных ступеней мировой иерархии индивидуальностей, творческое вростание одной иерархии в другую: человека в общество, общества в человечество, человечества в космос, космоса во вселенную, вселенной в бесконечность, бесконечности в Бога.

«Всемирная история человечества есть бесконечный ряд биографий всевозможных организмов различных ступеней иерархии индивидуального бытия в их разных планах существования. Каждая такая биография есть линия от жизни к смерти. Эта линия есть равнодействующая двух направлений: 1) вверх к Богу по ступеням планов существования (или вниз к Дьяволу по ступеням тех же планов) и 2) в сторону, вширь по органическому пути космических степеней в пределах космоса от человека до человечества».

5. Смысл и назначение всякой индивидуальности заключается в преодолении своего плана бытия (движение вверх или линия творчества) и во внедрении в следующую степень иерархии индивидуальностей (движение вширь или линия морали).

«В творчестве человек может преодолеть себя для нового мистического рождения и в самом себе — в человеке — раскрыть свою личность, а в личности раскрыть индивидуальность.

Подобно этому, семейно-родовое образование человеческого коллектива может преодолеть себя в национальном бытии для нового мистического рождения и в самом себе — в коллективе — раскрыть свою национальную личность, нацию, т. е. органическое образование, соборную личность, а в дальнейшем, путем новых волевых достижений, раскрывать в себе свои основные идеи, свой стиль, свои духовные силы и таким образом утверждать себя, как культуру.

Наряду с этим поступательным движением вверх индивидуальность может расти вширь, расширяя горизонт своего духовного воздействия путем приобщения к различным «духам сообщества» и перенося свое бытие последовательно из частной жизни в жизнь общественную и в жизнь историческую».

6. Между индивидуальностью и личностью такое же отношение, как между личностью и индивидуумом (организмом). Индивидуальность и личность — два плана бытия для одного и того же существа: духовный и душевный.

«Индивидуальность есть идея и стиль личности. Личность есть чувственное явление индивидуальности в области психической жизни. Индивидуальность есть внутренняя возможность личности. Личность есть выполненное осуществление индивидуальности. Индивидуальность есть душа личности (и дух индивидуума). Личность есть тело индивидуальности, т.-е. выражение души въ области протяженного и ставшего, как индивидуум есть тело личности».

7. Между культурою и национальностью такое же отношение, как между индивидуальностью и личностью. Национальность и культура — два плана индивидуального бытия: душевный и духовный.

«Культура есть идея и стиль национальности. Националь-

ность есть чувственное явление культуры в образе истории. Культура есть внутренняя возможность национальности. Национальность есть выполненное осуществление культуры. Культура есть душа национальности (и дух семейно-родового образования). Национальность есть тело культуры, т.-е. выражение культуры в области протяженного и ставшего, как семейно-родовое образование есть тело национальности. Культура — индивидуальность. Национальность — личность. Семейно-родовое образование — индивидуум».

8. Национальность — сложное историческое образование, она формируется в результате смешения рас и племен, многих перераспределений земель, с которыми она связывает свою судьбу, и духовно-культурного процесса, созидающего ее неповторимый лик.

«Национальность есть бытийственная индивидуальность, одна из иерархических ступеней бытия, другая ступень, другой круг, чем индивидуальность человека или чем индивидуальность человечества, как некоей соборной личности.

Национальность таинственна, мистична, иррациональна, как и всякое индивидуальное бытие. Природа национальности неопределима ни по каким рационально уловимым признакам».

9. Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человечоская, т.-е. национальна, индивидуально-народна и лишь в таком своем качестве восходит до общечеловечности.

«Национальность есть индивидуальное бытие, вне которого невозмсжно существование человечества.

Человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек.

Человечество раскрывает себя лишь в национальностях. Денационализация, проникнутая идеей интернациональной Европы, интернациональной цивилизации, интернационального человечества — есть пустота и небытие.

Вся жизнь наша должна быть ориентирована на конкретные идеи нации и личности, а не на абстрактные идеи класса и космополитического человечества. Судьба России бесконечно дороже судьбы классов и партий, доктрин и учений».

10. Человечество есть живой соборный организм, воплотивший в себе тот «дух сообщества», который может объединить все человечество в едином братском содружестве. Как и все организмы, человечество рождается, растет, умирает, имеет свое жизненное назначение и судьбу и проявляется в разных планах своего бытия.

«В физическом плане человечество проявляется как община, братство, содружество, церковь, словом, как всякое **согласие**, каковое может быть названо органической клеточкой человечества.

В душевном плане человечество есть согласие международное, каковым может быть только **вселенская церковь.** Подобно тому, как душою т. н. общества является национальность, или народ, так и душа человечества есть согласие согласий — вселенская церковь, соединение всех церквей.

Но идея вселенской церкви есть Тело Господне, то-есть Христос, Мессия, Спаситель рода человеческого. Поэтому сверхкультура, духовный план человечества, дух человечества есть преображение Земли, преображенное человечество».

11. Внедрение **общественного** организма в организм **всечеловеческий,** поскольку оно происходит в духовном плане, есть мессианский процесс, мессианизм, ибо это есть приобщение культуры общества к сверхкультуре человечества, или иначе — воплощение Спасителя рода человеческого в культурных формах того или иного «богоносного» народа.

«Национализм в своем положительном утверждении, в моменты исключительного духовного подъема, переливается в мессианизм. Мессианизм мыслим лишь на религиозной почве и обосновать его можно лишь мистически. Мессианизм относится к национализму, как второе рождение к первому природному рождению.

Мессианская идея — вселенская идея, она определяется силой жертвенного духа народа, его исключительной вдохновенностью, царством не от мира сего, она не может притязать на внешнюю власть над миром и не может претендовать, чтобы даровать народу **земное** блаженство, ибо всекультура есть преображение, новая земля и новое небо».

12. Религия есть становой хребет национального орга-

низма. Она есть основная идея национальности, следовательно, первофеномен культуры.

«Без религии национальность теряет свое индивидуальное лицо и расплывается в безличных бесстильных образах, а культура вступает в период своей цивилизации, т. е. костенеет».

13. Культура, подобно всякой другой индивидуальности, всегда или мужественна или женственна. В зависимости от этого различны призвания разных культур.

«Египет, Античность, Германизм — мужественные культуры. Индия, Израиль, Россия — женственные культуры».

«Мужественные культуры утверждают свою индивидуальность в творческом раскрытии своих потенциальных духовных ценностей. Пафос их творчества: героизм, активность и честь. Женственные культуры имеют свое самостоятельное индивидуальное призвание, свое высокое назначение, — воплотить в мир вечную женственность, то-есть одну из сторон божественной природы и этим путем вести мир к любовной гармонии, к красоте и свободе. Пафос творчества женственных культур — подвижничество, терпение и святость».

14. Судьбы культуры зависят от ее призвания, от ее действенного (творческого) пути.

«Жизнь, судьба и назначение всякой культуры, как сложной индивидуальности, ничем не отличается от жизни, назначения и судьбы простой индивидуальности, которая представляет собою творческое устремление к Богу путем преодоления пола и утверждения муже-девственного начала (андрогина), как богоподобия человека и его сверхприродного восхождения. Но преодоление пола есть утверждение пола в любви, а не отрицание сексуальной природы человека в половом инстинкте».

15. Мессианская идея нации означает любовь культуры, томление ее пола, жажду преодолеть в тайне любви трагический разрыв полов и в этом смысле она достигает в мистическом слиянии высшего содержания жизни, окончательной полноты бытия и совершенной индивидуальности.

«Мессианизм или любовь мужественной национальности заключается в служении собою всему человечеству, в идее рыцарского служения Прекрасной Даме, — Мистической Церкви Христовой, в раскрытии в себе идеи вселенской церкви, души

земной и через такое приобщение к женственности утвердить в себе муже-женственное начало (андрогин).

Мессианизм или любовь женственной национальности заключается в спасении всего человечества через самопожертвование, в идее действенного осуществления апокалиптического спасения от Антихриста, в раскрытии в себе Христа путем мужественной жертвы своими земными благами и через такое приобщение к мужественному — утвердить в себе муже-женственное начало».

Во второй части тезисов, за недостатком места здесь опускаемой, автор дает физиогномику и прогноз **русской культуры**, применительно к вышеизложенному учению о культуре. Считая русскую современность за черный, ведущий к Антихристу «мессианизм» навыворот, автор все же полагает, что этот яростный и исключительный «мессианизм», переходящий в отрицание всякого национализма, может быть преодолен и переключен в светлый и духовный мессианизм, ибо современный русский человек уже жертвенно отдал себя на служение делу избавления всех народов и поэтому он неизбежно явит собою образ всечеловека.

Автор кончает свои тезисы следующими словами:

«Религиозное, христианское отношение к жизни должно жертвенно принять смерть старой России, старой ее плоти во имя воскресения России к новой жизни. Глубина христианства в том, чтобы понять и принять извнутри всю жизнь, как мистерию Голгофы и Воскресения. И вся плоть мира должна пройти через распятие, через раздирание и смерть. Эта смерть — к жизни. Большевизм может стать для России такой Голгофой с последующим Воскресением. Он будет смертью русской культуры, если последняя не выйдет из своего пассивного женственного состояния на путь андрогинного творчества в духе Христа».

М. А.

УЧЕНИЕ О СИНАКРАТИИ

I. ОБЩИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ УСТАНОВКИ

1. Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

2 Предстоящая эпоха — эпоха раскрытия христианства в Духе истины (Иоан. XIV 16-17; 26; XV, 26; XVI, 1-15).

3. Кризис христианства обнаруживается в бессилии человечества раскрыть Отца и Сына в **общественных формах** (Иоан. XVI, 2-3); именно здесь живет неутолимая потребность в **утешении**, именно здесь громко вопиет о себе страдание, как призыв к верхам.

4. Христианство Третьего Завета (Утешителя-Параклета) есть религия **социального культа** (Иоан. XV, 13-15), религия **жертвенного служения** ближнему на основе заповеди: «да любите друг друга» (Иоан. XV, 17).

5. Христианство Третьего Завета есть выход из религии **личности** (душевнаго благочестия) в религию **индивидуальности** (духовного достоинства, чести), из **рабской покорности** Господину в **любовное общение** с Отцом, как с Другом через Христа (Иоан. XV, 15).

6. Причастность к христианству в Духе Истины есть новая духовная культура, а творчество ее форм и борьба за нее есть исповедничество Христа в Духе Истины.

7. Борьба за духовную культуру предполагает участие в борьбе **социальной** за те религиозно-общественные **идеи**, которые в наибольшей степени и наилучшим образом **воплощают в общественных формах** Дух Истины.

8. Воплощение Духа Истины в общественных формах теснейшим образом связано с установлением в **исторической жизни** высших ценностей иерархии космического и сверхкосмического бытия: идеи Свободы, идеи Любви, идеи Мудрости, идеи

Справедливости, идеи Красоты и других живых проявлений Духа Истины в Его Божественной Полноте (Иоан. XVI, 13).

9. Творчество и борьба за указанные в п. 8-ом идеи означают: а) приобщение к их **Имени** и б) внедрение в космическое сознание для претворения духовных сил индивидуального человека в силы соборного организма.

10. Внедрение в космическое сознание предполагает участие, причастие к внутренней мистической жизни того таинственного организма, который в сознании одних может представляться как Вселенская Церковь, а в сознании других как Святой Грааль, который обеспечивает при-частникам **Первоисточник благодати** для укрепления их **силы, мудрости** и **воли.**

II. КОНКРЕТНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ.

А. Утверждения.

11. Преодоление представления об истории, как хроникс событий, несущих в себе борьбу частных интересов; преодоление рокового представления об истории, как о процессе, основанном на причинной и механической связи событий; установление в истории **смысловой и целевой** связи событий, как **проэкции космической** жизни иных миров — высших и нисших.

12. Преодоление гомоцентрического сознания в истории и признание связи и зависимости (волевой и кармической) человека от жизни космической; обнаружение космических и сверхкосмических сил, воплотившихся в исторических общественных формах; необходимость **назвать** эти силы **по именам** («имяславие»), указать их роль на исторической арене и призвать людей **приобщиться к одним и отречься от других** (культ социальной религии).

13. В области права: установление: 1) принципа **аксиологического** разграничения прав и обязанностей, соответственно иерархии духовных ценностей. Каждой ценностной категории людей соответствовать должны определенные обязанности, вытекающие из духовных сил и возможностей этих людей; 2) примата обязанности над правом: право есть функция обязанности,

а не наоборот (принцип «служения»); 3) принципа **относительности и непринудительности** юридических норм — право есть **техника социальных отношений** («поваренная книга»). Такое рекомендуемое право становится правом действующим постольку, поскольку **конкретные** люди выбирают для себя те или иные **конкретные же** пути **согласия.**

14. В области социальной политики: борьба за органическую структуру общества, перестройка его механической классовой структуры в **органическую («кастовую»)** структуру на основе иерархии духовных типов людей и способности **служения** их различным ценностным категориям.

15. В основу «кастового» деления общества кладется не социально-экономический интерес (классовый принцип) и не легитимистический признак (сословный принцип), а **достоинства и призвания человека.** Этим осуществляется **органическая** связь труда (профессии) с иерархией духовных ценностей и достигается подлинная **свобода труда.** *)

16. В области социального идеала: в соответствии с принципом аксиологического права и с органической структурой общества возникает задача организации общества на началах подлинной **пневмократии,** которая есть один из видов **синакратии** (вернее — **синтекратии**): диктатура — тезис, демократия — антитезис и власть достойных (богопризванных) — синтез.

17. Сочетание жертвенного служения (п. 4), как защиты слабых, униженных и оскорбленных, с началом индивидуальности, как духовного достоинства и чести (п. 5.) составляет **идеал рыцарства.** Пневмократия есть власть **аскетического** рыцарства, стоящего на страже общества для ограждения духовных ценностей его от **власти** над ними плотского интереса.

Б. Преодоление препятствий

18. Все конкретные исторические задачи сводятся к борьбе за пневматологическую социальную доктрину (пп. 11-17), поэтому главным препятствием к осуществлению ее является

*) Вопрос о кастовой структуре общества занимает центральное место в капитальных трудах подпольной рукописной литературы и освещению его должна быть посвящена специальная статья. — **М. А.**

психизм; он олицетворяет собою стихию, в коей в общественных формах воплощены силы организованного зла.

19. **Организованное зло,** воплощенное в общественной жизни и проявляющееся сквозь призму психического сознания, имеет три главных аспекта: материализм или стихия эгоизма; властничество или стихия насилия; лицемерие и демагогия или стихия лжи. Эти **три ипостаси Сатаны** соответствуют трем искушениям Дьявола, которыми он соблазнял Христа: искушению хлебом, искушению властью и искушению чудом. Указанные три формы организованного зла (Сатанизм) суть непосредственные враги человечества, против них должна быть организована **рыцарская война** светлого воинства.

20. Историческая действительность знает две **современные** формы общественной жизни, в которых указанныя три ипостаси Сатаны воплощены полностью: **капитализм и коммунизм.** В обоих Сатанинская **«троица»** проявляется, как синтез эгоизма, насилия и лжи. В капитализме организующими центрами их являются: (финансовый) **капитал,** (классовое) **государство** и (внешняя) лже-**«церковь»,** как средоточие лицемерной буржуазной морали. В большевизме организующими центрами их являются: культ материализма, насильническое государство и советская «общественность». Таковы враги человечества в их конкретном историческом обличии.

21. Триединая сущность сатанинской «троицы» имеет и свое **непосредственное выражение,** как в душе человека, так и в душе соборного организма (в общественных формах). Сущность эта — **страх.** Страх божий («Ягвизм») есть первофеномен всякой темной религии. Страх это — трон Сатаны: на нем держится капитал, государство и «церковь». Бесстрашие есть высшая добродетель, первая заповедь рыцаря. Страх есть источник бесплодия, ибо для творчества необходимо дерзновение.

23. Сатана назван. Лик его обнаружен в общественных формах. Разоблачена его воля — властолюбие, обнажена душа его — ложь, выявлена природа его — эгоизм и насилие. Современное материалистическое государство — его тело, а биржа, — это сатанинское сердце, нагнетающее через банки золотую кровь денег во все уголки общества, приносящую повсюду слезы, печаль и страдание. Сорвана маска лицемерной буржу-

азной морали и за нею показалась кровавая морда зверя. Остается не разоблаченным лишь дух Сатаны. В **рационализме** искать его нужно. Он скрывается за **своими творениями** — за капитализмом и коммунизмом...

24. Капитализм и коммунизм суть порождения **иудаистического духа, а иудаизм есть цитадель психизма** во всех областях жизни (в религии, в философии, в науке, в искусстве, в политике и т. д.) В **психократии** заключается главное препятствие к осуществлению идеалов пневмократии и борьба с ней есть центральная задача всех живых сил.

25. Вся **видимая** история христианской эры проходит под знаком иудаизма: — Павел, Магомет и Маркс, как гигантские верстовые столбы, стоят на всем пути человеческой истории и три их религии — павлианство (т. н. «историческое христианство»), ислам и социализм заполонили и заполоняют всю историю человечества христианской эры. Духовное освобождение человечества от ига иудаизированных религиозных концепций есть выход на дорогу **вселенского спасения.**

26. Принимая во внимание, что расовый антисемитизм причиняет огромный вред борьбе с иудаизмом, следует обратить серьезное внимание на борьбу с ним и отмежеваться от тех, кто ведет борьбу с иудаизмом недостойными средствами.

III. ПОЛИТИКА

27. Политика определяется **призванием,** историческим опытом и волеустремленностью **к своей идее.**

28. Идея России запечатлена еще у восточных славян в их предощущениях христианства, — в их светлой и солнечной религии Дажьбога и Сварожича (Перунство — религия варяжских оккупантов). Идея эта заключается в господстве **духовного над материальным,** а в общественных формах воплощается как **безвластие** (ибо безвластие есть недопущение власти плоти над духом, то-есть негативная сторона той же идеи). Такова именно природа восточного славянства — анархического и мистериального.

29. Первое (византийское) «христианство» явилось продолжением и раскрытием варяжского Перунства (духовное род-

ство Перуна - Одина - Ягве) и не было религией восточных славян. Владимировское «христианство», насильно огнем и мечем насажденное, заслонило собою (для историков) свет солнечной религии аборигенов и своим властническим духом задержало развитие последней. Подлинное христианство приходит лишь на пол века позднее из Болгарии под названием т. н. «Богумильской» или «Болгарской» ереси, когда происходит **добровольное крещение народа** и преображение светлого Дажьбога в Отца Небесного, а кроткого Сварожича в Сына.

30. Весь **внутренний** исторический опыт России от времен варяжской оккупации до последних дней есть борьба двух христианств, подлинного, народного, своего и ложного, господского (оффициального), чужого. Русское народное православие есть религия странничества и духовной свободы. Оффициальное, господское православие отразилось в народе, как религия бытового исповедничества и рабской покорности (иудаистическое православие).

31. **Народное** православие восприняло через Богумильскую ересь **дуалистическую** (Маркионовскую) концепцию христианства*) и окрасило ярким цветом анархо-религиозной мысли все творчесство русской культуры. Это народное сознание лучше всего сказалось и запечатлелось в русском былинном эпосе, в особенности в былинах об Илье Муромце, о каликах перехожих, о скоморохах и в сказании о Светлом Граде Китеже, в знаменитой Книге Голубиной, в чудесной мистерии «Дивья Красота», и наконец, у калики-богумила XVIII века Сковороды, а также и в многочисленных анархо-религиозных сектах XIX века, до сих пор скрывающихся в приуральских лесах. Выражением неоффициального, народного православия являются также странничество и так называемое «старческое» движение, глубоко чуждое и враждебное церковной власти. Даже святые весьма часто при жизни своей считались врагами «церкви» за

---

*) Семитские (лунные) религии утверждают происхождение материального мира непосредственно от Бога, а о происхождении невидимого мира им ничего не известно. Поэтому им чужда проблема добра и зла, равно как и проблема преображения. Арийские (солнечные) религии, напротив, различают участие темной силы в создании видимого мира. — **М. А.**

их бунтарство и только после смерти их, когда они были уже не опасны, канонизировали оффициально (Антоний).

32. Наряду с борьбой двух религий идет на протяжении всей истории борьба двух идей в общественной жизни: властничества и безвластия. В социальном аспекте последнего времени борьба эта выражается в соперничестве социализма и анархизма. Первая идея иудейско-немецкая, вторая чисто русская (славянофилы, Бакунин, Толстой и Кропоткин). В глубоком религиозно-социальном смысле и Достоевский анархичен, заражен анархизмом и Бердяев, как апологет идеи свободы.

33. Восточно-славянская идея, зародившаяся еще в эпоху раннего религиозного анимизма, — (примат духовного начала над материальными интересами) — в христианском аспекте раскрылась как **идея социального Боговоплощения, идея о народе-Богоносце.** В этом — источник русских **мессианских** идей.

34. Русская мессианская идея может быть противопоставлена иудаистической лже-мессианской идее, ибо «мессия» последней должен явиться, чтобы закрепить за ним его мировое господство и рабство перед ним всего человечества. Между тем русский мессианизм во второй половине XIX века раскрылся как **жертвенное служение**, а может быть даже и гибель России **для спасения всего человечества.** Эта идея «Голгофы России» есть русская **мессианская** идея.

35. Под знаком миссианизма проходит вся русская революция. В этом ее онтологический смысл, ее **религиозное оправдание.** Задача положительной политики — **переключить динамику** революции в соответствии с русской исторической идеей.

СТАЛИН *)

... Пожалуй, ни один человек современности не привлекает к себе такого внимания, как этот сын тифлисского сапожника, готовившийся в священники, ставший правителем революционного государства.

Еще несколько лет назад он мало кому был известен. Сегодня он сидит — невидимый, недоступный, как подлинный восточный властитель — за толстыми стенами Кремля, и в его кулаке зажаты стошестьдесят миллионов человеческих жизней и одна шестая часть земли. Он, вероятно, самый мощный из всех властителей сегодняшнего мира. Нет страны, в которой государственная власть представляла бы собой такую безграничную силу, как в сталинской России. Государство там все, народ ничто. И в государстве сейчас пока все — это Сталин.

Его хотели бы знать и понимать вожди политики, капитаны промышленности и финансов старого Запада, — особенно сейчас, когда молот экономического кризиса тяжко бьет по взрыхленной войной и революциями почве мира, когда рушатся устои старого порядка, и то, что впереди, покрыто полной неизвестностью. Что несет с собой этот человек? Как долго судьба будет благоприятствовать его кажущимся фантастическими планам — и каковы будут эти планы завтра? Что нужно делать? Готовиться к бою или к капитуляции? Вооружать армии, организовывать экономическую блокаду — или заранее договариваться о заказах, о кредитах, о разделе рынков, политического и экономического влияния? Или ничего не делать, отдаться течению, сложить безнадежно усталые руки — и ждать, как неизбежного, кровавой бури, геологических потрясений на Западе?

С затаенным дыханием ловят каждое движение его руки

*) Настоящий отрывок был получен Редакцией за три месяца до выхода из печати книги под тем-же названием.

вожди и чиновники братских коммунистических партий, восточные генералы, самодержцы, народные трибуны и просто проходимцы всех мастей: из этой руки, так тяжело и властно упавшей на тело России, во все стороны сыплется золотой дождь субсидий, пособий, авансов. И в этой руке зажаты штыки многомиллионной, вооруженной до зубов армии, которая может внезапно вознести к власти тех, кто сегодня пресмыкается в подпольи.

Тысячи тысяч отчаявшихся в справедливости современного строя людей запада и востока готовы видеть в нем вождя, избавителя, пророка. Тысячи тысяч людей его собственной страны готовы поднять его, как знамя, и нести, и итти за ним куда угодно, на что угодно, только вперед, только на борьбу и на подвиги. И тысячи тысяч других людей, раззоренных и измученных его властью, с ужасом и ненавистью произносят его имя, как имя самого страшного тирана.

Одни готовы поднять его на недосягаемую высоту. Другие не могут найти слов, достаточно сильных, чтобы его заклеймить.

В его собственом окружении его почти никто не любит. Он правит страхом, а не привязанностью. Перед ним все дрожат.

А он, спокойный и неподвижный, с каменным лицом допотопной ящерицы, на котором живут и быстро двигаются только глаза, улавливающие каждое движение тела и души окружающих, — сидит в просторном и простом кабинете на Новой площади, в центре делового квартала Москвы. И обычно молчит. Предоставляет говорить и высказываться до конца другим. И только выслушав их до конца, уловив и тайные и явные мысли, он тихо, уверенно, не спеша отдаст приказание, продиктует резолюцию, от которых не редко кое что изменится в жизни миллионов. И при этом он будет улыбаться — всегда одной и той же неподвижной улыбкой. Впрочем, эта улыбка — только маска. Когда он один — маска сходит с лица. Лицо становится серым и мрачным, как тысячелетний камень. Он один знает правду о себе: знает, что он — обреченный человек.

Но это его не страшит. Недаром имя, унаследованное от предков, ничего никому не говорящее, он заменил другим, соответствующим его сущности: Сталин. Это значит — человек

из стали. Это значит — человек такой же твердый и такой же гибкий, как сталь. В своей жизни он не раз вынужден был сгибаться. Но не был согнут никогда. Всегда выпрямлялся — и, выпрямляясь, наносил противнику неожиданный и смертельный удар. Так будет, вероятно, до конца его дней: ни жизнь, ни люди его не согнут. Его можно только сломать.

... Он небольшого роста, плотный, мускулистый. Ему больше пятидесяти лет. Суровая жизнь, тяжелая работа износили и этот организм. Но он всетаки и сейчас еще крепче многих молодых. У него здоровая примитивная натура. Его предки жили простой жизнью, дышали чистым воздухом гор, не были отравлены ядом городской цивилизации, работали больше руками, чем мозгом. У него вместо нервов и сейчас еще воловьи жилы. Правда, лицо покрыто уже морщинами, говорящими о большой и неустанной внутренней работе — и о том, что все, что происходит в этом человеке, постоянным напряжением воли сохраняется внутри, не выносится наружу. Цвет лица уже нездоровый: желтовато-бледный. Под глазами мешки. Но зато на голове над упрямым низким лбом — нетронутая временем густая шапка черных с проседью волос. Над твердым ртом густые черные усы, по восточному свешивающиеся вниз. Подбородок не потерял своей каменной крепости.

В наружности его нет ничего примечательного. Тысячи и тысячи подобных ему внешностью людей бродят по улицам и по проселкам Востока: торгуют фруктами, коврами, женщинами и скотом, погоняют верблюдов и ослов, работают в поле, разбойничают в горах, чистят сапоги. Ему недостает только обрамления восточной одежды: пестрого халата, кавказской черкески.

Одевается он до крайности просто. На нем почти всегда защитного цвета военная форма — без всяких, конечно, отличий. Последнее время, впрочем, он начал носить поддевку, напоминающую те, в каких ходили прежде купцы попроще и зажиточные крестьяне, а на голове картуз. «Лицом к деревне», что ли... И держится он просто. Всюду и везде старается оставаться немного в тени, за другими, не выпячивать себя на первый план. Это — не столько от природы, сколько жест, заученный у Ленина ...

Живет он просто, почти аскетически. Вот это уже от природы. Это то, что свойственно обычно большим честолюбцам, в которых все сосредоточено на одной цели: на власти, как таковой. Им некогда и не к чему растрачиваться на внешние блага, какие может дать власть.

Он живет в маленькой квартирке в Кремле. Прежде в этих двух комнатках жила какая нибудь прислуга, сторож, вероятно. Одна комната, побольше — столовая. Здесь прежде спал его старший — от первой жены — сын. Потом сын поступил в вуз, перешел в общежитие, — в обычное, грязное и тесное вузовское общежитие, где валялся сначала на полу, потом устроился немного лучше, но и сейчас живет, как все советские студенты — сильно нуждаясь, на скудное пособие. Но сын Сталина не должен иметь привилегий.

Другая комнатка — спальня. В ней помещается он сам, его нынешняя жена, тихая, незаметная, преданная ему молодая женщина, которую все зовут просто: Надя, и их ребенок. Вот и все.

Мебель простая, на окнах белые занавески. У окна в столовой — мягкое кресло. После обеда, иногда по вечерам, он сидит в этом кресле, курит трубку и думает, напряженно думает, морща лоб. О чем? Этого никто не знает. Дома он еще меньше говорит, чем на людях. Во время обеда — полная тишина. Только вилки и ножи стучат о тарелки, да звякает о стакан горлышко бутылки, когда он наливает себе вино. Он привык на Кавказе к вину. Это и трубка — его маленькая роскошь.

На дому у него почти никто не бывает. Редко-редко — по неотложному делу — зайдет кто нибудь из самых близких людей: Молотов, Микоян, Орджоникидзе. Кто нибудь, из старых кавказских друзей. Но всегда по делу, никогда — просто поболтать. Этого он не любит, на это нет времени. Да и дома он бывает очень мало. Дела не ждут. — И жена его мало с кем общается.

У дверей его квартиры всегда часовой: без особого разрешения никого не впускают.

Изредка его можно видеть в Большом театре: в опере или балете. Он сидит в боковой ложе партера — в «правительственной ложе» — всегда в глубине, сзади всех, невидимый пуб-

лике. Он любит музыку. Это, пожалуй, единственное его развлечение.

Иногда — последнее время все чаще — он уезжает на несколько дней в одно из загородных имений. Там так же много, как и в Москве, работает. Отдыхает в прогулках, за пианолой. Он любит движение — кавказская привычка. А когда ему впервые привезли пианолу, — он радовался, как ребенок. Изумительное изобретение. Не надо знать музыку — и можно тем не менее разыграть самую сложную вещь. Душа дикаря радуется. Он любит такие чудеса техники. И когда он сидит за пианолой и из под его крепких, грубоватых пальцев выходят любые звуки, те звуки, которые он поставил себе задачей извлечь, ему кажется, что он творит. Техника — великая вещь!...

— Почему, вероятно думает он, жизнь — не та же пианола?...

... Он родился в 1879 г. в Грузии, в городке Гори, Тифлисской губернии. Его семья — крестьяне села Диди-Лало той же губернии.

Под горячим солнцем Закавказья быстро рос и креп. Пас баранов, водил лошадей, стриг виноградник. В свободные часы карабкался по горам со стаей таких же, как он, бесстрашных оборванцев, командовал ими, был их вождем. Это были счастливые годы. Воспоминания о них — почти единственное, что и сейчас, в сегоднешней напряженной и мрачной его жизни, как солнечные пятна падает на душу, согревает ее, сгоняет с лица суровые складки, на минуту освещает его естественной, простой, почти детской улыбкой — и вызывает потребность рассмеяться, пошутить, — грубовато, но незлобиво.

... Потом он учился: сначала в Гори, в духовном училище, потом в Тифлисе, в православной духовной семинарии.

В дальнейшем должен был пасти людей — может быть в родном селе, либо в том же городке Гори. Жизнь была бы размеренная и ясная. Имел бы маленький дом, виноградник, стадо баранов, пугливую и тихую жену, кучу детей. Гортанным кавказским голосом читал бы молитвы, поучал людей, разбирал бы их несложные дела, ссыпал бы в глубокие карманы рясы

потные пятаки, пересчитывал бы кульки приношений. Работал бы до изнеможения в своем собственом поле. А вечером у окна тихо курил бы трубку перед стаканом мутного домашнего вина. Вероятно, отец мечтал для него именно о такой жизни, как о величайшем счастьи. И еслиб отец был жив, и все в том же селе, и сын приехал бы к нему, сегодня, в расцвете своей необыкновенной судьбы, — старый Джугашвили сказал бы то же, что писал как то отец-крестьянин Авелю Енукидзе, бессменному секретарю всесоюзного ЦИК-а:

— Бросай все, приезжай домой, садись за дело. Хозяйство разваливается, работать некому, а ты глупостями занимаешься. Дурак!

Осо Джугашвили рано разочаровал отца. Он не хотел быть православным священником. Судьба смиренного служителя религии не привлекала его. Рано начал он задумываться о жизни. Глаза у него были пытливые и широко раскрыты: он вбирал ими не только яркое солнце, синее небо, сочную зелень родной страны. Он видел нищету, рабство, согнутые спины, выжженные слезами глаза. Когда отец переехал в Тифлис и стал сапожником, сын помогал ему иногда в работе. И каждый раз, когда он брал в руки принесенную для починки обувь, она говорила ему то же, что улицы городов и простор полей. Он ставил рядом уродливый башмак бедняка и туфлю — игрушку с барской ноги —и видел перед собой всю контрастную жизнь изуродованного несправедливостью мира. Нет, он не хотел умерять елеем сладкой лжи гнев и скорбь обездоленных !

Но что другое оставалось ему? Под спокойной внешностью трепетала страстная душа: требовала действия, борьбы, подвига. Может быть уйти в горы и стать разбойником? Это тоже было почетным занятием на его родине. И в детских играх он не раз подражал героям родных гор, друзьям бедных, врагам богатых. Но это не было выходом для него. Под низким лбом ровными пластами лежал практический, уравновешенный мозг. Романтика прошлого была не для него. Так что же тогда? Куда итти? — Он рано начал читать — и много читал. Книги указали путь.

Он не стал ни священником, ни разбойником, но сочетал и

то и другое. Сочетал оба метода воздействия на людей: идейное убеждение и физическое насилие. Стал революционером.

В 1897 г. его исключают из духовной семинарии. В 1898 г. Сталин вступает в Тифлисскую организацию российской социалдемократической рабочей партии. В 1900 г. учреждается тифлисский комитет партии. Сталин становится его членом, а вскоре и одним из руководителей. В этом периоде он встречается с одним из друзей и приверженцев Ленина, Курнатовским, играющим большую роль в революционном движении Закавказья. Курнатовский знакомит Сталина с идеями Ленина. Вскоре Сталин крепко примыкает к Ленину — и становится уже на всю жизнь священником — воином его религии: якобинского марксизма, русского коммунизма, ленинизма.

... Не ищите в Париже улицы Робеспьера: ее нет. Это имя до сих пор под запретом. Правда, и именем Бонапарта в Париже названа одна из небольших улиц, затерявшихся за Сеной. Но на дворцах нации еще сохранились орлы империи, в судах живет еще кодекс Наполеона, в учреждениях — созданная им система. Каждый шаг по Парижу напоминает его дела и победы. В Париже, как национальная святыня, его прах.

Не было бы Робеспьера — не было б Наполеона. На почве, подготовленной одним, другой построил здание нового мира.

С. Дмитриевский.

РОССИЯ И ЭМИГРАЦИЯ

1.

Борьба с большевиками была начата военными. Большевики **разрушали армию.** Надо было бороться за боеспособность ее. Пора эмиграции признать, что красная армия дисциплинирована, вооружена и что власть всячески заинтересована в ее боеспособности. Всякая попытка подорвать теперешнюю дисциплину в красной армии является преступлением против силы и крепости нашей Родины. От этого рода борьбы следует отказаться, ибо ослабление армии и было именно тем, против чего и создался белый фронт.

Вторым обвинением против большевиков было **разрушение народного хозяйства.** В настоящее время мы присутствуем при огромном росте производства и укреплении хозяйственной мощи советов. Если три года назад «пятилетка» вызывала лишь смех и издевательства эмигрантских и буржуазных экономистов, то теперь даже последний бюллетень эмигрантских промышленников прямо говорит о возможности ее осуществления в ряде областей. Налицо и факты: добыча нефти и чугуна дают все основания предполагать, что в текущем году по этим отраслям пятилетка будет уже выполнена.

Не пора ли отказаться от взгляда на большевиков, как на раззорителей народного хозяйства? Эмигрантская печать всегда следовала за европейским общественным мнением. Предстоит серьезный перелом. Иностранцы констатируют наличие хозяйственного успеха. Борьба против советов принимает характер чисто экономической борьбы. Коммунистической пропаганды уже не боятся, боятся **хозяйственной мощи России.** Боятся неожиданного конкурента. Довоенная Россия была рынком для

иностранной промышленности. Теперь Европа под угрозой стать рынком для русской промышленности.

Не доказывает ли современность ошибочность одного постоянного довода против социализма: человек **не станет работать на государство также добросовестно, как на себя?** Не наша ли эмигрантская печать во время последних процессов против вредителей всячески доказывала, что спецы в СССР работают на совесть?.. Значит социализм возможен. Нам военным особенно хорошо известно, что в границах самых строгих уставов и расписаний можно найти возможность применить широкую «личную инициативу». Разве военный служит и жертвует собою ради материальной выгоды?

Радуются эмигранты при каждой неудаче пятилетки. Но разве где-нибудь и когда нибудь даже при постройке самого небольшого здания случалось, чтобы все совпадало с проектом? В 99 случаях из 100 в буржуазных странах при всяком строительстве происходит перерасход и превышение сметы. Между тем в выполнении пятилетки невязки в первые годы были совершенно ничтожны — всего несколько процентов в одних областях при значительном успехе в других.

Третьим обвинением против большевиков была **пропаганда** революции. Трата народных денег для субсидий иностранным компартиям. В настоящее время эти субсидии доведены до минимума. Пока красная армия была слаба, военные интересы страны требовали подкрепления пропагандой. Миллионы рублей тратились на поддержание всяких возможных революций в Германии, Болгарии, Англии, Франции и т. д. Теперь даже очередные «красные дни» почти не субсидируются. **Скандальная для капитализма мировая безработица** не отвлекает внимания коммунистов от строительства и именно отсутствием поддержки со стороны СССР только и можно объяснить пассивность масс безработных в Европе.

Четвертым обвинением была **безработица.** Большевики справились с ней. В то время как в буржуазном мире «рационализм» требует увольнения с заводов лишних рабочих и передачи попечения о них государству — большевики перебрасывают освободившиеся от рационализации кадры на многочисленные участки строительного фронта. Огромный и ненасытный спрос

на труд для пятилетки фактически уничтожил безработицу. В капиталистических странах работа стала привилегией избранных рабочих. Лишним предоставляется кончать с собой или голодать. Правда, вместо лишних у большевиков лишенцы, лишенные права на труд, но фактически все они так или иначе кормятся, промышляя частным образом на задворках той же пятилетки.

Может ли эмиграция отказаться от этих устаревших обвинений? Да, может, притом продолжая отрицать идеологию большевиков. Ведь как ни протестовали в свое время против Брестского и Рижского мира все же теперь всякий политический эмигрант начинает с того, что признает нынешние границы России. Границы, проведенные советами—факты, признаваемые всеми. Почему же нельзя признать некоторые факты и в других областях? Ведь не о признании-же ГПУ идет речь? Признают же противники ВКП федеративное начало, ликвидацию земельной собственности и помещиков и др. реформы советов. Всякая новая власть должна будет продолжать то, что начато и сделано пятилеткой.

Пора осознать, что наша сила не в обвинении большевиков в том или ином их грехе против России, а в **утверждениях**, в сознании и обосновании **положительных, творческих идей.**

II.

Наши народники проповедывали идею, что **«земля ничья — Божья»** — поэтому ее нужно передать трудящимся на ней крестьянам. Но ведь в таком случае и недра земли тоже ничьи — Божьи. Почему же пользование недрами земли надо оставлять промышленникам-собственникам? В последние десятилетия механизация сельского хозяйства значительно прогрессировала и нет уже никаких данных утверждать, что мелкое единоличное хозяйство продуктивнее крупного.

Крупное хозяйство продуктивнее мелкого и частное хозяйство лучше государственного, таково господствующее мнение экономистов. И действительно в России крупное помещичье хозяйство было значительно продуктивнее мелкого крестьянско-

го. В таком случае те, кто заботились о хозяйственных интересах страны, должны были казалось утверждать, что «радикальная и рациональная революция» должна была не разорять страну разделом земли между крестьянами, а наоборот стремиться сосредоточить всю землю в руках крупных хозяйственных спецов — помещиков. Не разорять страну отнятием земли у помещиков для передачи малоземельным крестьянам, а наоборот обогатить страну отнятием земли у крестьян для передачи помещикам.

Военно-служилый класс дворян-помещиков в России появился недавно. Вряд ли кто-нибудь может доказать, что его имение принадлежит роду свыше двухсот лет. Власть не могла справляться с задачей организации, воспитания, просвещения и управления крестьянскими массами и передавала эти обязанности заслуженным представителям военного первенствующего сословия. Это первенствующее дворянское сословие не справилось с задачей и вообразило, что крестьяне и земля их священная собственность и служат им для удовлетворения личных прихотей и интересов, без всяких обязанностей.

На смену обанкротившемуся дворянству пришла новая передовая выдвиженческая интеллигенция, вышедшая из недр самого народа. Она принялась за дело, которое не захотели и не сумели понять дворяне. Формально водительство ее имеет сходство с военно-феодальным строем, но фактически оно является иным. Достаточно провести параллель между заведующим совхозом и помещиком. Заведующий совхозом имеет большие обязанности и очень мало прав. Его хозяйственная и организаторская деятельность должна преследовать исключительно интересы государства, а не личные, как это было при помещичьем укладе. Помещик имел все права — и никаких обязанностей.

Эмигранты делают **ставку на крестьян,** разоренных коммунистами. Не удивительно ли, что крестьяне, проявившие столько активности в начале революции, спасовали теперь? Не напоминает ли их пассивность пассивность помещиков в период ликвидации крепостного права и в особенности в начале революции? Тут, вероятно, психологическое явление. Как помещики чувствовали, что владение землей порочно и что какая то прав-

да есть в самом факте отнятия этой земли, так и крестьяне вероятно сознают, что правда в коллективизации и в совхозах.

Но даже если этого сознания и нет, все равно поздно говорить о возможности возвращения земли крестьянам-собственникам. Они подвергались участи помещиков. Кто умрет, кто погибнет в ссылке, кто убежит, кто переменит ремесло... Время пройдет. Старые крестьяне, как и старые помещики, потеряв связь с землей — потеряют всякую силу. Молодые потомки помещиков приспособились к новым профессиям. Молодые потомки крестьян пролетаризируются и также приспособятся к новым условиям. И те и другие даже при самых благоприятных и чудесных обстоятельствах не в состоянии будут вернуться к сельскому хозяйству. Предположив чудо реституции, придется признать исключительную трудность восстановления крестьянского хозяйства. Все межи и чрезполосицы стерты. Хутора ликвидированы. Постепенно колхозы и совхозы приобретают характер крупных ферм с общими большими конюшнями, амбарами и пр. постройками. Не только бывшие земельные участки, но и хозяйственные постройки не оставят следа.

С каждым годом близится время, когда эмигрантам придется отказаться от ставки на крестьян-собственников и рассматривать, как крестьян, так и рабочих, как единый слой пролетариев.

Придется поставить на очередь давно назревший вопрос: является ли марксизм единственной возможной и органической идеологией пролетариата? Если да, то коммунизм непобедим.

Если нет, то каковой может быть **новая идеология пролетариата пореволюционного?**

Не является ли выработка этой новой, верою освещенной, трудовой идеологии — делом пореволюционных течений российской общественной мысли?

III.

Одновременно со ставкой на крестьянские собственнические настроения внутри страны, эмигранты делают **ставку и на иностранцев.**

Военная интервенция не в моде, но за то усиленно говорят об экономической интервенции, лицемерно утверждая, что это

не одно и то же. Не ясно ли, что организация экономической интервенции ведет за собой неизбежно военную? Все войны в значительной степени являлись завершением экономических споров.

Возможна ли экономическая интервенция?

Начаться она должна с соглашения, т. е. с установления единого фронта капиталистических стран против России. В настоящих условиях это кажется просто невероятным. Но допустим, что великие державы сговорятся. Блокада СССР прежде всего заставит Европу и без того страдающую жестоким кризисом и безработицей принять на иждивение ряд стран, живущих торговлей с Россией и гл. обр. транзитом товаров в СССР и оттуда (Литва, Латвия, Эстония и др.).

Ведь блокада только тогда действительна, когда все окна и двери закрыты. Единственная известная в истории экономическая «континентальная» блокада при Наполеоне была далеко невыгодна всем блокирующим и даже сам Наполеон должен был часто допускать английские товары во Францию и обратно в нарушение собственной системы. Что было не под силу Европе, подчиненной единой воле Наполеона, вряд ли будет под силу демократической Европе, где интересы торговли с Россией у каждой страны разные.

Захотят ли потребители переплачивать за товары стран производящих, когда советы предлагают их по значительно более низкой цене? Капиталисты способны-ли солидаризироваться?

Простой пример, который всякий может легко проверить.

Капиталист, крупный фабрикант. К нему приходит представитель лиги борьбы с советским демпингом и приводит все доводы за борьбу и блокаду. Капиталист со всем соглашается. На другой день к этому же капиталисту приходит советский агент и предлагает купить нужный для фирмы советский товар за цену много ниже рыночной. Кто из двух соблазнит капиталиста?

Мировая пресса подняла большой шумъ вокругъ советского демпинга. Кричат о принудительном труде и о религиозных преследованиях. Не странно ли, что о «религиозных преследованиях» заговорили именно в феврале и в марте 1930 года, т. е. в момент начала дэмпинга? Ведь массовые преследования духовенства существуют уже много лет.

Что же касается **«принудительного труда»**, то капитализм противопоставил ему замечательную систему «принудительной безработицы». Можно спорить о том действительно-ли в СССР «принуждают» людей работать, за исключением осужденных (осужденных принуждают работать и в других странах). Но никто не станет утверждать, что двадцать пять миллионов в капиталистических странах не работают «по своей доброй воле».

Капиталисты очень чутко относятся к кредитоспособности России. Предоставляя печати кричать о зверствах и расстрелах, они присматриваются только к результатам. Чем сильнее орудует власть, тем больше она встречает доверия у них. Только с усмирением Московского восстания и установлением режима Дурново, капиталисты согласились предоставить России заем в 1906 году. И теперь можно заметить, что чем жесточе власть, чем беспощаднее расправа с оппозицией и крестьянами-собственниками — тем оживленнее торгуют капиталисты с СССР. И не будет парадоксальным мнение, что **чем больше крови льется в СССР, тем легче открываются кредиты у капиталистов.** Весь же шум в печати лишь завеса. Это привлечение внимания, запугивания, из за которых слышится голос: «дайте нам заказы и мы замолчим».

Пора эмиграции задуматься над этими вопросами. С каждым годом укрепляется хозяйственная мощь России и увеличивается ее кредит за-границей. А увеличение промышленной мощи равносильно увеличению военной мощи. Возможно, что некоторые страны спохватятся и начнут готовиться к войне. Но это будет не война с коммунизмом. Это будет война с Россией, с ее мощью и возможностями. Цель этой войны будет прежде всего содействие распадению, а не раздел страны. В ближайшие годы надо ожидать сильного падения интереса иностранцев к русской проблеме и уменьшения связей с русской эмиграцией и, наоборот, всяческое сочувствие различным сепаратистам.

Война между коммунизмом и капитализмом неизбежна. Пока Россия залечивала старые раны и возилась с НЭП'ом, могло казаться, что рано или поздно возродится капитализм. Успехи пятилетки неожиданно показали всему миру, что государственная система хозяйства не только жизненна, но и рациональнее частной. Капитализм вынужден либо трансформироваться на новый

советский лад, либо бороться, т. е. воевать. Как и всегда во всех войнах каждая сторона будет доказывать свое миролюбие и обвинять противника в «инициативе» и «ответственности» за начало войны. Нам, эмигрантам, закулисная сторона «предварительных» переговоров не будет известна. Нам нельзя выбирать правую сторону по формальным каким то признакам. Мы будем поставлены перед фактом войны. Надо теперь же каждому поставить себе вопрос: на чью сторону он станет?

IV.

Хотим ли мы, эмигранты, или нет — мы осуждены быть зрителями, а не участниками великой эпохи нашей Родины. Будущие поколения в России оценят эти годы по достижениям. **Период Ленина и Троцкого** покажется им может быть **периодом разрушения.** Период **пятилетки** поставится **в заслугу Сталину.** Жертвы простятся и забудутся. Ведь и мы могли любить С. Петербург и жить в нем не задумываясь о том, сколько крови пролил Петр для разрушения старой Руси и сколько костей легло для создания новой России (в частности С. Петербурга). Мы не можем мыслить Россию иначе, как великой страной и не задумываемся над потоками крови пролитой во имя этого величия. С идеями пакта Келлога и Локарно Россия давно бы стала провинцией Польши или в лучшем случае Русью первого Романова. Нет, мы гордимся императорским периодом и хоть историки иногда и напоминают нам, что «страна пухла, а народ нищал», но нам все же эта пухлая страна дороже нищеты умерших поколений.

Теперь не все понимают, что в экономическую эпоху и война своеобразна. **Россия переживает** именно **войну** и население несет жертвы лишениями и кровью невинных, как несет жертвы и лишения армия на фронте. И поддерживает дух лишь вера в победу. Положа руку на сердце, не признаемся ли мы друг другу, не в печати конечно, а между собой, что радуемся успехам пятилетки? Как эмигранты в эпоху Наполеона не могли скрыть гордости при вести о победах французов при Иене, Аустерлице и Ваграме, так и мы радуемся при известии о строительных победах. Днепрострой, Сельмашстрой, Турксиб — разве

не равны многим военным победам Наполеона? А вся пятилетка ведь безусловно многозначительнее для России, чем все войны Наполеона для Франции.

Как же быть нам, эмигрантам?

Как было, так будет. Политики будут спорить о том, кто сменит большевиков, умалчивая о том как сменить их, ибо способов не найдено.

Кто мы, эмигранты? Старое поколение небоеспособно, но в нем горит культурная энергия старой России. На любом докладе мы видим аудиторию стариков, жадно прислушивающихся к каждому слову о дорогой Родине. Им нет туда возврата.

Следующее поколение — мы, помнящие еще старую Россию, испытавшие войну европейскую, Революцию и затем вынесшие на своих плечах гражданскую бойню. Слишком много крови между нами и коммунистами. **О сменовеховстве для нас нет и речи.** Нам не могут поверить. Мы можем многое понять идейно, но со многим не можем примириться морально. Фактически мы выпали из истории современной России и нам не под силу вернуться туда. За нами идет молодое поколение. Печальное поколение. Если и среди нас заметно влияние заграничной жизни (кто пробыл десять лет в Англии — englизировался в быту, кто в Германии онемечился, кто во Франции -- офранцузился и т. д.), то что же говорить о молодежи, которая России почти или совсем не помнит и с детства уже денационализировалась? Исключения так редки...

Что же делать?

Мне кажется, что всем, кто любит Родину остался один путь, это путь сохранения, разработки, изучения и исповедания самого ценного, что дала наша Родина — нашей духовной культуры.

В борьбе со старым — современные нам поколения пролетариев не могут смотреть без ненависти на самую великую основу родной культуры — на Церковь. Но пройдут года (будем надеяться — не века), когда Евангелие «откроют» именно носители пролетарской культуры. Как эпоха возрождения ознаменовалась открытием ценностей языческой культуры, так со временем «откроется» снова и христианство хотя и в несколько ином, может быть еще лучшем, свете. На суровом, жестоком

фундаменте средневековья вдруг расцвело преображенное христианством язычество. На еще более жестком фундаменте — нашего нового атеистического средневековья должно, я в это верю, раскрыться вечное Слово Божие. Блаженны те, кто сумеет сохранить истинные христианские традиции и очистить их от связей с буржуазным антикоммунистическим укладом жизни. За ожесточившимися в борьбе нынешними поколениями коммунистов придут новые, более гуманные, и они поймут Евангелие и примут его, ибо марксизм эволюционирует и со временем отойдет в историю, а Слово Божие вечно.

Мы уже дожили до момента, когда вождь пролетариев Сталин возвестил миру, что **у пролетариев есть Родина.** Это огромный шаг вперед от марксизма и будем верить, что следующие поколения дождутся дня, когда **у пролетария появится религия. И в России эта религия не может быть иной, чем православной.**

Брюссель.
Март, 1931.

Иван Степанов

От редакции: Мы присоединяемся к мнению автора о необходимости для эмиграции переоценить многие устаревшие позиции: слишком изменилась вся мировая обстановка вокруг России и слишком недооценивались раньше живые русские силы в революции, чтобы оставаться на старых позициях. Но мы не разделяем пессимизма И. В. Степанова в отношении наших возможностей заграницей. Мы полагаем, что на нас лежит долг не столько охранительный, сколько творческий: осознание новой ведущей Идеи, ее выковыванье и обоснование. Не разделяем мы также и оптимизма автора: веры в грядущее, какое-то почти «автоматическое», религиозное озарение пролетариата. Едва ли это возможно без двухстороннего усилия: стремления духовно преобразиться одних, — и встречного стремления других помочь первым, просветить их. Не о подготовке ли для этой цели кадра «миссионеров» думал и сам И. В., когда писал свою статью «Современный монастырь»? И мы полагаем, что инициатива к просветлению пролетариата должна быть проявлена **этими новыми миссионерами,** ибо со стороны пролетариата никакой инициативы пока еще не видно.

ДУХ ИНТЕРВЕНЦИИ

Богословы утверждают, что на Страшном Суде будут судить не поступки, а побуждения. Не касаясь вопроса, насколько это предсказание правильно, скажу только, что оно ничуть не возмущает моей совести, совсем напротив, я испытываю некое удовлетворение, даже радость, несмотря на то, что вникание в побуждения, может быть, куда опаснее формального установления фактов и определения состава преступлений.

В настоящее время иностранная интервенция в русские дела невозможна, — поскольку речь идет не о самозащите от исходящих из Москвы эманаций, а о решительных хирургических операциях. Но — кто знает? — не станет-ли она возможной через пять, через десять лет? И не окажется-ли она неизбежной, если Москва сама встанет на путь наступления?

— Может быть именно в предчувствии или в чаянии этого, дух интервенции еще так силен в эмиграции, а может быть и в самой России имеются единицы, лелеющие мысль об иностранном вмешательстве. В первые годы беженства идея интервенции упорно дебатировалась на многих собраниях, и, можно сказать, открыто культивировалась. Некоторые же газеты неустанно взывали к общественному иностранному мнению и к иностранным правительствам, домогаясь реального, даже вооруженного вмешательства.

Теперь это занятие вышло из моды, но это не значит, что дух интервенции уже угас.

Нужны доказательства?

Одна из наиболее веских эмигрантских организаций в своих бюллетенях, печатаемых на иностранных языках, из кожи лезет, чтобы убедить иностранцев в военном характере пятилетки. Восстанавливая и развивая промышленность и загоняя крестьянство в колхозы, большевики-де имеют в виду войну. Все их заводы и железные дороги строятся таким образом,

чтобы их легко было обратить к удовлетворению военных нужд. — Но разве не в интересах «пушкарского и корабельного дела» возникли первые промышленные предприятия в России, разве не на казну работала до революции тяжелая промышленность, не военными и морскими заказами жила металлическая промышленность, не железным дорогам поставляли свои произведения металлургические заводы и каменно-угольные рудники? Тогда все это приветствовалось, почему-же теперь тоже самое представляется преступным?

Тогда это было **за** наше дело, теперь-же... **против** иностранцев, — тех, кто будет эвентуально осуществлять интервенцию, значит, и против нас, если мы с иностранцами. Ясно, кто рассуждает подобно авторам бюллетеней, тот за интервенцию. Идея интервенции еще жива, мало того, она для многих —сознательно или нет — является руководящей в их суждениях, о современной России.

Но откуда возникла эта идея и что питает этот дух? К идеи интервенции люди приходили в годы смуты, приходят и ныне разными путями. Вспомним германское наступление на юге России. Украинские самостийники, забыв о достоинстве представляемого ими течения, сами зазывали немцев — их идеи, не пользовавшиеся популярностью в народе, не могли найти своего утверждения иначе, как при помощи немецких штыков. Земледельцы юга России, часто люди русской культуры, с протянутыми руками встречали немцев, возвращавших им их поместья. Обезумевшая от ужасов военного коммунизма буржуазная масса приветствовала своих врагов-немцев также, как и союзников — греков, марокканцев и французов: те и другие избавляли ее от смерти, поругания и ограбления.

Те-же тенденции наблюдаются и в эмиграции. Для самостийников-сепаратистов удар извне, конечно, больше обещает, чем внутреннее преодоление коммунизма. Если-бы он и был преодолен извнутри, то едва-ли можно ожидать возвращения земель и заводов бывшим собственникам, а потому в интервенции для них единственная возможность восстановить свое привиллегированное положение; поскольку последнее для них дороже свободы России, постолько они стоят за интервенцию. Наконец, воспоминания о претерпенных до бегства ужасах ныне

превратилось у многих в жажду мести, а безнаказанно мстить своему народу — можно лишь через иностранцев.

Все вышеперечисленные возбудители интервенционных вожделений просты и грубы; сложнее и тоньше те из них, что возникают из запросов национально-культурного порядка.

Для некоторых русская культура (дореволюционная культура), — часть их души. Большевики у них отняли все, разбили их жизнь, выгнали заграницу — больно, но примириться можно, — а вот никак нельзя примириться с тем, что нанесен смертельный удар «нашей» культуре. Чтобы вернуть ее к жизни, — нужно вернуть старый порядок; я говорю не о формах, а об его сущности; нужно еще вернуть насыщавшие весь старый порядок «прекраснодушные стремления», что были так типичны для дореволюционной культуры.

Ко всему этому ныне данных нет — вот мысль и хватается за интервенцию: ведь только иностранцы и могут установить порядок вопреки исторической логике. Нужно-ли говорить, что русская культура под защитою иностранных штыков — бессмыслица; но нужно понять и безысходность положения тех, для кого прежняя культура — некая органическая часть их разумной сущности.

Европейские революции XVIII-XX веков были революциями политическими и социальными, отклонявшими культурное русло, но не вызывавшими все-же разрыва в течении культурной жизни. Русская-же революция смела «русскую» культуру и, я-бы сказал, что это самое ужасное из ее последствий, если-бы иногда это не казалось не последствием, а самою ее сущностью — революции. Чтобы понять всю безнадежность «нашей» культуры, нужно вспомнить, что она принадлежала не миллионам царских подданных, а только верхушке, не сливавшейся как в других странах, с народными массами. Она питалась народными соками, но народ не вкушал ее плодов. В культурном отношении — да и только-ли в культурном? (может быть и в антропологическом смысле) — в России было две нации; одна — народная, другая — правящая; можно сказать, оккупационная.

Первая в процессе революции разбила последнюю, разбросав ее осколки по всему свету, раздавив ее остатки в самой России.

Этот слой исчез навсегда, а с ним и «наша» культура. Будет преодолен коммунизм изнутри, культура польется новым руслом. В потоке будет много капель из стараго истока, но можно-ли их распознать? Выбора нет: либо присоединиться к потоку, вливая в него свою личность — и в этом случае, чем скорее, тем лучше, — либо, стоя в стороне, охранять в себе привезенное с родины, пока глаза не закроются, хотя и зная, что преемников, которым можно было бы передать на дальнейшее хранение сокровище — нет.

Мотивы национально-культурного характера оказываются мало жизненно-убедительными, а на всех остальных лежит печать корысти, чтобы не сказать низости. Содействие или сочувствие интервенции антипатриотичны. К тому-же надо помнить, что всякая интервенция была-бы осуществляема за счет России и в ущерб ее историческим целям. Грустно взирать на будущее старой Европы, зажатой между цветущей Америкой и строющейся Россией! Недаром недавно Кайо высказал мысль, что западному капитализму страшиться надо не коммунизма, а экономического подъема России, и что в интересах Европы надо затормозить развивающееся там строительство.

Итти с интервентами — итти против России!

О. Сарматов.

Брюссель.

ИЛИ — ИЛИ

«Левый» сектор эмигрантской общественности уже много раз заявлял, что он не хочет интервенции — и что именно в этом вопросе яснее всего видна та грань, которая его отделяет от правого лагеря, открыто стремящегося к военному походу на Россию. И все-же приходится сказать, что подобные заявления неизменно оказываются чрезвычайно неубедительными, когда они исходят от представителей зарубежной «демократии»*)

Настойчиво доказывая **нецелесообразность** военного похода, ни разу не сказали зарубежные вожаки — а как-же всетаки поступить в тот день, когда этот «поход» так или иначе состоится?

На этот счет все эмигрантские противники интервенции соблюдают очень осторожное и выдержанное молчание.

Вообще тактика применяется до-крайности упрощенная. Прежде всего надо громко заявлять, что **«войны никакой не будет»** (когда рядом пестрят сообщения о «военном характере пятилетки», об «угрожающей милитаризации советской жизни» и других «тревожных симптомах»). Если какой-нибудь интервенционист уж черезчур ретиво выскочит вперед — его необходимо осадить и посрамить. Но если некоторые страны начинают втихомолку проводить **закон, согласно которому все лица, не могущие доказать, что они являются военнообязанными в другой стране, подлежат, в случае войны, призыву в строй,** — то тут полезней промолчать.

Для каждого, конечно, ясно, где следует прежде всего искать тех лиц, которые не могут доказать, что они являются военнообязанными в другой стране. И для каждого, конечно, сразу же становится понятным и то значение, которое имеет

*) Беру этот термин в ковычки, так как современная буржуазная «демократия», в сущности, давно потеряла право себя так именовать: **время этой «демократии»** безнадежно прошло, как время **подлинной** демократии еще не наступило.

вышеуказанный закон для русских эмигрантов. Однако зарубежная «демократия» в данном случае **сумела также сохранить глубокое молчание** (несколько вполне «безопасных» заметок о Польше — притом post - factum — явно не в счет).

Казалось-бы рушатся последние иллюзии на счет того, что в назревающем конфликте между агрессивным капитализмом, нуждающемся в новых рынках и новых колониях, и Россией, нуждающейся в мире, — кто-то сможет остаться в стороне. Наоборот — все яснее и яснее становится, что все без исключения окажутся втянутыми в этот конфликт, все без исключения окажутся вынужденными активно выступить **либо с той либо с другой стороны.** И все очевиднее, наконец, делается, что словесные упражнения зарубежных вождей против интервенции являются лишь «дымовой завесой», призванной прикрыть их симпатии... к капитализму.

Но наша молодежь не имеет права прятаться от решения этих вопросов: ведь от нее первой потребуют «дань кровью». При вполне возможном вооруженном столкновении встанет во весь рост дилемма: кто не будет с Россией — тот автоматически включится в ряды ее врагов. Третьего решения, повидимому, нет.

Или —или.

П. Силиченко.

Гельсингфорс.

ЧТО ИМЕННО УТВЕРЖДАЕТСЯ?

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

Идеи, положенные в основу исканий редакцией журнала, ставят перед ней задачу чрезвычайной важности. Задача эта формулирована совершенно ясно: найти такие элементы пореволюционного миросозерцания, которые сходились-бы в утверждениях и таким образом сузили-бы круг отрицаний и отталкиваний, — этого наследия до-революционной эпохи.

Эта задача может быть выполнена двояко. Она может быть поставлена узко, как задача группы людей, уже принявших для себя ряд конкретных утверждений. Может быть поставлена широко, как з а д а ч а д л я в с е х, как искание п р е д п о с ы л о к, обязательных для всех, кто жаждет найти своего рода синтез из всей громады пережитых событий и обосновать на нем борьбу за Россию.

Повидимому, редакция понимает свою задачу во втором, более широком смысле, когда говорит: «нам необходима концентрация в с е х сил, всего пореволюционного фронта для выполнения первостепенной важности задачи, лежащей на журнале: оформлении единой пореволюционной идеологии, формулировки Российской исторической идеи в ее проэкции на современность».

Можно сомневаться «может-ли быть вообще найдена такая е д и н а я идеология». Никогда не было ее и в прошлом. Но безусловно можно найти, установить, утвердить ряд предпосылок, созвучных новой пореволюционной эпохе и принимаемых не как отдельные звенья чьей-то программы, а как ф о н для разных программ, как ряд общих основ, как ряд утверждений, сближающих в общем представлении о н о в о й Р о с с и и людей самых различных направлений.

Не все авторы статей журнала так именно понимают свою задачу. Большинство сбивается на узко-групповую платформу.

Единственная статья, которая остается все время на этой более широкой платформе, — это превосходная, блестящая и яркая статья Н. А. Бердяева. Именно он указывает на ряд предпосылок, на стиль эпохи, так повелительно выдвинувшей первостепенное значение человеческой личности и духа свободы. С Н. А. Бердяевым мы исходим из совершенно разных философских воззрений на мир и на истоки человеческого поведения в нем. Но его утверждение свободы духа, свободы совести и безусловного значения человеческой личности, как незыблемых основ государственных и общественных форм жизни,—это именно те предпосылки, отсутствие которых искажало русскую жизнь в прошлом и привело к великой катастрофе. Ясно также, что никакое «возрождение» не может ни начаться, ни быть сколько нибудь удачным и глубоким без категорического утверждения этих предпосылок в жизни и поведении отдельной личности, группы, партии и, наконец, государства.

Казалось-бы конкретная разработка этих чисто реальных проблем, стоящих перед Россией, нахождение средств борьбы за эти предпосылки конкретной, современной России, создание центра идейного влияния на ход жизни там и на развитие новой идеологии постолько, посколько отмирает доктрина коммунизма, цепко захватившая пореволюционное поколение молодежи, — какая трудная, но и благодарная задача для работы здесь!

Но... Эти реалистические проблемы не прельщают сотрудников журнала. Многие из них предпочитают утопать в облаках такой туманной мистики, что практический политик не сразу даже усвоит язык, которым говорят эти мистики. Конкретная русская задача пореволюционного преобразования страны и воодушевления творческими задачами ее новых сил, выдвинутых революцией, совершенно пропала из поля зрения, утонула в пышных фразах о каком-то мессианстве, о всемирных свершениях, о «всемирно-историческом кризисе», о «конце всех концов» и о «начале всех начал» и т. д. и т. д.

Живя среди чужих народов, наблюдая самые разнообразные кризисы, мы видим, как упорно, настойчиво, с каким арсеналом средств, с какими провалами и достижениями ищут на-

роды выхода из тяжких затруднений, созданных войной и устарелостью машины капитализма. Они ищут новых форм жизни, свергают королей, пробуют спасительность фашистской диктатуры, охраняют республики, стремятся к обновлению не только отдельных государств, но и целых континенов. И все это — в форме **р е а л ь н ы х   п л а н о в,** организованных действий, создания нужных кадров, — без туманов мистики.

И только мы, русские, ходим среди этих народов в трансе «вселенских миссий», с гордым намерением «спасти мир», спасти вот этих грешных реалистов, ибо только мы знаемъ «тайну спасения», только мы призваны осчастливить вселенную указанием ей «новых путей»... Мы, — не могущие спасти свою собственную страну...

Что можно «утвердить» в облаках этого тумана? И что вообще эта «вселенская миссия» означает? Если то, что опыт России учит, то, это, ведь, не соответствует этой... мании величия?

И самое главное: какая борьба на почве т а к о й идеологии возможна с коммунизмом?

С моей точки зрения — никакая... Надо отдать справедливость русским коммунистам; их задачи проникнуты практическим реализмом. Они тоже любят говорить о «всемирности» их задач. Но какая разница! Ведь они указывают на определенные кадры, — пролетариат — которые связаны общностью интересов. Реальность — ли эта их «общность»? Да, есть много общих задач, — правильно или ошибочно решаемых, — у пролетариев всех стран. У русских большевиков есть еще и особая задача: самозащита, стремление удержаться на завоеванных ими местах. К этой именно, совершенно ясной, конкретной задаче они притягивают сочувствующих им во всех других странах: защита русской революции. Они готовят войско и войско крепкое, дисциплинированное, — войско способное сражаться вовсе не за какие то «всемирные химеры», а попросту за свое «советское отечество», — за себя, за свои собственные интересы, за эту новую Россию, которую они строят!

Что должны делать их противники, — идейные противники, — т. е. те, которые убеждены, что на этих началах новая Россия удержаться не может, обновиться не может, жить и развиваться не может? Ясно — что. Они прежде всего свои идео-

логические предпосылки должны облечь в конкретные лозунги. Они должны определить, какия средства находятся в их распоряжении **сейчас** для борьбы за эти лозунги. Они должны подбирать живые силы и постоянно упражнять их — в действии. Они должны постоянно искать слабые места в работе противника и обнаруживать их не для возбуждения пустой и безплодной злобы, а для утверждения своей истины.

Если же в распоряжении идеологов есть только одно «непредрешенство», если нет живых кадров, понимающих, **что** именно они отстаивают, **за что** борятся, если нет в руках никаких средств, если не видно конкретных путей — тогда не поможет никакое «мировоззрение», никакая «вселенскость», и mania grandiosa будет только смешна...

Замечено: люди витают в облаках и ищут исполинских дел именно тогда, когда нет земных корней для их работы. Таких людей сейчас много. Война и революция так приучили их к необычайности событий, к постоянно воспаленной психике, что искание средств по росту и силе нашей кажется им «принижением» дела, реальность не вдохновляет их, не будит творческого воображения и даже отталкивает своей будничной простотой и узостью. Им нужны «вселенские миссии» (на меньшее не согласны), и опьянение «величием» напыщенных, но к сожалению пустых и бессодержательных фраз.

А там... А там — враг трезвый, расчетливый, хитрый, оперирующий реальными величинами... Люди, свихнувшиеся, ушедшие в высоты мистики, ему не опасны: он с ними — в разных плоскостях.

Сильны ли кадры противника? Как они создаются? Кто знает их численность? Характер? Психологию?

Силы антибольшевистские, — как правило, — этим интересуются мало. Для составления своей собственной идеологии они довольствуются упрощенными антитезами: коммунизм — антикоммунизм; безбожие — религиозная настроенность: интернационал — национальное; классовая борьба — бесклассовая общественность и т. д. и т. д. Эта упрощенность через 13 лет господства над Россией советской власти совершенно не соответствует не только интересам самой страны, — ее «синтез» много сложнее теперь, — но уже, конечно, и идеям того

«советского актива», которому непременно придется играть большую роль и в случае переворота, и в случае ненавидимой здесь эволюции правящего слоя в стране. Этот актив оброс уже давно и чисто российскими задачами, — на своих плечах выносит он и «пятилетку», и «монополию», и многое другое, что сразу не сможет уничтожить ни один наследник большевиков. Ясно, что типы людей этого актива, — так называемые «большевистские кадры», в высшей степени интересны.

Только что вышла книга американца, известного чикагского профессора Самюэля Харпера «Как создают большевиков». Харпер хорошо знает и старую, и теперешнюю Россию. Но разве отвлеченно отвечает он на поставленный вопрос? Нет. Он детально и конкретно изучил силуэты партийца, комсомольца, ударника, колхозника, культработника, красноармейца. Изучил партийный и советский аппараты. Что в них от старого и что от нового? Во всем современном укладе в характере кадров, Харпер отмечает военные черты. Как будто-бы все эти люди — из военных лагерей... На войне. В ожидании войны. И потому — скованы железной дисциплиной. Харпер стремится различить, что в этой кипучей деятельности большевиков является, так сказать, детскими болезнями их роста и упрочения, и что, напротив, — указывает на органические пороки самой советской системы. Насколько этот европейский метод изучения коммунизма полезнее нашей русской окрошки из всех этих «вселенских миссий», годных лишь для мечтаний в парижских мансардах, но отнюдь не для сражений с кадрами, накопляемыми в русских военных лагерях большевизма!

И пока эмиграция будет пребывать в состоянии миссионера, которому поручено переустройство и спасение вселенной, до тех пор все ее попытки повести борьбу за Россию будут бесплодны. Двадцатый век — век грандиозных изобретений и широчайших идей. Но все решительно идеи XX-го века носят в то-же время печать глубокого реализма, счета и учета обстоятельств, их осуществлению содействующих или препятствующих. Мистика — интимное дело каждого. Это — не идеология борьбы.

Вот на какие мысли навело меня внимательное чтение первого номера «Утверждений». **Ек. Кускова.**

ОТ РЕДАКЦИИ.

Мы очень признательны за ценные замечания. Всецело разделяя мнение Е. Д. Кусковой о необходимости учета реальностей, мы тем не менее не можем согласиться с несколько примитивным смыслом, который она вкладывает в этот термин; для нас реальности возможны двух порядков—высшего и нисшего. Внимательное ознакомление с советской печатью и литературой, изучение типологии актива, беседы с приезжими — всему этому мы также уделяем немало внимания; но постигаемые таким способом реальности для нас **вторичны**, производны — они ценны главным образом тем, что облегчают осознание другой, **высшей** реальности, которая нами воспринимается, как **основная** и всеопределяющая: имя ей — **духовно-историческая коньюнктура**. Новая надвигающаяся эпоха повидимому требует развития особого, «шестого», чувства: чувства мета-исторического. Деятелям, духовно сложившимся до революции, иногда бывает столь-же трудно развить в себе эту особую восприимчивость к ритму истории, как трудно человеку, по природе не музыкальному, развить в себе абсолютный слух. Отсюда—наименование всего, выходящего за пределы привычных методов познания, — мечтами, туманами, мистикой, окрошкой. Нам-же думается, что даже рационалисту трудно признать «только случайностью» тот факт, что почти в одно и то же время, безо всякого «сговора», зазвучали одни и те-же мысли в Харбине и Софии, Берлине и Париже, отражая в разных аспектах **одну и ту же** высшую реальность: назревающую актуализацию идеи исторической миссии России. В настоящих условиях всякому действительно-объективному наблюдателю трудно, казалось бы, отрицать, что именно теперь и именно через Россию проходит **центральная тема** истории, что этот факт сам по себе уже налагает на Россию определенную **миссию** и заставляет всех, сознательно относящихся к происходящему, ставить российскую проблему, как проблему **всечеловеческую.**

Е. Д. Кускова склонна считать утвержденцев «мансардными» утопистами. Может быть со своей точки зрения она и права — но у нас возникает сомнение в устойчивости понятия «утопизма». Дореволюционные рационалисты упорно считали в свое

время и Ленина мансардным мечтателем — в чем тоже были, вероятно, по своему правы. Но не явилась-ли в условиях российской действительности попытка «реалистов» ввести буржуазно-парламентский строй трагического облика утопией? И не овладел-ли реальностью патентованный утопист? Нам кажется, что Ленин оказался победителем не потому, что он лучше других знал факты экономической жизни, — а потому, что и у него была та самая «мистика» (пусть наизнанку), силу и реальность которой не хочет учесть Е. Д. Кускова.

Что же касается **объектов** российской исторической миссии, а тем более проблемы мессианского призвания — то эти вопросы (и здесь мы вполне согласны с Е. Д.) требуют при своем обсуждении величайшей собранности и трезвенности. Осознание этих идей прежде всего налагает огромную **ответственность** — и не может ни при каких условиях вести к утверждению национальной заносчивости. Миссия — не право, а долг, возлагаемый историей.

ХРОНИКА

ИЗ ЖИЗНИ ПОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ТЕЧЕНИЙ.

1.

4-го мая имело место первое открытое собеседование, организованное Редакцией журнала «Утверждения». После вступительного слова Ю. А. Ширинского-Шихматова, с докладом на тему «Почему христианство бессильно разрешить социальный вопрос» выступил М. М. Артемьев. По мнению докладчика «неудачи исторического христианства» имели место по той причине, что христианство «зоркое до всего, что касается души человека — страдает неразличением добра и зла в социальной жизни». До сих пор христианство раскрывалось лишь в «частной жизни» —но в предстоящую эпоху оно должно раскрыться в социальном аспекте; в этой задаче и успешном ее выполнении докладчик видит единственный выход для человечества из создавшегося тупика. В качестве оппонента выступил проф. Н. А. Бердяев; некоторые положения его исключительно содержательной речи явились канвой печатаемого в настоящем номере журнала «второго письма к пореволюционной молодежи»

2.

9-го июня состоялось второе собеседование сотрудников и друзей «Утверждений», посвященное теме «О природе справедливости»; в вступительном слове Я. М. Меньшиков указал, что все проблемы революций упираются в проблему справедливости, которая в свою очередь сводится к «проблеме правового распределения благ»; по его мнению «равная мера не есть равная доля» и «подлинная равномерность — лишь в пропорциональности». Он полагает, что «замысел свободы» из-

вращен в «наследственно-экономическом неравенстве»; по мысли Я. М. Меньшикова «проблема справедливости по существу своему коллективистична; она может быть построена только на органической концепции общества, оказываясь, на какой-то глубине, и **христианской,** в ее единственно-сочетаемом с жизнью отвлечении: миссии, иерархии и творчестве — как доразвитии свободы, равенства и братства».

В собеседовании приняли участие М. М. Артемьев, В. И. Безобразов, Н. К. Васильев, А. П. Каменский, Г. В. Немирович-Данченко, Д. А. Олсуфьев и проф. В. Н. Сперанский.

3.

В первых числах сентября в Брюсселе состоится первый после раскола 1928 г. съезд представителей евразийских группировок, имеющий целью восстановить единство евразийской организации. Редакция «Утверждений» горячо приветствует этот съезд и желает ему полного успеха.

4.

Всем «утвержденцам» предоставлено право пользования библиотекой парижской группы Союза Российских Национал-Максималистов (800 томов).

Л. Б.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

НЕВОЗВРАЩЕНЧЕСКАЯ МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

«Невозвращенческое» движение, ставшее в эмиграции модным после «бегства» Беседовского, проявило себя главным образом в форме обильной мемуарной литературы, общий тон и стиль которой до чрезвычайности однороден: это — сенсационно - бульварное «разоблачительство».

Идеологических утверждений — а тем более пореволюционных — здесь искать не приходится: большинство авторов производит впечатление людей типично - дореволюционной, **буржуазной** психологии. Это, впрочем, пожалуй — и единственное, что можно привести если не в оправдание, то хоть в объяснение занятой ими позиции. *)

Явление невозвращенчества может быть рассматриваемо под несколькими углами зрения — в частности: а) как симптом частичного разложения ком - верхушки; б) как некий новый активно - политический фактор в жизни обессилившей эмиграции (**пораженческая** деятельность: систематическое сообщение иностранцам сведений, могущих быть использованными против России, как таковой); в) наконец — как один из способов для нас изучить через призму творчества перебежчиков (с соответствующей поправкой на «разоблачительный пафос») ту бытовую **атмосферу,** в которой вызревают и решаются те или иные акты общегосударственного для СССР значения — и тем дать нам возможность лучше строить свои тактические схемы.

В данной заметке мы будем рассматривать невозвращенчество исключительно с этой последней точки зрения — для чего бегло ознакомимся с очередными, опубликованными на русском языке, перлами мемуарного творчества этих новых адептов зарубежного дефетизма.

Брюссель. Июнь 1931.

Н. Перфильев

---

*) Из этой среды мы, конечно, выделяем совершенно особняком стоящего С. В. Дмитриевского (о книге которого был дан отзыв в № 1 журнала); Дмитриевский не только воздержался от разглашения всего того, что могло-бы России повредить — но он еще дал ряд идеологических построений, в значительной степени пореволюционных и отчасти нам близких.

Г. А. СОЛОМОН. — «Ленин и его семья». Париж, 1931.

Автор выпускает свои воспоминания о Ленине, не потрудившись даже познакомиться как следует с его биографией. Например, он пишет «Ленин кажется (?) окончил Казанский Университет». Вообще автору память часто изменяет. Так он путает всем, сколько нибудь политически грамотным, читателям известные съезды Р. С. Д. Р. П. (Лондонский и Стокгольмский). Про пресловутую социалистическую конференцию в 1917 г. в Стокгольме он пишет «не помню (?) в точности ее назначения, кажется (?) о мире»... хотя сам был в то время в Шведской столице.

Приведенных примеров достаточно, чтобы судить о качестве этой работы, переполненной неточностями. Единственно интересное в книге Г. А. Соломона, это приведенные им (по памяти вероятно) мнения Ленина о Луначарском, Троцком, Горьком и др. Любопытно, что о Меньжинском (начальнике ГПУ) Соломон отзывается, как о мягком, отзывчивом, скромном человеке.

В мемуарной литературе эта книга не займет почетного места.

М. Я. ЛАРСОНС. — «На советской службе». Париж, 1930.

Книга честного добропорядочного спеца, служившего «за совесть» коммунистам. Автор старается быть объективным. Он критикует большевиков лишь с практической деловой точки зрения. Много интересных данных о разных торговых операциях советской власти 1918 — 1925 годов. Автор оправдывает коммунистов в их недоверии к беспартийным спецам, соглашаясь, что они действительно первыми покинут тонущий корабль и даже помогут низвергнуть советский режим, если он закачается. Сознание обреченности у спеца неустранимо, ибо даже при сверх - лояльности он знает, что его выбросят, как только будет готова коммунистическая смена. Может ли автор (сам крупный спец) утешаться, как проф. Н. В. Устрялов, тем, что драма спецов не есть драма России, утверждающей на разгроме старой интеллигенции новые свои пути? Ларсонс повидимому недалек от этой точки зрения.

Е. ДУМБАДЗЕ. — «На службе Чека и Коминтерна». Париж, 1930.

А. ОЛЬШАНСКИЙ. — «Записки агента Разведупра» (Капитана Смирнова). Париж, 1930.

Уйдя от большевиков эти два господина разоблачают изо всех сил известные им или выдуманные тайны заграничной работы ком-партии. Служили они действительно «за совесть». Предавали своих друзей (см. гнусную историю с «т. Жуком» у Думбадзе), лицемерно при этом уверяя, что и тогда, втайне «собирались» бороться против коммунизма, что не мешало им однако оказывать советской власти самые большие услуги не брезгуя при этом весьма солидными окладами, доходами и др. преимуществами. Некоторые сценки сильно комичны. Например, разговор грузинского с. - д. меньшевика Тодрил с чекистом

«коммунистом» Думбадзе, когда тот начинает объяснять «эволюционную» теорию К. Маркса и окончательно забивает растерявшегося агента Ч. К. Автор (Думбадзе) испортил себе карьеру, примкнувши к грузинскому национальному уклону. После этого ничего не оставалось, как переметнуться к белой эмиграции, когда, в результате командировки, он очутился в безопасности за-границей. Некоторые сведения, сообщаемые Думбадзе, все же не лишены интереса. Например, пропорция агентов ГПУ в СССР. — На четырех жителей один секретный агент! Или описание пресловутой демонстрации рабочих в честь Троцкого во время празднования октябрьской годовщины. Однако приводимые им факты особого доверия не внушают.

А. Ольшанский, обработав записки кап. Смирнова, дал просто приключенческий роман. Никаких ценных или интересных сведений из него почерпнуть нельзя.

Г. И. МЯСНИКОВ. — «Очередной обман». Париж, 1931.

Автор принадлежит к течению заграничных правых оппозиционеров, т. е. коммунизму, приправленному демократизмом. Разоблачая советскую бюрократию, образовавшую новый класс в СССР, взамен уничтоженной буржуазии, г. Мясников призывает к установлению пролетарской демократии. При этом он находит, что демократия, многопартийность, отнюдь не мешают диктатуре. Высмеивая пресловутую советскую самокритику он утверждает, что где нет свободы организации партий, там не может быть свободы критики. Допустить внутри - партийную критику значит допустить возможность образования фракций; фракция же есть потенциальная партия. Опасности от многопартийности не может быть в государстве пролетарской демократии.

Брюссель. Июнь, 1931.

Н. П.

П. Н. САВИЦКИЙ. — «В борьбе за евразийство». стр. 54. 1931.

Брошюра эта содержит «110 ответов» на те обвинения, которые были выдвинуты против евразийства; м. б. именно по этой причине просмотр ее оставляет столь неприятный привкус мелкой полемики и крупной саморекламы. Мне кажется, что евразийство — явление настолько значительное, что оно просто не нуждается ни в том, ни в другом. Наиболее интересное в этой книжечке — попытка привлечь к евразийству симпатии зарубежного **еврейства.** На стр. 5, цитируя авторов отдельных статей в «Еврейской Трибуне», П. Н. Савицкий пишет: «Европа не есть единственный путь для русского еврейства. И западничество не есть единственная для него возможность. Возможно и необходимо появление и развитие еврейского **восточничества.** С восточничеством этим евразийство должно быть в сотрудничестве и союзе». Повидимому мы видим здесь коренной пересмотр карсавинского подхода к еврейскому вопросу («Версты», книга Ш); нужно полагать, что в связи с той-же переоценкой стоит и печатание Евразийским Издательством книги Я. А. Бромберга «К пересмотру ев-

рейского вопроса. Опыт евразийского рассмотрения проблемы». Будем с интересом ждать выхода в свет этого труда.

М. А.

Проф. Н. В. УСТРЯЛОВ. — «Проблема прогресса». Стр. 38. Харбин, 1931.

Яркая, блестящая, талантливая и насыщенная содержанием брошюра. Для ищущих оформления миросозерцания — ценная новинка, ибо каждая страница ставит все новые и новые вопросы. Повсюду автор рассматривает проблемы смело и на большой глубине. Не так важно, что многие вопросы остаются без ответа, для обоснования миросозерцания (а ныне это важнейший критерий оценки) не столь часто существенен ответ, как самый вопрос. Для эрудитов и специалистов брошюра Устрялова — типичная **современная** книга. Философские сомнения, сверх - типичная жажда радикальных и всеобщих переоценок; автор близок к отрицанию самой проблемы прогресса, как улучшения, совершенствования, смысла истории: он аргументирует свой «нигилизм» сомнением в критериях совершенства и нравственных норм. Помимо природы прогресса, автор анализирует его историческую реальность, показывая неосуществимость прогресса в истории. Очень интересен разбор всех видов культурного прогресса — технического, экономического, интеллектуального, морального и социального. Разбор этот приводит автора к иллюзорности прогресса, как восходящей линии улучшения жизни. — «Позитивная теория прогресса» пишет автор «остающаяся на почве строгой науки, бессильна оправдать **абсолютный** прогресс. Контиановская схема бесконечного прогресса и в отвлеченном, чистом, выхолощенном выражении не удовлетворяет нравственное сознание своей безнадежно - дурной бесконечностью. Скептицизм и пессимизм, — законные порождения этих систем. Жизнь, как и человеческая история, окрашивается **трагически».** Все эти пессимистические выводы автора заставляют его спросить себя, не воплощают ли его размышления опасность бездорожья, беспочвенности? «Если нет прогресса, какой смысл имеет история? Теряется компас, исчезает крепкий берег». Н. В. Устрялов спешит тотчас-же успокоить читателя заверением, что ныне происходит переоценка гуманистических ценностей, что философия прогресса, зайдя в удушающие тупики, «требует прорыва в иные сферы бытия и сознания» (стр. 25). Читатель надеется найти в брошюре такие прорывы, но тщетно — до самого почти конца автор продолжает развенчивание кумиров и лишь на последних двух страницах дает нечто вроде положительного утверждения, уподобляя идею прогресса музыкальному произведению. «Прогресс — не в беспрестанном линейном «подъеме», а в **нарастающей бытийственности,** в растущем богатстве мотивами. При этом совсем не обязательно, чтобы последующий мотив непременно был «совершеннее» предыдущего. Но он всегда прибавляет «нечто» к тому, что было до него.

Только в этом условном понимании может быть усвоена идея «общего», «абсолютного» прогресса: она постулирует общую связь, при действительной реальности которой разрозненные в эмпирии акты осмысливаются, как моменты становящегося высшего единства» (стр. 38). Едва ли нужно подчеркивать, что этот единственный положительный ответ на вопрос о сущности прогресса есть лишь приличная форма уклонения от ответа.

М. А.

Проф. Н. В. УСТРЯЛОВ. — «Понятие государства». Харбин, 1931.

Чрезвычайно показательно, в видах выяснения эволюции автора, сопоставить эту брошюру (вступительную лекцию в курс государственного права в Харбинском юридическом факультете) со статьей его «Фрагменты», написанной ровно 10 лет тому назад, — тем более, что между обеими статьями есть явная генетическая и даже текстуальная связь.

Устрялов — поэт силы. Его приковывает ее тайна, метафизическая духовность мощи, ее движущая идея. Этой идеи однако он не вскрывает, цепенея перед фактом. Злой силы в мире он какбудто бы не видит. Отсюда пафос цитат из... Ж. де Мэстра. «Кровь — удобрение для процветания того растения, которому имя гений». Напомню другие слова того - же Мэстра: «Нет ничего более благородного, чем палач; это высшее существо, краеугольный камень общества»... Но ведь исход борьбы часто решается не силою или не только силою, но и случаем, устраняющим идею... Впрочем, правда и то, что сам случай тяготеет к силе... Феномен власти, находящийся в центре понятия о государстве, т. ск. цемент его — проблема био - психологическая (властность взгляда, посылающего к Анчару), неразрешимая в лоне юридического метода. Автор это и подчеркивает, говоря притом не только об эросе власти, но и эросе подчинения. И все же в формуле государства, которую он набрасывает, в этом симбиозе, лишь отграничивающих искомое, внешних понятий («территориально ограниченное, организованное единство, объединение оседлых людей в определенной общественной сфере») природа власти, повелевающей мощи, остается иксом. Из нее выпадает творческая цель. Соблазнительно было бы здесь учесть метаюридические моменты: амплификацию (геометрически прогрессирующую) функций сотрудничества, подвластность вневременной коллективной душе, слияние разновеликих психических сфер (Данте!). Юриспруденция будущего должна будет почти целиком раствориться в опытно-лабораторной коллективо - психометрии, отправляясь, скажем, не от Томазия, а от исследования мозга проф. Павловым. Скандал пустотелых понятий справедливости и права (с давно эвакуировавшейся душой) длился слишком долго, оказавшись чрезвычайно разорительным. Тут нужна коренная ломка (только начатая Петражицким), в осознании социальной насущности противопоставления схоластическим абстракциям кон-

кретных ценностей творческого порядка. Пока что к праву (в его данности) автор относится с заслуженным пренебрежением. Право подсобно - индустриальный суррогат, приглашаемый к силе на службу, когда вздумается, напр. в не - мутационные эпохи. Между тем, в указанных выше «Фрагментах», Устрялов, под наитием Гегеля, бросает замечательные мысли о том, что «переживание» само по себе не валоризирует права, что уразуметь его сущность можно лишь в связи его с «реальным рядом»; мысли, мимо которых сам автор затем парадоксально - равнодушно проходит мимо, не подняв драгоценного камня, на который наступил ногою и продолжая оперировать с понятием права в его плоскостно-рутинном значении. Отмечу, что целый ряд юристов (напр. проф. Н. Алексеев) бродит вокруг той же мысли, опять таки не доразвивая ее. Однако, построяя право, как творческую связь с вещью, мы тем самым раскрыли бы и природу власти (до сих пор как бы объявленной вне закона, без руля права, а только с ветрилом насилия), как эманации права, творчески запечатлевающего себя в реальностях, примиряюще-амальгамировав оба эти явления одной трагически - социальной значимости.

Как всегда Устрялов глубок, блестящ и изящен. Куда растет он? Цитаты из С. Франка, К. Леонтьева, Г. Лебона (между прочим, для Лебона специфична не обычно цитируемая «психология социализма», а прямо таки гениально - пророческие «психологические законы эволюции народов»), Ривароля, Фомы Аквинского — говоря за себя... (кстати, потенция автора такова, что цитатомания пожалуй излишня — Цицерон говорил «без единой цитаты»). Мистическая (точнее мистико - биологическая) струя (личность Н. В. Устрялова всегда была для меня недоразумением) ощутима и в притушенных оговорках о некоей спорности марксистской концепции государства, как классового насилия, о междуклассовой мирной равнодействующей, о неизбежной альтруистичности дальнозоркого классового эгоизма, — и в эзоповски - кудрявой сентенции о необходимости «приспособить властвующие ценности к новому уровню сознания, овладеть рефлексией ее же собственными средствами и творчески преодолеть ее, возведя вместе с тем и подсознательное на высшую ступень»... Еще знаменательнее такое толкование им откровенных слов Маккиавелли о втором, силовом способе борьбы государя (воспитанника... человеко - зверя, центравра Хирона), «объединяющей нас с дикими зверями»:

«**В настоящее время** (курсив мой) мы понимаем этот завет великого учителя политики не как безкрылое, ползучее поощрение животной стороне бытия человеческого, а как трезвый, проницательный учет нашей действительной природы и зоркий призыв подчинить ее животные элементы **человеческим** задачам. Сила не дается природою даром. Сила есть великая, хотя и страшная вещь, и надлежит ее направить на служение **добру.** Стихия власти долж-

на быть организована и просветлена под знаком конкретного осознания реальной **иерархии ценностей».**

Отсюда только шаг до религиозной установки права. Интуитивистические вехи ныне стоят на пути точного знания. Глубокий провинциализм так называемого (ибо псевдо) материалистического миросозерцания безнадежно отстал от самой позитивной науки. Именно в эту яму и провалилась Россия еще задолго до революции. Опоздавшим — кости; не только чужия, но и собственные».

Существенно, что Устрялов т. сказ. ученик Платона; первая любовь незабываема; а, как известно, Платон, обосновав систему образцового государства, в котором философы правят руками тирана и поступив на службу к сиракузскому тирану Дионисию, был им, после радушного приема, вскоре отослан с бесчестием и даже... продан в рабство, из коего еле - еле освободился. Почти тот же казус приключился и с Устряловым. Посленэповская одиозность сменовеховства (которое по «мавритански» сделало свое дело) ныне превратилась в сменовеховцеедство (см. статью Катаняна в «Красной Нови»). Гонимому племени оглашенных на паперти СССР уже нельзя даже только «молчать и сочувствовать». Даже красный восторг просто (лояльность давно уже vieux jeu), или возведенный в квадрат «неподдельного» энтузиазма, — не всегда оканчивается благополучно... Сейчас нужна экзальтация с разодранием на себе одежд... Но сам Устрялов всегда был осторожнее своих последователей. В ожидании нового зигзага генеральной линии, сосет он в харбинской берлоге философскую лапу, начиная, кажется, ощущать, что... magis amica veritas; что несмотря на обильное удобрение кровью, цветок гения так и не взрос; что «там, где политические сверхчеловеки начинают бродить стадами без пастыря — там государство в опасности». Если карта Устрялова была бита, то в самом протесте сменовеховства (устряловского) против немощного застоя, снижения быта и безидейности эмиграции — было некое героически-жертвенное дерзание; нечто от «ухода» Толстого, Верховенского-отца, Федора Кузьмича... В статьях Устрялова («Под знаком революции») была сгущена вся противоречивая безысходность нашей драмы; эту книгу живое национальное сознание эмиграции — поскольку оно имелось... — не могло не пережить вдумчиво и скорбно... В сущности, сегодня в зарубежной печати только переживается ряд забытых или даже утаенных устряловских мыслей. Некоторые из них вошли уже в разрешенный цензурой символ эмигрантской веры. Такова логика вещей, иррациональные гримасы их смысла... С живым интересом будем мы поджидать обещанного продолжения статьи, посвященного новейшим трансформациям государственных образований.

Я. М.

«ЗАКОН И СУД». — Вестник Русского Юридич. О-ва. Рига.

Ежемесячник этот (кажется единственный в эмиграции юриди-

ческий журнал, кроме «Вестника китайского права» в Харбине) интересен не только цивилисту-практику, работающему в лимитрофах; блестящие «дневники» О. О. Грузенберга, стоящего во главе журнала, часто откликаются и на общие темы. Так например в № 13 О. Грузенберг вспоминает свои разговоры с Толстым, воскрешает из небытия прекрасные его слова: «Случалось ли вам переезжать в лодке быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно: иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо **рулить всегда выше** — жизнь все равно снесет». Да, только в преображении исход, сняющий берег и радость нахождения подлинного я... Что же удивляться, что нас так отчаянно сносит? Толстой был слишком велик для своего времени. Он слышал зовы грядущего, жил как бы в его плане, ощущал ту незримую тень, которую будущее бросает впереди себя. Будил, да так и не разбудил нас. Вот и другой большой Человек ушел, трагически, как Вейнингер, из жизни, как бы в отчаянии от общей глухоты: Петражицкий. Есть что то вещее в отлете освобождающегося от земного тяготения, переросшего свой разум, духа. Чорт догадал и его, Петражицкого, с душой и талантом родиться в России, а умирать... на чужбине повоенного бездушия. О. Грузенберг, проведший не так давно пять дней у Петражицкого в Варшаве, записывает в № 20 следующие его слова: «...Я уже давно не читаю ничего серьезного. Одну газету за целый день. Достаточно! Эта глупая и злая порода, именуемая человеком, переколотила миллионы людей в войне международной, теперь рвется изо всех сил к новой, быть может еще более страшной бойне... Со времени Франц. революции ничего не изменилось — а прошло с того времени без малого полтораста лет, — где же тогда духовный прогресс?.. Не вы ли писали мне, что **«Чека не только в большевицких подвалах, но и в сердцах буржуазии и ее интеллигенции»?...** Мне мешает работать и жить отсутствие желания жить... Если б я не был верующим, то давно ушел бы... **Вы лучше вот что скажите мне — веруете ли вы в Небо и загробную жизнь?...** Я думал, что жизнь вся еще впереди. А вот она окончена — вся и без остатка». — «А затем», говорит О. Грузенберг, «более чем в часовой речи он, с присущей ему стройной логичностью и тщательной методичностью в аргументации, нарисовал картину гибели **обреченной**, как он выразился, Европы, описал точно пути, по которым пойдет эта гибель и назначил примерные сроки. Мне трудно было ему возражать, так как сам думаю приблизительно то же — но с той лишь существенной разницей, что не считаю общечеловеческой гибелью крушение мировоззрения моего поколения, равно как глубоко верую, что «золотой век» — не позади, а впереди — всегда и во всем впереди. Но такого глубокого обоснования исторического предсказания, провидения, мне никогда не приходилось слышать». Щемит сердце читать, как О. Грузенберг пытался оживить Петражицкого предложением записывать под его диктовку: «я понял,

что ушедшей в песок реке не вырваться наружу... Долго, по возвращении к себе в Ригу, я думал о Петражицком и всегда он представлялся мне простирающим руки к небу с мольбой наставить, научить, как ему дотянуть свою мертвую жизнь до страстно желаемой кончины. Но небо холодно молчало. Утром 15 мая он наложил их на себя».

Тревога Петражицкого кажется особенно вещей на фоне безнадежности недавних прогнозов Шпенглера, Лебона, Эйнштейна, Муссолини...

Я. М.

В. Н. ИЛЬИН. — «Шесть дней творения». Париж.

Книга проф. В. Ильина является опытом естественно - научного оправдания библейского мифа. В сжатой, но яркой форме автор не только дает отпор механистическому миросозерцанию, но убедительными примерами показывает, как отстало оно от самого точного знания; насколько органическая идея сотворяющей, предвидящей силы в мире, в своем триумфальном возвращении, сметает все псевдо - натуралистические попытки обессмыслить жизнь. Знать все это важно и политику, коль скоро хочет он строить общество не на песке. «Дискретность» общества, бывшая главным возражением против органической теории его, озаряется новым светом, когда частицы самих атомов оказываются находящимися (электроны от протона) на звездных расстояниях. Интересна книга и в связи с поисками синтетической плазмы, которыми отмечены наши дни. Некоторая неистовость оценок и заумность заключительных богословских страниц незаметна на фоне подлинно любовного отношения автора к теме. Материал использованный им громаден. Есть одна опечатка, которую нельзя не отметить, пожав руку наборщику: о появлении уже в пермский период палеозойской эры позвоночных и рептилий. Стало быть — задолго до сотворения человека... Думаю, что цель В. Ильина была не только дать настольный справочник, сгущающий натур - богословские вопросы, о которых можно спорить, но главным образом, заставить задуматься над тайной, в которой мы растворены... Цели этой он достиг. Поэтическую душу, изумленно - любопытствующую к миру, книга эта взволнует. Большего и не надо: это и есть религизоная тихая песнь, несущаяся из глубины веков. Ушла она из мира и явно становится он безпризорным. Вокруг нее и должны сплотиться ближние и други культуры в наш поздний час. Работа В. Ильина и рассчитана на такого изысканного читателя, одержимого ощущением безмерности мистерий жизни и единственности их смысла в судьбе человека.

Я. М.

«СВОЙ ПУТЬ» № 1. Июнь, 1931. Ежемесячная газета под редакцией В. А. Пейль.

Издается этот орган в Эстонии при ближайшем участии евразийцев правого (т. н. «пражского») толка. Первый номер знакомит местного читателя с основными предпосылками евразийства — и поэтому пока трудно еще опреде-

лить индивидуальный облик газеты. Будем надеяться, что она не ограничится узко - партийными задачами и что мы сможем приветствовать в лице «Своего Пути» нового собрата по общему пореволюционному фронту.

Ю. Ш.

«1931 ГОД. ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ? К ЧЕМУ ОНА ПРИШЛА?»

Под таким заглавием появилась в Белграде (склад издания: книжный магазин «Возрождение», Добринска 12) небольшая, но чрезвычайно насыщенная содержанием брошюра автора, пожелавшего остаться неизвестным.

Она содержит интересный опыт систематического изложения пореволюционного «нео - народничества» — во всяком случае, одного из его аспектов.

Приводим некоторые, наиболее характерные, утверждения автора:

«Итак, что-же такое Россия? Одна из великих держав Европы? Нет — это особый громадный историко - географический мир, неизмеримо просторнее Запада и несравненно подвижнее Востока...

Сельская страна отсталого хозяйства, бедности, сырья и рынка для Запада? Нет, это **универсальное** хозяйство... законченный круг сырья, производства и рынка... «самодостаточное государство».

Нация - государство, вроде Англии, или Франции, или Италии? Нет, Россия... не один народ, а «общество народов»...

Социальный зародыш, «примитив», тщетно догоняющий утонченно и сложно развитую социальную организацию Запада? Нет, это некое особое социальное строение, уже давно выросшее из примитива и уже вросшее в новую культуру.

Фатальная деспотия Востока? Нет... это страна не «деспотическая», а «демотическая»... слагающаяся в новую — серьезную, углубленную, земско - деловую демократию.

Одна из культур Европы? Нет... Россия ныне — не отсталый хвост Европы, а прошедший рядом с ней своими — новыми — путями **предтеча XX века».** (стр. 74-76).

Установка автора — не агрессивна; по его мнению, задача предстоящего периода — прежде всего **самоустроение**; в области внешней политики миссию России он утверждает, как несение «мира всему миру».

Антитеза «капитализм - коммунизм» может быть, по его мнению, преодолена при помощи развитой и правильно организованной кооперации.

В брошюре, рядом с очень близкими нам и несомненно пореволюционными утверждениями — есть и промахи (ультра крестьянофильский подход), наивности (государственное слияние с славянами), — есть и серьезные провалы (нет ясного утверждения примата духовного начала; заметно сильное влияние натуралистических теорий; совершенно обойден религиозный момент — проблема российского мессианского призвания даже не затронута и т. д.).

На всем изложении заметен некоторый налет розового интеллигентского прекраснодушия (и это несмотря на ярко оттененный, вполне осознанный автором, про-

вал в России всякой «интеллигентщины») — много типично дореволюционного «розового» идеализма.

Несмотря на эти недочеты — брошюра производит очень большое впечатление; написана она искренно, с несомненным подъемом; изложена хорошим, общедоступным русским языком.

«1931 год» — ценный вклад в пореволюционную политическую литературу; всякому, интересующемуся проблемой пореволюционного народничества мы настоятельно советуем с этой брошюрой познакомиться.

Ю. Ш.

КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ ДЛЯ ОТЗЫВА:

Алексей Ремизов — Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры. YMCA-Press. Париж MCMXXXI.
Владислав Иванов — Заметки по вопросам эстетики. Париж 1931.
Владимир Гущик — Христовы язычники. Таллинн 1929.
Николай А. Реймерс — Эстетический принцип в истории. Опыт характеристики народов. YMCA-Press. Париж 1931.
1931 год. Что такое Россия? К чему она пришла? Белград 1931.
Проф. Н. В. Устрялов — Понятие о государстве. Харбин 1931.
Проф. Н. В. Устрялов — Проблема прогресса. Харбин 1931.
Культурная автономия. Вступительная статья к закону о культурной автономии проф. М. А. Курчинского. Изд. Нарвского отд. Русск. Нац. Союза. Нарва 1931.
Закон и Суд. Вестник русского юридического общества. Рига. № 20.
Свой Путь. Ежемесячная газета под редакцией В. А. Пейль. № 1.
В. Н. Ильин — Шесть дней творения. YMCA-Press. Париж 1931.
Birmingham Bureau of Research on Russian Economic Conditions. Memorandum № 1. May 1931.

ОТ КНИЖНОГО МАГАЗИНА Я. ПОВОЛОЦКИЙ и К-о:

М. Я. Ларсонс — На советской службе. Париж 1930.
Е. Думбадзе — На службе Чека и Коминтерна. Париж 1930.
А. Ольшанский — Записки агента Разведупра. Париж 1930.
Г. И. Мясников — Очередной обман. Париж 1931.
Г. А. Соломон — Ленин и его семья. Париж 1931.
П. Н. Савицкий — В борьбе за евразийство. 1931.
Р. О. Якобсон — К характеристике евразийского языкового союза. Издание евразийцев. 1931.

Le Gérant : *M. Bisnovaty.*

Imprim. de la Soc. Nouv. d'Editions Franco-Slaves
32, rue de Ménilmontant, 32, Paris (20)

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Статьи (по возможности короткие), информационный матерьял, издания для отзыва и т. д. надлежит направлять по адресу:

Mr. George Schirinsky-Schikhmatoff, 7, avenue de Bellevue,
Sèvres (S.-et-O.), France.

Рукописи просят присылать четко написанными (желательно — перепечатанными на машинке) на одной стороне листа, с широкими полями.

Редколлегия сохраняет за собой право сокращений и исправлений текста. Непринятые рукописи не возвращаются.

Статьи должны быть подписаны полным именем; псевдонимы будут допускаться лишь в исключительных случаях.

Редакция просит сообщать ей адреса всех библиотек, а также лиц, сочувствующих направлению журнала; крайне ценно всякое извещение о том — где и в каком органе печати (число и номер) были даны отзывы об «Утверждениях».

Отдельные номера можно выписывать: № 1-ый по цене 1 ам. долл., № 2 — 35 ам. центов за экземпляр (с пересылкой, в любой валюте); принимается подписка на № 3 (выйдет в декабре) по цене 25 ам. центов с пересылкой (по выходе из печати цена будет повышена).

Стоимость объявлений: 1 страница — 200 франков, пол страницы — 110 франков, четверть страницы — 60 франков.

УТВЕРЖДЕНИЯ № 1

Издание распродано. Оставшиеся на складе несколько экземпляров могут быть уступлены только на основании особых в каждом отдельном случае постановлений Редколлегии, по цене 1 ам. доллар за экземпляр. Преимущество будет дано библиотекам, кружкам молодежи и членам пореволюционных организаций.